

Е. ЛУНДБЕРГЪ

ЗАПИСКИ
ПИСАТЕЛЯ

«ОГОНЬКИ»
БЕРЛИНЪ
1922

Е. ЛУНДБЕРГЪ

**ЗАПИСКИ
ПИСАТЕЛЯ**

**«ОГОНЬКИ»
БЕРЛИНЪ
1922**

*Обложка работы
Александра Арнштамъ.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это не политический дневникъ, но дневникъ писателя, желавшаго понять, что происходит на родной земль. Изъ бытового материала, собранного авторомъ, въ эту книгу вошли лишь отрывки, связанные съ основной темой. Столкновеніе революціонной стихіи и человѣческой косности — вотъ величайшая тема нашего времени. И сколько бы приобрѣтеній октябряской революціи не смыла обратная волна — одно навѣтки угульпъетъ здѣсь, на отмели временъ: отвращеніе къ косности.

Е. Л.

1 9 1 7

Январь. Криница Черноморской губ.

Солнце, тепло, синь небесная и морская. Сегодня — Крещенье. И криничане сбъжали въ полдень съ горы на пляжъ — искупаться въ послѣдній разъ. Не сегодня — завтра ударить нордъ-остъ, и конецъ загостишней осени. Сорвѣть металломъ и стекломъ звенящій листъ, убѣть травы, рѣчной камышъ, отброситъ далеко прибрежныя воды и подыметъ холодную глубь, бороздя ее ледяными барашками.

На разсвѣтъ встрѣчалъ я почтальона у рѣчки Пшады. Почти безошибочно знаю, когда придетъ письмо, — дождался и сегодня. Письмо отъ Е. П. необычное. Полно веселья — не личнаго. Что-то готовится; въ Петербургъ ли, въ Россіи ли, я не могу понять. Личное отступило въ тѣнь, веселье легкое и жуткое передъ неизбѣжнымъ.

«Стануть поѣзда, не будетъ писемъ, узнаешь о событияхъ еще болѣе серьезныхъ — не тревожься. Все будетъ хорошо».

Береговое — село, въ двухъ верстахъ отъ Криницы и отъ моря. Криница — на горѣ, надъ моремъ, среди садовъ, на

южномъ склонѣ ихъ. Налѣво — излучины, видны Сочи, зубцы предгорій, иногда даже снѣга вершинъ. Направо — лѣсистые холмы съ крутыми щелями, горизонтъ замкнутъ, но за мысомъ снова просторъ. А Береговое — настоящее, крестьянское село. Прорѣзаютъ его русла трехъ рѣчекъ, въ долинѣ осенью ни прохода, ни проѣзда, крестьяне блѣдны отъ малярии, дѣти вырождаются. Садовъ нѣть, хаты — на пути нордъ-оста, зимою теплого угла не найти. Звали ихъ къ морю, на террасы прибрежья, въ кизиловыхъ и дубовыхъ чащи — на что имъ? Сулили шоссе, плотины отъ разливовъ, свайные огражденія — отказались, на что имъ? Море — будетъ война, турка приплыветъ; шоссе — бродягамъ только и нужно пороги обивать; сады — «культурникамъ», ученымъ, изъ господъ, что засѣли въ щеляхъ и на перевалахъ и странно-одинокую ведутъ здѣсь жизнь, отказавшись отъ городовъ, отъ книгъ, — и прелестью утренняго роснаго воздуха угашаютъ ночную тревогу половинчатыхъ, никогда не сытыхъ душъ... Ничего не нужно крестьянамъ. По крестьянски. Я вижу, какъ они живутъ, люблю ихъ — и не люблю. Не люблю за то, что имъ ничего не нужно. Хотя они не спокойны, завистливы и далеко не мудры.

Когда долго нѣть писемъ и газетъ, — иду въ Береговую. Не надо спрашивать мужика о томъ, что онъ знаетъ. Онъ задумается — и совретъ, или не скажетъ ничего. Надо — не беспокоить его. О погодѣ, о фасоли, о табакѣ, о заколотѣ кабанѣ. И вдругъ повѣдаетъ. Нашихъ бываютъ; сынъ Сидора Кривенка убить; Фома лежитъ искалѣченный шрапнелью въ Геленджикѣ; на желѣзныхъ дорогахъ готовится забастовка. Царица помогаетъ нѣмцамъ; снарядовъ мало; жизнь дорожаетъ; еще одинъ наборъ, — кто сѣять будетъ? Помочь бѣдѣ одна забастовка можетъ. Станутъ поѣзда, пойдетъ армія домой — конецъ войнѣ.

Такъ вотъ о чёмъ пишетъ Е. П. И опытъ говоритъ мнѣ: слѣпая молва деревенская не обманетъ.

Въ сумерки легкою тропою домой. Пахнетъ сыростью оть Пшады, а издали милый, нѣжный, переливчатый льнущій шумъ прибоя. Милый, нѣжный, вѣчный. Тебѣ — моя любовь, моя память. Бодро промчался олень — прямо въ гору, точно крылатый, и сразу четырьмя копытами сталъ наверху, слушаетъ. Воютъ чакалки окрестъ, въ заросляхъ развалинъ старой крѣпостцы. Здѣсь когда-то стояль Лермонтовъ. Дальше остатки черкесскихъ садовъ, и такъ не понятно, что онъ, Лермонтовъ, гналъ черкесовъ отсюда, выбивая, свободныхъ, изъ щелей, губя сакли, сжигая стога горного сѣна? Еще дальше — городокъ долменовъ, лицомъ къ восходящему и полуденному солнцу. Крестьяне разбиваютъ ихъ на щебень, на ступени для хатъ, на придорожныя тумбы.

Ночь, звѣзды, одиночество, прибой. Одинокая лампа въ крохотной хаткѣ на опушкѣ. Ластится котъ, трогаетъ лапками страницы книги. Съ вдохновеннымъ лаемъ бросились въ лѣсъ мои псы, почувявъ кабаниху. Такъ тихо, такъ тихо. Но покоя нѣть. Личное отступило. И книги точно не тѣ, что были годъ назадъ. Кается въ мелкихъ грѣхахъ — высокомѣрный, задремавъ отъ утомленія, находить истину — невѣрный, двуличный, потаенно злобный бл. Августинъ. Маркъ Аврелій заброшенъ — духовная упражненія въ безстрастіи такъ никчемны, когда на границахъ... Только Лютеръ и Ветхій Завѣтъ, богъ — гнѣвъ, богъ — уничтоженіе... — что — помогаетъ? Нѣтъ. Но ихъ еще можно читать. Въ нихъ нѣтъ законченности, сладости, подмѣна вопроса отвѣтомъ. Да, голодъ, кровь, пушки, гибель — это эпосъ. Лирикой ихъ не перекричать.

Криница основана нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ не то руссоистами, не то просто искателями чистой жизни. Мощи двухъ отрекшихся отъ эванія князей въ фундаментѣ

Криницы. Была эпоха ея славы, была эпоха труда, а теперь — склонъ къ небытію. Криничане расчистили лѣса, устроили сады, водостоки, бассейны. Но землю распродали частями и деньги за распроданное проѣли. Вонъ тотъ лугъ, гдѣ растутъ одиночками грецкіе орѣхи, и гдѣ лучшее поле криничанъ, добыть у крестьянъ за два ведра водки. Криница падаетъ. Пытливые вымерли. Старики, какъ старики, — все о прошломъ. Расцвѣли въ ней ханжество, принужденіе и тоска. Лучшіе изъ молодыхъ рвутся на волю. Но есть и умные трудолюбцы, и честные садоводы, и книгоочі. Есть, да, но они не въ работѣ, а на войнѣ. Сынъ старика Зотика Сыгучова пропалъ безъ вѣсти въ Бельгіи. Ваня, солдатъ, гибнетъ отъ скоротечной — страшные у Вани глаза, пустая грудь, бѣжалъ съ фронта, хоронится у криничанъ. Михаилъ, сынъ княгини Натальи Николаевны — на войнѣ. Борисъ Сыгучовъ, агрономъ, тоже. Ларіона берутъ. Бориса Яковлева тоже.

— Пора кончать, — говоритъ старый Зотъ. И всѣ понимаютъ, что надо кончать.

Береговая полна дезертировъ. Пусть живутъ — говорять старики; потеряли страхъ, подошло время. Слишкомъ много мертвыхъ. Калѣки дома, въ кооперативной лавкѣ, на почтѣ, въ уѣздномъ лазаретѣ. Попъ пересталъ лгать, не блудить по мѣрѣ силъ — для селянъ церковь перестаетъ быть церковью, причастіе — причастіемъ, а для себя попъ нашелъ именно теперь и церковь, и молитву, и причастіе — никогда не виданныя, доселъ не пережитыя. Нашелъ, но не поднялъ: изолгались руки, изолгались глаза и сердце — пусть лежатъ въ пыли. И ждеть кола въ спину.

Шоссе за Пшадою, съ тремя мостами, подъ самыми доменами, шоссейная будка, камелекъ въ ней и уютная слѣпая старуха. Ослѣпла — значитъ, больше не видѣть. И все.

Забыла и про свѣтъ и про краски. Находитъ дверь въ кладовушу; въ кладовушѣ — вино, моченый виноградъ, хлѣбъ, сыръ и медъ.

Почтовые бубенцы, — уѣздный начальникъ. И онъ сталъ не тотъ. Страхъ въ лѣсу, страхъ на постоялыхъ дворахъ, на почтовыхъ станціяхъ. Пайки, вдовы, сироты, калѣки, убитые, призывы. Не спокойно.

Вахмистръ жандармскій. Урядникъ. Староста. Начальникъ почтовой конторы. Конвойная команда. Все такъ же, какъ было раньше, — но точно на высокихъ цоколяхъ приподняты они всѣ по одиночкѣ надъ просто-людьми. Эта приподнятость страшна, отъ нея — сознаніе преступленій, проклятие рукамъ, отдавшимся недоброму дѣлу. До войны — братъ въ солдаты, сажать въ тюрьму, бить по лицу, судить — можно было. И вдругъ стало не то, чтобы нельзя, а неудобно.

Шоссе — окно въ большую жизнь, и не одни бубенцы на немъ. Пѣшеходовъ стало больше, чѣмъ въ былые годы. Идутъ въ городъ вдовы — за вѣстями, за наслѣдіемъ. Идутъ навѣщать раненыхъ. Санитаръ прошелъ. На успѣль замыть кровь на шинели, глазъ нѣтъ, налиты невидящимъ водою. Да, спасаль, было. И многихъ спасъ. Но обкрадывалъ умирающихъ. Да, не зналь страха, закалилась душа и, когда звали, шелъ на подвигъ, какъ на обыденный трудъ. Но навсегда потемнѣли руки отъ натуги, когда душилъ недобитаго, чтобы снять часы и крестъ. Потемнѣли, желтая, чужая.

Отчего изъ городовъ уходятъ нищіе? Говорятъ, голодъ будетъ.

Ахъ, много новорожденныхъ зарыто въ поляхъ, растутъ на нихъ картофель и бурьянъ; — рождены отъ случайныхъ отцовъ.

Возстало плоть; тѣсно ей; расцвѣла, недовольная, жадная; придинулось отвращеніе и гонить къ грѣху тяжелыми бичами своими.

Василій (охотникъ) рассказывалъ мнъ о томъ, какъ ходилъ въ аттаку противъ нѣмцевъ. «Бѣешь, чтобы самого не убили, отъ страха. Ничего не видишь. Только руки потомъ мокрыя отъ крови, и ружье погнуто. Было разъ, въ лицо е м у поглядѣлъ... Постарался запамятовать, нехорошо такое помнить».

Миша Ш. писалъ, что тѣла не слышно, крылья за спиной. «Легко такъ оттого, что сердце разорваться хочетъ, не выдерживаетъ. А потомъ, знаешь, на всю жизнь оно отяжелѣть, свинцовое»...

Такъ у всѣхъ: главное — забыть, огрубѣть, пріобрѣсть закалъ. Въ началѣ войны казалось, что стояніе людей передъ трагическимъ дастъ расцвѣтъ трагической культуры. Однако, перевѣсь трагического въ общественной жизни смыкаетъ культуру. Вѣдь трагическое — это все равно, что страшное. Будто выростаютъ изъ него рѣдкіе и чудесные цвѣты? Но обѣ этомъ говорить нельзя. И совсѣмъ уже нельзя искать. На это бываютъ обречены. Судьба. Судьба — такое прекрасное слово.

Е. П. пишеть о близости переворота. Значить, переворотъ подготовленъ? И силы, которыя свершать его, будутъ введены въ русло? Но вѣдь въ конечномъ счетѣ переворотъ закрѣпятъ не тамъ, въ столицѣ, а здѣсь, — Береговая, Криница, Вуланка, Бета?...

Здѣсь никто не подготовленъ къ будущему, лишь отрицаютъ прошлое. И какъ ихъ подготовить! Темныхъ, апатичныхъ, мелочныхъ. Ни Береговая, ни Криница не совершаютъ и не закрѣпятъ ничего. Кто-то поведетъ, кто-то обдумаетъ за нихъ.

Надолго залегла полоса тошноты сердечной. То ли дурное предчувствіе, то ли вѣрный отвѣтъ тому, что совер-

шается вокругъ. Никто не хочетъ больше убивать, — войну надо брать по-бабы — но никто не уйдетъ, кромъ нѣсколькихъ тысячъ дезертировъ, ибо — страхъ, кара. Всъ знаютъ, что не надо, мерзко, но молчатъ. Писатели стали патріотами. Несогласные загнаны въ подполье. Ни одинъ голосъ не поднялся надъ толпою. Помню начало войны. Помню именно начало, а не то, что было раньше начала. Ибо цвѣтъ и вкусъ мирной жизни совершиенно ушли изъ памяти. Столько мудрыхъ мыслей раздавали литераторы паствѣ своей. Литература казалась вершиною жизни. Кое-кто смѣялся надъ этимъ, большинство принимало, какъ должное. Ивановъ-Разумникъ размашисто прокладывалъ новые пути въ литературѣ своими «Завѣтами». Н. Н. Сухановъ, В. Б. Станкевичъ и я издавали интернационалистический «Современникъ». Поучало честное «Русское Богатство», жили-были «Вѣстникъ Европы», «Миръ Божій», газеты. Около радикального крыла литературы сгрудились профессора, земцы, студенты, благородные провинціалы. Началась война. Всъ знали, что мерзка она. Но по приказу стали лакеями. Свободные, талантливые — одни, какъ Станкевичъ, ломали себя и уходили рыть траншеи, другіе оперлись на высокую политику, третыи вспомнили о народномъ духѣ, котораго не могли найти въ мирномъ бытіи, но нашли въ войнѣ, когда народа не стало, когда раздали народъ, какъ брошенное середь дороги зеркало. Чудесное было зеркало, зеркало Божіихъ мыслей, но некому было держать его. Кто не ушелъ тогда къ проповѣдникамъ войны! И ушли не по страсти, не по знанию, а потому, что такъ повелось, — и не все ли равно, что этимъ уходомъ рѣшено было наше будущее? Народъ остался безъ интеллигенціи и никогда не проститъ лжи. Ивановъ-Разумникъ боленъ. О Блокѣ ничего не знаю. Л. Шестовъ молчать и не спить по ночамъ. Андрей Бѣлый едѣ-то въ пространствахъ, не то въ Дорнахъ, не то уже въ Москвѣ. Н. Сухановъ пишетъ больше другихъ, и какъ его поносить.

Остальные ушли. А. Ремизовъ, Л. Андреевъ, Ф. Сологубъ. Н. Бердяевъ проповѣдуетъ крестовые походы. Эрнѣ и Булгаковъ позорять Гете и Канта.

Такъ — наверху. Внизу же — не мысли, а — дѣла. Калѣчество, нищета, потеря радости труда. И страхъ, страхъ, страхъ. Страхъ рождаетъ ненависть. Это — для тѣхъ, кто ждалъ отъ войны религіознаго возрожденія.

На хуторъ за Бетой возвратился хозяинъ, нашелъ прижитаго безъ него ребенка и уничтожилъ его. Убиты Власъ, Федя Николенко, Семенъ и Федоръ Басины, пошла по міру младшая Басиха, сгорѣла хата у снохи, есть слухъ, что убиты еще одинъ Федоръ, Фоминъ сынъ, еще одинъ Семенъ, рыбакъ, Сергій изъ Вуланки, братья старовѣры съ Лысой горы, бывшій лѣсникъ оттуда же, и сгинулъ безъ вѣсти пятнадцатилѣтній сынъ его, доброволецъ. Вотъ они — дѣла. И это — наши дѣла, это отвѣтъ на наше молчаніе.

Струнно гудятъ деревья въ лѣсу. Песьяго лая не слышно, забились псы въ нору, подъ крыльцомъ. Въ первомъ часу ночи высоко надъ горами загремѣлъ вѣтровой органъ, трубы необъятной силы разнесли вѣсть о стихіяхъ. Кончился теплый, несущій ливни морякъ, начался нордъ-остъ. Я стоялъ на крыльцѣ, укутавшись въ тулупъ. Зналъ, что по морю невидимо проходятъ высокіе столбы смерчей, и останавливаются въ разбѣгѣ своемъ южныя волны. Уже покрывались ледяною корою деревья, и кончалась веселая схватка надъ горами, когда рѣзко съ юго-востока пробили три пушечныхъ выстрѣла и сверкнула ракета. Гибнетъ пароходъ или большая парусная шхуна.

На утро уже знали, что никто не погибъ, и шхуну притянули на канатахъ къ берегу. Часть груза унесло волнами — табакъ, апельсины, крымскія яблоки, сушину. Часть раскупили сосѣди. Кто за канатъ, кто за трудъ, кто за овощи и дрова.

На шхунѣ — старшій, два матроса и три дезертира. Павловъ — бывшій народный учитель. Худой, въ грязныхъ рыжихъ космахъ, рыбій ротъ, свиные злые глазки. Жена его похожа на гречанку, всего у нея слишкомъ много: и голоса, и блеску въ глазахъ, и яркаго тряпья, и грудей, и живота. Другой дезертиръ, жилистый, огромный, тяжело переводить съ предмета на предметъ тяжелый взглядъ. Ему все равно, харкаетъ кровью, жить недолго. Третій — красавецъ-воръ, стройный, какъ ель. Отчего среди воровъ такъ много красивыхъ людей?..

Говорить не любятъ. Отвыкли въ окопахъ, въ лѣсу, по городскимъ вертепамъ. Павлову пришлось и пограбить и, должно быть, убить. Гречанкѣ много надо. Отказать нельзя, уйдетъ. Жилистый — неудачникъ, самъ ничего не можетъ, дѣлаетъ, что прикажутъ. Былъ когда-то умень, но паль духомъ. Воръ — какъ воръ. Легкій бабникъ, глаза цыганскіе; всегда самъ по себѣ, знаетъ, что дѣлать, какъ во время уйти.

Если бы ихъ было всего трое на шхунѣ, не стоило бы и запоминать. Ихъ тысячи въ нашей округѣ, десятки тысячъ въ Черноморѣ и на Кубани, сотни тысячъ во всей Россіи. Война и колеса государственной машины совершаютъ отборъ. Уходятъ и такъ перерождаются наиболѣе сильные, наиболѣе умные. Продлится война, удесятерится ихъ число. Эти дезертиры — начало народнаго противъ войны голосованія. Ими война уже осуждена, право осужденія куплено цѣною жизни. Однако, одного голосованія имъ мало. Отголосовавъ, подождутъ; подождавъ, примутся строить свое царство. Дезертиры, пожалуй, и не дезертиры вовсе. Пожалуй, они-то и есть подлинные «на

дѣйствительной службѣ», а съ настоящаго поля бѣжали тѣ, кто остался въ строю.

Они — капли крови народной, выдавливаемыя колесами государственной машины. Какая можетъ быть красота въ крови разбитаго тѣла? Такъ вотъ и они нехороши. Начало дѣла рождается въ низинахъ.

Послѣ встрѣчи на шхунѣ я стала совсѣмъ по новому смотрѣть на дезертировъ. Записаль всѣ встрѣчи, до одной. Иные мнѣ снились, иныхъ я боялся. Были среди нихъ и жалкіе люди. Но эти послѣдніе научили меня, пожалуй, еще большему. Грѣшно спать совѣстю, укрывшись отъ живыхъ условностями. Живое не бываетъ ничтожно. Грѣхъ — не грѣхъ, преступленіе — не преступленіе. Всѣ иначе, чѣмъ мы видимъ и чѣмъ мы называемъ. Мы отравлены готовыми опредѣленіями: Всѣ иначе. Надо отказаться отъ названій, замолчать. Кто хочетъ увидѣть, пусть не боится уродства, нищеты, мора, подлости, ничтожества, паденія. И они придутъ. Ибо не зря судьба народная выслала въ міръ страшныхъ своихъ вѣстниковъ.

Какъ бережно прячутъ крестьяне дезертиrovъ отъ власти. Не всѣхъ одинаково, какъ-то ихъ различаютъ. Какъ — не знаю. Но кого прячутъ, за тѣхъ, пожалуй, и отвѣтить готовы. Это сознательный мужицкій заговоръ противъ старого государства.

Церковь — о войнѣ. Священники на войнѣ. Ведутъ въ наступленіе, освѣняя крестомъ. Католичество само извлекало мечь и умѣло съ нимъ обращаться. Въ немъ нѣть духа угодливости передъ государствомъ, которымъ отра-

влено православіе. Лютеръ быль сознательно двуличенъ. Духомъ практицизма и мелочности продиктованы статьи Лютера противъ бунтующаго крестьянства и въ защиту войны.

Возвратился Никифоръ, садовникъ. На завтра же взялся за плугъ, перепахиваетъ огородъ и заливается веселымъ фальцетомъ.

Криница создана людьми, искавшими чистой жизни. Но живеть Криница нехорошо. Внутри — борьба за власть — смѣшно — въ общинѣ, составленной изъ семи-восьми семей. По отношенію къ внѣшнему миру больше фразъ, чѣмъ у рядового предпринимателя, но сущность та же: продать, нажить, оправдать себя, запастись на будущее. Трудъ не тяжель, но распредѣленъ плохо. Слишкомъ много работаютъ наймиты, собственныя дѣти и практиканты. Практиканты — это наивные люди, прїѣзжающіе въ Криницу учиться труду и смыслу жизни.

Рядомъ — Береговая. Обыкновенные крестьяне, полтавскіе, екатеринославскіе, кубанскіе. Дворъ, поле, табакъ, семья. Оправдать себя, обезпечить будущее. Есть, правда; исключенія. Павель — рыбакъ. Братъ его, Илько, охотникъ. Эти романтичны, любятъ просторъ, лѣнтия... Но остальные вросли въ землю, въ выгоду, въ имущество, въ ежедневный трудъ. Для нихъ новая крыша — событие; шоссе — проклятие. И живутъ тупо, нечисто, нехорошо.

По шоссе проходятъ, кромѣ тѣхъ же крестьянъ — матросы, ищущіе мѣстъ, рабочіе, бродяги, талантливое бездомное российское жулье, ремесленники съ либеральнымъ уклономъ мысли, искатели свободныхъ земель, неуживчивые

одиночки. Иные изъ нихъ осѣдаютъ на мѣстахъ и становятся спокойными хозяевами. Иные случайно взлетаютъ на высоту, нажившись на богатомъ уловѣ рыбы или ставъ десятскими на прибыльную работу. Но въ большинствѣ случаевъ эти похожіе у мѣютъ думать, ничѣмъ особенно не дорожать, готовы дѣлать опыты надъ своими и чужими жизнями. И живутъ, конечно, не слишкомъ добродѣтельно.

Когда думаю о переворотѣ — двѣ эти неравныя силы встаютъ въ воображеніи. Въ столицахъ рабочіе и интеллигентные бунтари совершаютъ переворотъ. Здѣсь, въ родныхъ просторахъ, отвѣтятъ революціи бродяги, бездомные, искатели — невѣдомо чего. Такъ и должно быть. Встарь за Христомъ, да и за всѣми Христами, шли не профессора, не добродѣтельные филантропы, не лавочники. За Христами шла сволочь. И за революціей, кромѣ тѣхъ, кто зачнетъ ее, пойдетъ сволочь. И этого не надо стыдиться. ✓

Февраль. Кринница.

Февраль выдался теплый. Во время зацвѣль миндаль, развѣсилъ свои пушинки орѣшникъ. Мелькнула бабочка въ полдень и сгинула. Бакланы грѣлись на камняхъ, похожіе издали на людей. Проснулись змѣи, перекинулся черезъ вѣтку бука удавъ, ждалъ кого бы ударить желѣзнымъ своимъ хвостомъ. Ушли на Кубань степные волки. Начались работы.

У Никифора-садовника умерла отъ тифа жена. На пятый день онъ, похудѣвшій, работалъ въ полѣ и пѣль грустнымъ фальцетомъ. Осталось трое дѣтей, одно — только что рожденное. Сосѣдямъ уже видно — черезъ полгода Никифоръ женится... Могилу для жены его рыли криничане. Ваня помогаль. Когда кончили — заглянулъ, точно примѣрился. Говорятъ, позваль свою смерть, уже не противится. Говорятъ, люди сами судьбу выбираютъ — задолго до того, какъ она придетъ. Говорятъ — нѣтъ случайности, — выборъ.

Съ тоскою слушаю криничанскую мудрость. Они ли подглядѣли узоръ собственныхыхъ судебъ?

Ванѣ хуже. Скрывается въ лѣсу, въ землянкѣ и сохнетъ. Чѣмъ ближе смерть, тѣмъ ласковѣе криничане. А когда

могло было помочь — суровы были. Но какъ осудить? У меня нѣтъ теплоты къ нему. Жадны и завистливы жалкіе, живые, свѣтлые глаза. Нестерпима тяга къ жизни, хотя и таетъ тѣло. Я ему врагъ, и онъ мнѣ врагъ, нипочему, противъ воли.

По вечерамъ собираются женщины. Говорятъ о лѣтѣ. Анна Алексѣевна, жена Зота, изъ основательницъ Криницы — нѣжна, шутлива, тонка. Хороши здѣсь старики — оттого, что старики, оттого, что на голомъ мѣстѣ строили, оттого, что годами дневали и ночевали рядомъ съ моремъ, лѣсомъ, звѣремъ, лихорадкой, нищетою поселенія первобытнаго... Перечисляютъ женщины тѣхъ, кто забеременѣлъ осенью, кому родить скоро, кто принималъ мужей на Рождество, кто ждетъ ихъ сейчасъ, въ эти нежданно теплія, снѣжкомъ горнымъ душистыя ночи.

Шхуна лежитъ на боку, чинится, вѣтъ отъ нея смолою, досками, табакомъ, крѣпостью матросскаго быта. Гречанка бросила Павлова, ушла въ Бету въ кухарки. Въ Береговой былъ обильный уловъ кефали. Крестьяне завидуютъ рыбакамъ, Павлу проломили черепъ въ дракѣ.

Мой день — длиненъ, ясенъ, страненъ. Въ три часа ночи встаю, смотрю съ крыльца на горы, кормлю веселыхъ собакъ и берусь за книгу. Къ шести жду, когда зацокаютъ подъ горою копыта почтальоновой лошади. Въ морозная утра онъ согрѣвается у меня и скачеть дальше. Иду въ лѣсъ по хворосту, къ ключу за водой, внизъ, къ морю, постоять у стихшей его равнины. Днемъ — урокъ криничанскимъ дѣтямъ, строгій и краткій, скучный обѣдъ, прогулка въ горы. Вечеромъ долго топлю печь. Встаетъ вѣтеръ, стихаетъ жизнь, гаснутъ огни въ далекихъ домахъ. Около девяти — сонъ, тревожный, ибо однообразіе дня моего не совпадаетъ съ тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ. Да, такъ ужъ стало на землѣ: нѣтъ совпаденій, все врозь. Покорно дышитъ кора земная, прозябаютъ злаки, тянутъ соки деревья, но подъ землею — смута. Какъ и на землѣ.

Въ первой половинѣ февраля въ волости полученъ приказъ о новой мобилизациі ратниковъ. Кавказъ до сихъ поръ берегли, а теперь сразу четырнадцать сроковъ. Изъ Кри- ницы идутъ: Борисъ Яковлевъ, Ларіонъ и я.

Борисъ знаетъ, что освободятъ. Но сугубымъ страхомъ на всякий случай притворно прилаживается къ судьбѣ. Ларіонъ спокоенъ. «Все равно прибѣгу домой, весну проработаемъ вмѣстѣ». Онъ любить землю, трудъ, мать, криничанъ, садъ. Грубовать, но что рѣшить, то и будетъ.

Черезъ десять дней послѣ объявленія, приказъ былъ отмѣненъ. Но смута осталась. Сѣятель, рыбакъ, мастеровой — роптали. Борисъ выражалъ сожалѣніе о несвершенныхъ подвигахъ. Ларіонъ улыбался. Я ушелъ въ горы къ сектантамъ.

Когда дѣтямъ страшно, — они выдумываютъ и рассказываютъ другъ другу о небывалыхъ страхахъ. Страхъ на страхъ, чтобы сердце дрогнуло. И еще: вдругъ откроется то, отъ чего страхъ повелся на свѣтъ. Отецъ страха.

Ждали зарожденія трагической культуры. Ждали религіозного возрожденія. Обманывали обѣщаніемъ материальныхъ пріобрѣтеній. Среди большихъ писателей, ученыхъ и проповѣдниковъ отобрались люди великаго безстыдства, которые намекали на то, что война введетъ Россію въ золотой вѣкъ.

А на дѣлѣ война рождала страхъ въ сердцахъ — и зарытыя въ землю, искаженные страхомъ сердца мертвцевъ отправляли землю. Страхъ гибели подымалъ людей на подвиги. Страхъ кары отрывалъ отъ труда и семьи, строилъ батальоны, полки и арміи. Страхъ потери страха подневольными людьми научилъ философовъ философствовать по военному, а поэтовъ по военному слагать стихи.

Но страхъ рождаетъ ненависть. Меньшую ненависть — къ угнетателямъ главнымъ. Большую и неутолимую — къ ихъ слугамъ. Ибо главные давали только мысль. Слуги же отдавали руки, волю, тѣло и правду свою. Исторія войны — учительница правды. Не оттого, что правда торжествуетъ, о нѣтъ, — до такой пошлости исторія еще не пала. Но оттого, что, когда ложь расцвѣтаетъ такъ буйно, ее нельзя снести. И что бояться зла! Надо испить чашу, надо узнатъ его и пресытиться.

Люди въ большинствѣ своею явные или тайные трусы.

И правы. Страхъ извнѣ, отъ событій, отъ принужденія — зло. Но страхъ изнутри, какъ признаніе власти судебнѣ, какъ плата богамъ за отсрочку — освобождаетъ человѣка для беззаботности и веселья. Боги прiemлютъ эту плату и дарятъ смертныхъ благоволеніемъ.

Кто потерялъ страхъ, тотъ во власти тоски. И уже не знаетъ ни беззаботности, ни веселья.

Я чту друга за то, что онъ не вѣдаетъ страха. Но ему нечѣмъ платить за часы беззаботности. И онъ годъ отъ года грустнѣе, мой свѣтлый.

Мужество — умѣнье связать страхъ. Испытывать страхъ не всегда значитъ быть трусомъ. Страхъ не будить презрѣнія. Быть трусомъ значитъ расчетливо приспособляться къ своему страху, и это достойно презрѣнія.

Борисъ Яковлевъ — трусъ. И, конечно, хвастунъ. Ларіонъ самъ разсказываетъ, какъ прятался отъ кабана, какъ померещилось ему что-то ночью и онъ разбудилъ мать. Люди сочувственно смѣются его рассказамъ, но продолжаютъ вѣрить его мужеству. Ванъ двадцать два года, онъ еще не жиль — до смерти ему мѣсяца полтора, два, онъ тоскуетъ, но не боится — пока? А старый Зотъ трепещетъ, какъ ребенокъ. Сынъ Л. И. — его потомъ убили — разсказывалъ мнѣ, что самые смѣлые люди на войнѣ порою дрожатъ отъ страха и теряютъ власть надъ собою. М. Ш. писаль съ фронта, что зналъ раньше одинъ страхъ и умѣль побороть

его, но съ определенной минуты потерялъ власть надъ собою и позналъ страхъ страха. Подъ Сольдау жители убили двухъ русскихъ солдатъ. Начальникъ отряда приказалъ переколоть всѣхъ юношей въ селѣ — старше четырнадцати лѣтъ. Ихъ взяли — всего пятерыхъ — и привели на край деревни, гдѣ группой, спѣшившись, стояло начальство. Противникъ былъ невдалекѣ, запрещено было разстрѣливать. М. Ш. и молодые офицеры спрятались за стогъ, полуразбросанный прилежно хрумкающими лошадьми, чтобы не видѣть расправы. Но они услышали ее. Хрустъ костей и крикъ. «Не страхъ былъ въ крикѣ и не боль, а одиночество. Съ тѣхъ поръ я думаю, что въ смерти вообще страшнѣе всего одиночество и уже не такъ, какъ прежде, владѣю собою».

Страхъ страха тягостнѣе самаго страха. Онъ угнетаетъ силу сопротивленія. Страхъ въ природѣ живого существа долженъ быть, онъ заостряетъ сознаніе, иногда онъ — песъ на привязи, иногда — владыка...

Въ 1905 году мы стояли съ Д. Р. подъ пулями. Мнѣ было безразлично, а Д. Р. радостно вытянулся весь и засвѣтился. Но это ровно ничего не значить.

Однажды на Балканахъ въ меня стрѣляли въ упоръ. Стало весело отъ свиста картечины, весело было схватиться за оружіе, и велико было огорченіе, когда противникъ скрылся. А черезъ годъ, зѣмою, поздно ночью я сталъ въ десяти шагахъ отъ полузасѣженного столба на городской окраинѣ, грозя ему револьверомъ. Столбъ былъ прямъ, неподвиженъ и упорствомъ своимъ напоминалъ недобраго человѣка.

Много ночей проведено въ горахъ, въ лѣсахъ, въ степи, въ одиночествѣ полномъ и беспомощномъ, и одну только звѣздную радость сохранила о нихъ память — радость уюта земли нагрѣтой, прошлогодней листвы, вѣтвистаго полога, шуршанія разбуженныхъ ящерицъ и неторопливаго топота осторожнаго звѣря, который чуетъ, любопытствуетъ, колеблется, не довѣряетъ и проходитъ сторонкою въ родимый

логъ свой, легко, по-звѣриному, забывая о томъ, что его міра коснулся иной, міръ сочувствующей человѣчности...

Но — войти ночью въ пустой домъ, обернуться лицомъ къ двери, спиной къ темнотѣ, щелкая замкомъ, пройти рядъ захолодѣлыхъ комнатъ, выключая ихъ поворотами ключа и точно погружаясь на дно колодца — невыносимо.

. Въ годъ совершеннолѣтія я отказался отъ солдатчины. То не было исканіе подвига или страданія, то была внутренняя необходимость. И вовсе не тяжко было ждать наказанія, скитаться по тюрьмамъ, сносить униженія, и весело было возражать въ душѣ своей тѣмъ, кто убѣждалъ покориться. Но и это тоже ничего не значить. Ибо шесть лѣтъ спустя, тоже въ тюрьмѣ, пережитъ быль упадокъ духа, котораго не пожелаю и врагу. Внутренно не во время пришла въ тотъ разъ Петропавловская тюрьма. Строптивая воля билась о вѣшнюю необходимость, а внутренней санкціи не было. И казня себя за нетерпѣніе, я представляль себѣ палача въ своей камерѣ. Не мнѣ онъ страшенъ, не для меня онъ здѣсь. Но мнѣ говорятъ: — Поцѣлуй ему руку и выйдешь... Теперь это какъ дурной сонъ, смѣшная игра тюремной романтики. Тогда, въ неволѣ, сны равнялись дѣламъ. И карались совѣстью, какъ дѣла. Сонъ былъ отъ страха, и страхъ былъ дѣломъ, какъ жестокій ножъ по тѣлу, оставившій навсегда рубцы...

А ночной безпричинный страхъ? А чувство взгляда — когда нѣтъ никого за спиною и спущены занавѣски на окнахъ? А страхъ пустоты, страхъ понятій прошлаго, настоящаго, будущаго? Страхъ страннаго измѣненія явно неизмѣнной дѣйствительности, когда стѣны, свѣтъ, окна, звуки, стукъ маятника точно разомъ незримо вздрогнутъ въ самомъ существѣ своеемъ и смѣстятся?

Сегодня на урокѣ прочелъ дѣтямъ про смерть Сократа. Ложною показалась мнѣ надуманная простота этихъ стра-

ницъ у Платона. Дѣти же услышали другое. Они взволновались высокимъ и свѣтлымъ волненiemъ. Я поймаль себя на мысли:

— Если бы каждый день та к о е читать себѣ и другимъ, какъ измѣнились бы люди. И неправды стало бы меньше...

Такъ, сначала я заразилъ дѣтей ложью. А тамъ они — возвратили заразу мнѣ. Педагогически — благотворный кругъ замкнулся.

Пишу, а надъ дубами встаетъ вѣтеръ. Жду, не загудятъ ли ели на горѣ — если загудятъ, значитъ опять нордъ-остъ. При звукѣ вѣтра, долетающаго сюда изъ тундръ якутскихъ и пролагающаго путь до Сициліи и до Пиреней, мнѣ приходитъ въ голову мысль (если это мысль, конечно), что страхъ — удѣль одного обездоленного природою человѣка, что вѣтрамъ не вѣдомъ страхъ, что человѣкъ несправедливо лишенъ дара метаморфозы и замкнуть въ предѣлы человѣческаго естества.

Было засѣданіе общиннаго совѣта Криницы. Криничане постановили въ благодарность за ученіе дѣтей уступить мнѣ по сходной цѣнѣ участокъ земли съ остатками старого фруктоваго сада. Послѣ обѣда пошелъ смотрѣть эту землю. Острое чувство грусти — грусть ненужнаго дара. Земля хороша; и дубы на ней чудесные; и черкесскія могилы; и дать; и край виноградника; и ровное плато съ забитымъ камнями родникомъ, около котораго по ночамъ толкутся дикіе кабаны, — но не надо, не надо, не надо. И не понять, по ч е м у? Горестныя предчувствія? Или упорство скитальческаго духа? Мое, домъ, очагъ, все это такъ тоскливо, — какъ если бы всю жизнь стремиться къ этому страшно, не взять, умереть — и послѣ смерти безсильно тѣнью прийти къ мѣстамъ вожделѣннымъ. Та самая тоска, тоска, а не радость,

которую Лермонтовъ, правда, для лицъ императорского ранга, такъ чудесно передалъ въ строкахъ:

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ....

Есть равновѣсіе въ распределеніи добра и зла, противъ котораго не принято возражать. Полгода войны пріемлемо. Десять лѣтъ — преступленіе. Одинъ повышенній, особенно за разбой, хорошо. Семь — неудобно. Сто семь — крайне неудобно, почти нестерпимо. Это ничего, что въ городѣ есть тридцать публичныхъ домовъ, четыре тысячи сиротъ, семьсотъ молодыхъ вдовъ. Но люди начинаютъ думать и непрочь инсцинировать мирный конгрессъ, когда тысячи прифронтовыхъ городовъ превращаются въ сплошной публичный домъ, когда вдовы и сироты производятся въ ускоренномъ порядкѣ, подобно офицерамъ и заурядъ-врачамъ, въ славу того или другого оружія. Однако, всѣ неудобно, нестерпимо, преступленіе, надо подумать и др. не должны реализоваться сколько-нибудь полно и интенсивно. Ибо всякая полная и интенсивная реализація человѣческихъ мыслей о себѣ и о своемъ обществѣ есть нарушеніе принятаго въ распределеніи добра и зла равновѣсія, т.е. есть нарушеніе законовъ жизни. Средніе люди отъ природы одарены чувствомъ мѣры и умѣло балансируютъ. Большею люди, наоборотъ, именно въ этой области бездарны и легко теряютъ балансиръ. Не только лишняя щепотка зла, — добро, въ избыткѣ брошенное на чашу вѣсовъ, тоже нарушаетъ равновѣсіе и превращаетъ жизнь въ не-жизнь, подобно атомистическимъ бомбамъ Уэльса, освобождающимъ сконцентрированную подъ видомъ матеріи, чистую энергию. Оттого люди всегда убивали Христовъ. Да ихъ и слѣдуетъ убивать. Оттого такъ не-

навистны людямъ революціонеры. Фонарь въ городѣ, осина въ лѣсу и конопля въ полѣ созданы Господомъ Богомъ для того, чтобы уравновѣшивать идущій съ креномъ корабль жизни. Такъ понятно, что именно эти превосходныя средства революціонеры стараются вырвать изъ рукъ владыкъ житейскаго равновѣсія. Христа не нарекли фанатикомъ только потому, что онъ покончилъ на Голгоѳѣ самоубийствомъ — ибо на что, какъ не на самоубийство, обрекала его тончайшая изъ человѣческихъ молитвъ: «Впрочемъ, не Моя воля, а Твоя да будетъ». Революціонеровъ называютъ фанатиками за то, что они мало склонны, какъ къ равновѣсію, такъ и къ Голгоѳѣ.

Качественно война не отличается отъ мира. Великій Мастеръ стремительнымъ движеніемъ разворачиваетъ передъ зрителемъ ленту мірового кинематографа, ручка бѣшенно вертится, и все кажется инымъ, чѣмъ при медленномъ темпѣ. Правда, ради ускоренія процессовъ, приходится слегка измѣнить постановку. Больше, чѣмъ въ мирѣ, массо-выхъ сценъ. Умираютъ падшіе не въ одиночку и не за стѣнами домовъ, а сотнями, публично, подъ открытымъ небомъ и даже на снѣгу. Болѣе утонченны методы воздействиія людей другъ противъ друга — не голодъ, не законъ, не судья съ тюрьмою, а шрапнель покорнымъ и пеньковый воротникъ тѣмъ, кто несогласенъ. Но суть все та же на войнѣ, какъ и въ мирѣ.

Грекъ — торговецъ принесъ изъ Геленджика извѣстіе, будто въ районѣ Двинска — военный бунтъ. Я слушалъ его и, въ связи съ письмами Е. П., холодокъ сжалъ сердце и мелко прошелся по спинѣ. Начинается?

И сразу все вокругъ стало инымъ. Не — само по себѣ, для себя, явленіе на ряду съ явленіемъ, Криница, я, криничане, Береговая, горы, хаты, плуги, пароходы на горизонтѣ,

квадраты вспаханной земли. Но — по признаку цѣлесообразности. Тамъ начинается — а какъ они здѣсь отвѣтятъ? И въ первый разъ въ жизни я, писатель, съ самодовольствомъ думавшій о томъ, какъ гибка моя душа, какъ умѣеть она мѣнять личины въ отвѣтъ на текуче-измѣнчивыя личины міра, — съ тоскою подумалъ, что своя пораозвучнымъ съ міромъ метаморфозамъ, своя — жесткой несгибаемости созидающаго, не знающаго колебаній духа. И какъ нехорошо — не цѣлесообразно — показалось мнѣ все и въ себѣ и кругомъ. Слишкомъ много предметовъ, слишкомъ много граней. И безъ плана. Плути тяжело лежатъ на черной землѣ. Люди не ходятъ, а переставляются. Старъ Зотъ Сычуговъ — ему ли начинать! И много такихъ Зотовъ въ деревнѣ. Молодые — пусты. Дома — бѣдны. Кто станетъ думать о необыденномъ въ такой бѣдности? Лошади крестьянскія — на нихъ не поскакашь, не кормлены, понуры. Деревни грудами побѣленной глины отяготѣли на землѣ. Все само по себѣ, все разсыпано, озабоченно, слѣпо, ноги налиты свинцомъ, спины туپыя, головы почти не отдѣлены отъ земли, камень, дерево, человѣкъ — все.

Не только Двинскъ, называютъ еще Бологое. Послѣднее правдоподобно: отрѣзать Петербургъ. Въ Геленджикѣ эти извѣстія получены 21 февраля, распространились же дальше 22 февраля утромъ.

Иду въ Пшаду на почту. Здѣсь пролегаетъ телеграфная магистраль Новороссійскъ — Сочи, и больше, чѣмъ у нась, проѣзжихъ. На почтѣ ничего не знаютъ. Сектантъ, содер-жатель почтоваго двора, слыхалъ, что что-то произошло въ Петербургѣ. «Говорятъ, царя убили». Аптекарь, еврей, сель-скій радикаль, ума палата, предвидитъ Римъ, въ который ведутъ всѣ историческіе пути: «Не дай Богъ, бунтъ. Опять евреи будутъ виноваты». Сектантъ съ Лысой Горы пророчитъ смуту — такъ же обще, какъ пророчилъ годъ и пять лѣть тому назадъ. «Иди-ка къ намъ, на гору жить. Что

тебѣ внизу. Учи нашихъ дѣтей, криничанскія и безъ того учены, ничего работать не умѣютъ. Скоро тутъ такое начнется, что и богатырскимъ хаткамъ (долменамъ) не сдобривать».

Тянеть въ пространства, тянеть безпокойнымъ дозоромъ къ этимъ селамъ, къ хуторамъ, затеряннымъ въ щеляхъ и на горныхъ склонахъ, среди альпійскихъ пастбищъ. Иду черезъ перевалъ на югъ. На хуторахъ у чеховъ спокойно, и всегда будетъ спокойно, если не пожаръ и не паводокъ. Зажиточный, тупой народъ. Встрѣчные крестьяне изъ горнаго села слыхали про бунтъ. Къ ночи попадаю въ Вуланку на обратной почтовой линейкѣ — ничего. Одно лишь примѣчаю сегодня и въ себѣ и въ другихъ: ничего нѣтъ, только слухъ прошелъ, а облако войны сдвинулось, стало легче дышать.

Обернуться бы псомъ, взбѣжать на гору, вытянуть носъ къ сѣверу и завыть бы въ тоскѣ безысходной — ни звука, ни запаха съ сѣвера не донесетъ вѣтеръ.

Четыре дня глухой тишины. Двадцать шестое февраля. Стоять холода, брошены полевые работы. Вуланскій попъ во второй разъ попытался отравить незаконную свою дочку. Кто-то помѣшалъ, и дѣвочку услали въ чужое село. Гостили въ Криницѣ учитель изъ Холодной Щели — танцовщикъ Императорскаго балета, за что-то привязавшійся къ Щели и отдавшій ей силы. Проѣзжалъ изъ Беты стариkъ Калитаевъ — бывшій диктаторъ Криницы, теперь помѣщикъ, красивый, страстный съ лицомъ Леонардо-да-Винчи, съ жестокими глазами, превосходный хозяинъ, ученый агрономъ и скряга, сумасшедшее ревнующій молодую, слишкомъ молодую жену, съ соблазнительнымъ тѣломъ, зеленоглазую — тоже хозяйку, крѣпостницу по духу и скрягу. И до него дошли

слухи. Онъ ласково поговорилъ со мною, потомъ вдругъ повернуль спину и пошелъ навстрѣчу Зоту.

— Зотъ, не водись съ ними, — въ мою сторону, — до добра не доведутъ.

Зотъ конфузится и быстро киваетъ головою. Черезъ пол-часа забѣжитъ ко мнѣ въ хатку, обдастъ запахомъ винограднаго вина (хатка рядомъ съ погребомъ) и скажетъ что-нибудь возвышенное, а глаза безъ вины виноватые, виноватые на всякий случай, какъ у совѣстливаго пятнадцатилѣтняго юноши. Податливъ Зотъ, любить выпить, не любить быть виноватымъ. Всегда на кого-нибудь опирается. Простяется ему всѣ грѣхи на томъ свѣтѣ.

Вечеромъ долго рылся въ архивахъ Криницы. Читалъ письма толстовцевъ, писателей и просто людей. Вотъ эти самые криничане для многихъ были учителями жизни. Библиотекаремъ и архиваріусомъ —Борисъ Яковлевъ. Не за то, что онъ хранитель традицій Криницы. За то, что слабый работникъ и тщеславенъ: любить щегольнуть именемъ корреспондента, привѣтомъ великаго человѣка (Л. Толстой, Вл. Соловьевъ, Короленко). Передъ сномъ въ библиотеку зашелъ Зотъ.

— Завтра идетъ подвода въ Новороссійскъ.

Мартъ. Новороссійскъ.

Вечеромъ второго марта мнѣ показали первыя тревожные телеграммы изъ Петербурга. Третьяго марта были получены частныя извѣстія изъ Ростова, подтверждавшія безнадежность положенія стараго правительства. Представители его играли двойную игру. Генералъ Граббе задерживалъ извѣстія о событияхъ. Адмиралъ Колчакъ, напротивъ, видимо содѣйствовалъ ихъ распространенію. Это обстоятельство отразилось и на поведеніи мѣстныхъ морскихъ властей. Вице-губернаторъ Сенько-Поповскій, и раньше доброжелательный къ безопаснѣмъ либеральнымъ кружкамъ Новороссійска, сообщалъ имъ все почти, что зналъ о положеніи. Правда, зналъ онъ очень немногое.

Такимъ образомъ, вечеромъ третьяго марта новороссійское общество знало о петербургскихъ событияхъ приблизительно столько же, сколько знали 21 и 22 февраля, т. е. за пять и шесть дней до самыхъ событий, греки-торговцы, народные учителя и полуграмотные крестьяне Геленджика. Криницы и окрестныхъ сель. Предсказать случившееся въ Петербургѣ на основаніи сознательного учета положенія эти люди не могли. И тѣмъ не менѣе общая картина ихъ невольнаго предсказанія была настолько близка къ дѣйствительности, что отъ нея никакъ нельзя было отмахнуться.

Черезъ шесть-семь дней послѣ первыхъ телеграммъ о смѣнѣ правительства, городъ измѣнился неузнаваемо.

Еще четвертаго марта Новороссійскъ являлъ физіономію губернскаго города съ отчетливо разслоеннымъ обществомъ, слегка чопорнымъ и наряднымъ въ верхахъ, какъ это всегда бываетъ въ большихъ портовыхъ городахъ, и съ относительной свободою нравовъ и мнѣній въ золотой серединѣ и среди будирующей интеллигенціи. Въ немъ были сословія, кружки, даже партіи. Существовало подполье, когда-то бурное, теперь обмелѣвшее. Сословія и кружки раздѣлялись трудно проницаемыми перегородками, и только многообразная на Кавказѣ сельская интеллигенція имѣла доступъ всюду и нарушала іерархію. Среди нея водились и ученые, и богатые чудаки, и бывшіе революціонеры, и люди изъ сановной оппозиціи, обладавшіе здѣсь дачами и фруктовыми садами, и люди съ большимъ общественнымъ вѣсомъ. Все это тяготѣло къ югу, къ морю, къ новымъ землямъ, поддерживало столичныя связи и вносило въ губернскую жизнь струю демократизма. И все это, гонимое въ прежнія времена, вдругъ убѣдилось въ правотѣ своей и въ предвидѣніи, когда пришли первыя извѣстія о переворотѣ.

Партійные различія были раньше важны лишь при выборахъ въ Государственную или Городскую Думу — да въ подпольѣ, гдѣ фанатики и проходимцы въ этихъ различіяхъ видѣли главное свое достоинство и паѳосъ. Теперь эти различія всплыли наверхъ, стали опредѣлительными и упоминались наряду съ именами. Подполье перестало быть подпольемъ, оно подымалось и грозилось стать на одномъ уровнѣ съ обществомъ. На ряду съ нимъ особый интересъ пріобрѣтала часть города по ту сторону залива — цементные заводы. Къ нимъ присматривались, ихъ боялись. И городъ казался болѣе уютнымъ оттого, что между нимъ и заводами пролегла широкая полоса соленой воды.

Вчера еще прочна была общественная пирамида, губернаторъ быль губернаторомъ, съдовласый Николай Ивановичъ — очаровательнымъ нотариусомъ и бариномъ, комитеты работали на армію, англійскіе купцы дружили съ голландцами и чуждались остальныхъ, и все ждало конца войны, когда вновь оживетъ Новороссійскій портъ, и грузчики и матросы вытопчути густую траву, разросшуюся на подъѣздныхъ путяхъ и пристаняхъ. А сегодня пирамиды уже не было и слѣда, не было системы, не было увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и, кромѣ общественныхъ силъ, которыхъ еще никто не зналъ и съ которыми пока никто не считался, появились общественные люди. Да, главнымъ образомъ, люди. Оказалось, что Николай Ивановичъ не только нотаріусъ, но и радикаль и когда-то пострадалъ за убѣжденія. Н., К. и Р. колебались, какъ называть себя: н-с, или к-д? К-д тяготѣли къ губернаторскому дому, и всѣмъ по сю сторону залива казалось яснымъ, что эти люди еще сегодня примутся за организацію власти. Оказалось, что В. — меньшевикъ, что, служа въ банкѣ, онъ собралъ среди служащихъ немногочисленную ячейку, что это обстоятельство въ данную минуту очень важно, и что съ В. надо считаться. Блузникъ с-р изъ каторжанъ уже собираль митинги на городскомъ базарѣ. Появилась крупная жесткая фигура с-д Прохорова, и всѣ поняли, что за нимъ будущее. Когда-то онъ быль приговоренъ къ смертной казни, потомъ помилованъ, его знали чиновники, рабочіе, думцы, адвокаты...

Если читать телеграммы, прокламаціи правительства, слушать ораторовъ на митингахъ — радость, радость. Если прислушаться къ рѣчамъ на базарѣ, на набережныхъ, въ клубѣ, на засѣданіяхъ комитетовъ, въ интеллигентскихъ гостиныхъ, выходить ч то - то не то. Я начинаю подозрѣвать, что телеграммы и прокламаціи приглашаютъ безоглядно радоваться только затѣмъ, чтобы не сказать, что на дѣлѣ еще ничего несталось, что трудное впереди.

На сообщенія о переворотѣ крестьяне отвѣчаютъ вопросами — о войнѣ, о землѣ, о налогѣ, о новомъ законѣ, рабочіе о томъ же, и еще объ организаціи власти. Власть строится. У насъ есть комитетъ общественной безопасности, совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, торгово-промышленный комитетъ, союзы. Но это — не власть. Когда говорять народъ, подразумѣвается единство. И революція — единство. Здѣсь же множественность. Я не умѣю справиться съ теоретическими построеніями, съ программами, пошлѣйшій митинговый ораторъ въ своей крикливой перспективности и многознайствѣ представляется мнѣ полубогомъ — но когда на засѣданіе Комитета общественной безопасности являются морскіе офицеры, полковники, рабочіе, демагоги, инженеры, промышленники, старо-режимный, хотя и либеральный, вице-губернаторъ, журналисты и партійные люди разныхъ окрасокъ, тогда я отчетливо знаю, что этотъ комитетъ не власть и властью никогда не будетъ.

Въ 1905 году все было ясно. Рабочіе — крестьяне — и мы. Всѣ за одно. Надо поднять побольше людей. Надо, чтобы продержались. Остальное приложится.

Е. П. вела подпольную типографію военной организаціи. У А. Н. Рябинина, геолога, бывали районныя собранія, онъ направлялъ и совѣтовалъ. Збарскій мечталъ о террорѣ и вѣдалъ контрабанднымъ транспортомъ на югъ Россіи. Т. поддѣлывала паспорта. Были — районные секретари, агитаторы, комми по доставкѣ литературы въ провинцію. Т. Б. проносила Наташѣ Климовой, кажется, револьверъ въ тюрьму — убить начальника, — а когда приговоръ быль отмѣненъ, Т. Б. своимъ жемчужнымъ смѣхомъ вторично провѣла надзирателей, взяла на свиданіи револьверъ обратно и унесла его изъ тюрьмы. Многіе были въ ссылкѣ — т. е. уни-

лись, тосковали и выносили резолюціи. Иные при помощи литературы раскачивали старый порядокъ.

А теперь?

Ни оружія, ни стоящихъ прокламаций, ни поѣздокъ въ возставшій Кронштадтъ, ни тюремъ. Кончать войну. Дѣлить землю. Поставить трудъ. Дать власть. Накормить города. Обезвредить контрь-революцію. Но я не знаю, какъ все это дѣлается!

Поручили устроить газету. «Свободная Россія». Органъ Комитета Общественной Безопасности, Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, Военно-Промышленного Комитета и Союзовъ. Не слишкомъ ли много довѣрителей? И то, что ихъ слишкомъ много, чудится мнѣ въ предѣлахъ нашего маленькаго дѣла признакомъ — разложенія. Это — сословія, группы, кружки, интересы, отдѣльные люди, но не революція. Лозунгъ газеты — единый демократический фронтъ. За этотъ фронтъ равно стоять всѣ довѣрители?

Бываютъ въ редакціи солдаты. Праздничные. Приходятъ, потому что имъ нужно поговорить. Ихъ встрѣчаютъ съ нѣжностью и довѣріемъ. Наша армія.

Солдаты — о войнѣ. Не надо мира во что бы то ни стало. Но и — пора кончать. Это не рѣшеніе, это живая проблема, поставленная народнымъ сознаніемъ.

Приходятъ лѣвые, центровые и правые члены Комитета. Какъ быть съ войной? Война до побѣднаго конца. Всѣ. И я теряюсь, какъ не терялся въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ году, когда вопросъ былъ болѣе труденъ. Теряюсь — передъ единогласіемъ промышленниковъ, либераловъ и соціалистовъ.

Это проблема, но ее не показываютъ, какъ проблему. Ее переламываютъ надвое и половину бросаютъ обратно народу, какъ собственное его рѣшеніе: до побѣднаго. Тамъ начинаютъ свою жизнь и хотятъ думать. Здѣсь продолжаютъ начатое давно и хотятъ творить свою волю. Тамъ возможно единство рѣшеній. Тамъ не знаютъ, что придумать и хотятъ ждать. Здѣсь не могутъ ждать, ибо борются за власть, и рѣшеніе проблемы не ради самаго рѣшенія нужно, а ради власти. Всѣ борются. Н-с, к-д, с-р, с-д.

Вѣроятно, такъ надо. Борьба этихъ буквъ вѣдь и есть созиданіе общественное. И нѣтъ проблемъ, и нѣтъ объективнаго. И, вѣроятно, эгоистическое искаженіе проблемы для исторіи полезнѣе, чѣмъ ожиданіе. Это — ея страсть, ея воля, — такое искаженіе.

Въ новыхъ людяхъ развивается тщеславіе двухъ сортовъ. Однихъ — тѣшитъ мысль, какъ можно выше подняться по вновь устанавливаемой іерархической лѣстницѣ. Другіе обходятся эту лѣстницу, но стремятся и безъ званія забраться выше самой высокой ея ступени.

Среди первыхъ много представителей старой интеллигентціи и выходцевъ изъ мѣщанства. Честолюбцы — рабочіе со вторыми.

По многу часовъ провожу въ типографіи, корректирую и выпускаю газету. Наборщикъ А. — членъ Совѣта. Долго приглядывался, сегодня сказалъ — ласково улыбаясь:

— Завидуете намъ, такъ вѣдь? У насъ что: заработка плата, столько-то часовъ труда, да долой войну. Вотъ и все. А вамъ хочется законы писать?...

Онъ, пожалуй, правъ. Безъ различія окрасокъ всѣ буквы революціоннаго и буржуазнаго алфавита жаждутъ приложить руку къ законодательству въ Учредительномъ Собраниі.

— Но долой войну тоже какъ бы законъ? Притомъ совсѣмъ небывалый, новый законъ? — спрашиваю я А.

— Оттого, что новый, его и писать не слѣдуетъ. Надо сначала приладить, руками его сдѣлать. Писать послѣ будутъ.

Отношенія портятся, надо уйти изъ газеты. Учрежденія дифференцируются: Комитетъ и Совѣтъ. И оба стремятся захватить Городскую Думу. Въ дифференціаціи есть реальный смыслъ, котораго я не понимаю.

У большинства людей ординарное зрѣніе, оттого они знаютъ, что дѣлать. Свое зрѣніе я чувствую тройнымъ или четвернымъ. Отъ него троится и ландшафтъ. Съ такимъ зрѣніемъ не найти ни пути, ни цѣли.

Поль дня водили по городу вора съ доскою на груди. Надпись на доскѣ: воръ.

Онъ усталъ отъ страха, отъ мѣрнаго шага, отъ толпы и остановокъ. Иногда убѣждалъ въ чемъ-то своихъ стражей, вѣроятно, просился въ тюрьму. А его все гнали.

Для народной толпы въ этомъ зрелицѣ была прелесть отмѣны закона и прелесть живой до-законной жестокости. Долго водить не станутъ. Третьаго или пятаго убьютъ.

Мартовскій парадъ. Солнце, веселый вѣтеръ, красный шелкъ, за бѣлыми домами море въ барашкахъ. Такъ кар-

тинно, широко и цѣльно, не хотѣлось думать. Праздникъ.

Передъ парадомъ собирались въ Думѣ. Стояли у оконъ. Когда проскакала, равняясь, сотня казаковъ съ красными знаменами и лентами — слезы простили на глазахъ.

Шествіе. Парадъ. Рѣчи. Братаніе солдатъ и офицеровъ.

Джемсъ въ изслѣдованіи о наркотикахъ говоритъ о чувствѣ синтеза въ состояніи опьяненія. Такъ было со всѣми нами.

Въ чёмъ же проявилось то, что зовутъ революціей? Не въ томъ, что ушелъ царь. И не въ томъ, что арестованы прежніе министры. И не въ томъ, что въ Петербургѣ издаются хорошиѣ законы. Свобода слова, печати и собраній, возвращеніе каторжанъ и ссыльныхъ, отдѣленіе церкви отъ государства — несомнѣнно очень хорошиѣ законы. Они отмѣняютъ старыя преступленія и старыя глупости. Но не можетъ того быть, чтобы революція была только мусорщикомъ, аккуратно прибирающимъ кирпичи и балки рухнувшаго зданія. Въ революціяхъ, какими мы ихъ знаемъ изъ исторіи, есть нѣчто неизреченное. Есть великий исторической запросъ. Есть трагическое — въ безпощадномъ попраніи личности личностью и личности тѣмъ или инымъ коллективомъ. Есть искушеніе — въ сочетаніи крайностей. Самая высокія чувства родятъ преступниковъ. Нѣжность проливается рѣки крови. Трусы совершаютъ подвиги. Пошлость вѣрно служитъ величію. Невѣжды видятъ на много миль дальше признанныхъ пророковъ. Жестокость и самопожертвованіе переплетаются такъ, что ихъ очертанія теряются. Но — и это главное — коренные перевороты и расточительныя по количеству человѣческихъ жертвъ передвиженія народовъ совершаются не по расчету, а сами собой, подобно перелету птицъ...

Въ 1910 году зима наступила въ Швейцаріи рано. Вершины Юры и Альпъ покрылись снѣгомъ, и низко опустилась снѣговая линія. Караванъ ласточекъ съ большими трудностями перевалилъ черезъ хребты и опустился на роздыхъ въ теплой еще долинѣ Лемана, между Коппе и Ніонъ, вблизи замка *M-te Staël*. Крыши домовъ, панели, луга съ осенними анемонами были засыпаны тяжело дышащими птицами. Онъ перестали бояться человѣка и лежали, распластавъ крылья и раскрывъ клювы. Иные умирали отъ разрыва сердца. Иные, когда свечерѣло, кидались къ свѣту лампъ и къ огню очаговъ. Швейцарцы подбирали мертвыхъ на улицѣ. Кошки объѣлись и равнодушно сидѣли у дверей.

На утро слѣдующаго дня караванъ снялся съ мѣста и направился къ Италии. Геній народа ласточкина торжествовалъ. Семь восьмыхъ или четыре пятыхъ снявшихся съ родины долетятъ до Египта. Долетѣвшіе и есть Народъ. Преемственность не нарушена. Имя и кровь будуть переданы слѣдующимъ поколѣніямъ. Но что пережили геніи отдѣльныхъ представителей народа, геніи личности? И особенно, что переживали геніи гибнущихъ личностей? Если — по вѣрѣ — имъ суждено безсмертіе, то не слишкомъ ли рано выпало оно имъ на долю, и противъ ихъ воли? Не виновень ли народъ передъ геніемъ личности, когда затѣваетъ такой трудный перелетъ?

Перелетъ — это революція. И не только революція: война тоже. Ибо кто морально оправдываетъ революцію, долженъ оправдать и войну. То же и соціологически. Тотъ, кто вѣруетъ въ единство и задачи коллектива, не долженъ дѣлать различія между революціей и войной.

Не сама революція можетъ быть отвергнута, не сама война дурна. Однако, и воевать, и бунтовать можно и хорошо, и дурно. Хорошій бунтъ равенъ хорошей войнѣ. Дурная война — дурному бунту. Мѣрила этихъ цѣнностей пока не установленыочно. Во всякомъ случаѣ онѣ не опредѣляются ни побѣдой, ни пораженіемъ. Какъ во всѣхъ великихъ

проявленіяхъ духа человѣческаго, здѣсь, вмѣсто мѣры и вѣса, — чутье, воля, вѣра, даже произволъ. Хорошо или дурно то, что ласточки по осени тянутся съ сѣвера на югъ, и что одна седьмая или одна пятая всѣхъ перелетающихъ гибнетъ въ пути? Хорошо или дурно то, что народы когда-то затѣяли великое свое переселеніе съ востока на западъ? Не переселеніе народовъ хорошо, хороша высокая воля переселявшихся. Не война плоха, плохо то, что она ненавистна воюющимъ.

Однако, антиномія личнаго и надличнаго не разрѣшается ни въ хорошей войнѣ, ни въ хорошей революціи. Эта антиномія поставлена во весь свой ростъ въ войнѣ невольной, въ бунтѣ обманномъ, въ движеніи, вызванномъ во имя частной корысти. Она смягчена, когда личность увлекается посполитымъ рушеньемъ. Но она не разрѣшается даже и въ тѣхъ движеніяхъ, которыя опредѣлены добровольнымъ сговоромъ или общимъ порывомъ. Хорошая война или хорошая революція для личности, для ея генія плодотворнѣе дурной войны или дурной революціи. Но и хорошая война и хорошая революція не цѣликомъ покрываютъ личность. На это нечего расчитывать. Остается непокрытымъ уголокъ бунта, духъ противорѣчія, право на лѣнь, на отдыхъ, на дикую волю. И это неискупаемо трагично въ движеніяхъ народныхъ.

Какъ бы согласенъ ни былъ полетъ ласточекъ — заранѣе извѣстно, что одна пятая погибнетъ при перелетѣ. Чудесенъ Египетъ, но надо приспособиться къ его чудесамъ. Не дремлють змѣи, колють шипы растеній. У Египта свои болѣзни и хищники. Еще какая-то доля народа осуждена на вымирание.

Если геній крылатаго народа снизойдетъ къ горю гибнущихъ, отмѣнить перелеты и попробуетъ приспособиться къ условіямъ сѣверной страны, обреченные на гибель личности спасутся? Быть можетъ, замерзнетъ весь народъ? Быть можетъ, половина его. Можетъ случиться и такъ, что данная порода не въ состояніи приспособиться къ даннымъ ус-

ловіямъ и послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ мучительныхъ попытокъ ей придется возстановить традицію осенняго перелета.

Какова бы ни была воля народа, она давить на личность и увлекаетъ на опасные пути. Неизбѣжна минута, когда радостный и согласный духъ коллектива отпадаетъ, и единство его можно поддерживать только, скавъ зубы и заковавъ сердце, когда не духъ править, а — цѣль, сознаніе и поддержанная сознаніемъ воля. Когда приходитъ эта минута? Тогда, когда народъ сталкивается съ законами природы или законами исторіи. Личность подлежитъ ихъ губительному вліянію. И если она не согласна бороться съ ними такъ, какъ это угодно коллективу, ей приходится и самозащищаться и давать отпоръ гнету коллектива и совершать еще тысячи трудныхъ дѣлъ, опредѣляющихъ обреченную на погибель личность.

Личность никогда до конца не исчезнетъ въ коллективѣ и никогда не дастъ радостнаго въ немъ растворенія. Личность знаетъ свою гибель, и этимъ знаніемъ окрашена ея работа, ея мысли и ея радости. Коллективъ питаетъ иллюзію безсмертія. У личности безсмертіе — воля. Этимъ опредѣляются многіе эстетическія различія идей, покоящихся на правѣ личности идей, и идей, созданныхъ съ цѣлью прославить коллективъ. Первая имѣютъ глубокіе психологическіе корни, есть большая высота въ ихъ патетической декламаціи. Вторая хороши лишь въ холодѣ, въ расчѣтливости, въ волевой и сознательной своей сущности. Онъ высоки въ разрушеніи, когда воля и сознаніе коллектива бываютъ, какъ океанъ, о стѣны неизбѣжнаго. Но радостный паѳосъ коллективаложенъ, его декламація дешева. Ибо путь, предназначенный коллективу судьбами, въ тысячу разъ длиннѣе и круче, чѣмъ о томъ поютъ кастрированные пѣвцы Zukunftsstaat'a.

Если бы революція легко и быстро устраивала новый бытъ, ряды поборниковъ ея устроились бы. То же самое было бы съ войной, если бы задачи ея разрѣшались, напримѣръ, единоборствомъ. Однако, какъ на войнѣ, такъ и въ

революції процесъ играеть значительно большую роль, чѣмъ общественныя заданія...

Тѣ, кому противна война и противна революція, говорять: и на войнѣ и во время революції безсчетно расточаются человѣческія силы, люди убиваютъ, грабятъ, насильничаютъ; и тутъ и тамъ дань просторъ низменному, а для возвышенного не остается мѣста; можно принять заданія революціи и войны, но дѣла ихъ прокляты.

Быть можетъ, дѣла ихъ и прокляты. Но надо искать силы поднять ихъ грузный и мучительный крестъ. Ибо тѣ заданія, которыя раціоналистически признаются заданіями войны и революції, составляютъ едва примѣтную долю окровавленныхъ сокровищъ, открывающихся на днѣ ихъ проклятыхъ и насильническихъ дѣлъ. Задачи войны въ трактовкѣ разнообразнѣйшихъ политическихъ группъ: завоеваніе рынковъ или сокрушеніе Германіи. А на дѣлѣ, кто назоветъ всѣ звенья цѣпи, извлеченной изъ колодца временъвойной? И что таитъ въ себѣ звонкая бадья, которая чѣмъ ближе, тѣмъ тяжеле? Только столѣтія скажутъ о войнѣ послѣднее свое слово. Но уже и мы видимъ развалъ имперій, переносъ границъ, образованіе новыхъ государствъ, вымирание народовъ, скрещеніе ихъ, интенсивную работу техники, государственный псевдо-соціализмъ, ростъ капитализма, четырехлѣтній интервалъ въ работѣ культурныхъ силъ, который не можетъ не дать сильнейшей и благотворнѣйшей реакціи, ростъ интернационализма, успѣхи авіаціи и хирургіи, измѣненіе сознанія миллионовъ участниковъ и зрителей страды смертной, измѣненіе, которое не можетъ быть учтено сегодня. Какія задачи навязываютъ революціи прямолинейные теоретики? Всенародное голосованіе, освобожденіе трудящихся, такъ или иначе формулируемый пасифизмъ. А на дѣлѣ одинъ сегодняшній взрывъ революціонной радости больше измѣнилъ лицо Россіи, чѣмъ могли бы измѣнить его всѣ вмѣстѣ взятые бытовыя завоеванія интернаціоналистического пасифизма...

Бороться съ войной и революціей во имя мира внѣшняго и внутренняго люди будуть всегда, ибо миръ желанень, когда гремитъ война. Но противопоставлять миръ войнѣ и миръ революціи, значитъ не видѣть блага войны и не видѣть зла мира. Вѣдь надо же установить разъ навсегда. Блага войны, какъ и блага революціи, качественно новы и отличны отъ благъ мира; зло войны и зло революціи качественно подобны злу мира. Надо безъ устали повторять: тихое, безкровное, организованное, несправедливое насилие морально и общественно хуже насилия случайного и оправданного въ страсти, хотя бы оно протекало въ безобразныхъ и кровавыхъ пароксизмахъ. Въ войнѣ и революціи нѣтъ ни единаго проявленія зла, котораго не было бы и въ мирномъ бытіи въ слегка разбавленномъ видѣ, замаскированного идеями соціального равновѣсія и наибольшаго, большинству доступнаго въ данную минуту, общественнаго блага...

При перелетѣ въ Египетъ геній ласточкинаго народа радуется, геній гибнущихъ особей — угрюмъ и молчаливъ. Тяжекъ перелетъ, не миль и Египетъ. Но геній народа знаетъ: если даже чудеса теплого края для гибнущихъ не краше равнинъ, покрытыхъ снѣгомъ, — все равно; перелетная страда зависитъ не отъ воли крылатаго народа, а отъ другихъ не отмѣнимыхъ причинъ, отъ смѣны временъ года, отъ стужи и отъ безсознательной тяги въ даль маленькихъ оперенныхъ тѣлъ.

Словъ я точно не помню, но смыслъ сохранилъ.

Говорилъ крестьянинъ.

— Баринъ любить пожалѣть. Чуть не за что жалѣть, чуть народъ простой шлохнется и голову подыметъ, баринъ сейчасъ услышитъ: воняетъ отъ народа. Обидится — пошель вонъ отъ стола...

Другой крестьянинъ.

— Мужику не надо вѣрить. Мужикъ скажетъ правду только мужику, да и то не всегда. Наше дѣло, наша и правда. Барину мужицкая правда не нужна. Барину одно нужно:

чтобы то, что задумаетъ, было на правду похоже, и чтобы все гладко.

Говориъ рабочій.

— Вы насчетъ сочувствія? Намъ нужно дѣло. Чтобы все по новому — наше. Какое тутъ сочувствіе.

Еще одинъ.

— Вы никогда не поймете, что подвалъ, голодъ, недостатокъ досуга, грязь, несправедливость власти, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, какъ сѣрная кислота, до тла выѣдали нашу жизнь. Не поймете, что это было вотъ такъ, какъ мы съ вами говоримъ, день ото дня, часъ отъ часу, пока вамъ въ лицо не плеснутъ тою же кислотой. Обожжетъ, такъ поймете. И то не все. Васъ обожжетъ разъ, насы выѣдало столѣтіями.

Полученъ указъ объ амнистіи уголовнымъ. Освобождаютъ многихъ, но не всѣхъ. Въ этомъ есть неправда. Выпустить изъ тюремъ бродягъ, воровъ и грабителей, наряду съ преступниками по несчастію, въ минуту ломки всего государственного и полицейского механизма — непрактично. Но если явилась потребность въ широкомъ, отдающемъ старою московскою религіозностью жестѣ, то не слѣдовало скучиться. Пусть на одинъ хоть день опустѣютъ тюрьмы. И неважно, что стражи и заключенные, разставаясь, обмѣняются улыбками, неважно, что часъ возврата для многихъ такъ близокъ, что, пожалуй, горечь его не стоитъ дня и ночи подаренной свободы. Исторія освятитъ день, когда во всей странѣ не было узниковъ — осталное она можетъ отнести на счетъ испорченности человѣческой природы.

Купцы, адвокаты и чиновники осуждаютъ амнистію. Тюрьма — для вора, воръ — для тюрьмы. Но почему о practicalности говорятъ только по поводу добрыхъ дѣлъ? Зло себѣ довлѣеть, съ него не спросятъ отчетъ.

Тюремная администрация приняла амнистию весело, наслаждалась замышательствомъ, предвкушала развязку и, по опыту, готовилась соединить со временемъ и освобожденныхъ и освободителей подъ однимъ кровомъ. Прокуроръ былъ податливъ, понималъ все съ полуслова и расширительно толковаль законъ. Уголовные требовали немедленного освобождения, грозя разнести тюрьму. Начальство дѣлало видъ, что перепугано на смерть. У города не было ни средствъ, ни пріюта для амнистируемыхъ.

Деньги легко удалось собрать — среди купечества.

— Не дадите, бросимъ арестантовъ среди города.

Собрали въ круговую полную шляпу ассигнацій. Пожертвовали муку, сахаръ, чай. Подъnochлегъ была приспособлена этапная казарма. Тюфяки и одѣяла дала больница.

Въ тюрьмѣ было прибрано — и шумно. Начальникъ почтителенъ. Надзиратели казались старшими братьями и добрыми отцами заключенныхъ. Похоже было на маскарадный котильонъ, когда раздают золотые ордена и звѣзды.

Изъ тюрьмы уходило около восьмидесяти человѣкъ. Когда меня окружили блѣссыя, блѣдныя, косыя, лукавыя, темныя, просительныя, злыя, возбужденныя маски, на душѣ стало непроглядно-смутно и холодно, какъ бываетъ передъ лицомъ насильственной смерти, и простыя мысли отчеканились въ мозгу:

— Тюрьма — это своя, особая, правда, и преступникъ — свой, особый, путь къ этой особой правдѣ. Здѣсь нельзя шутить.

И оттого, что то, съ чѣмъ мы пришли, было для этихъ людей забавой — ихъ кривыя маски стали еще болѣе кривыми, деревянные носы еще болѣе деревянными; блуждающіе глаза свѣтились; ползли непрошеннныя болѣзненные улыбки; тупо, зло и сумасшедшѣ-ярко полыхала насмѣшка, и буйное разгулье дурацкой негаданной удачи подымало вдохновеніемъ груди.

Они обѣщали мирно провести ночь въ казармѣ — на самомъ дѣлѣ въ ней осталось только трое. Идіотъ, хромой и больной приступомъ маляріи. Хромой слезами плакалъ отъ обиды — не поспѣль за товарищами. И я снова понялъ. Не поспѣть — это большая, серіозная бѣда. Грошевый вертепъ со скверными, какъ грѣхъ, истасканными женщиными, ударъ ножомъ въ спину застигнутому на городской окраинѣ тюремному предателю, подожженный домъ того, изъ-за кого потеряно въ тюрьмѣ шесть лѣтъ — которые все равно были бы потеряны по другому поводу — страшно важно, важно, какъ сама жизнь.

На утро они собрались въ заарендованной для нихъ чайной — чайную искони извѣстную, какъ воровской притонъ, они одобрили, — единственную изъ всѣхъ нашихъ затѣй. Въ полдень пришли снова ко мнѣ, въ Комитетъ. Теперь на лицахъ была не только насмѣшка — еще и страхъ быть обманутымъ. Заманять, окружать, запрутъ — и конецъ забавѣ...

Старикъ-надзиратель принесъ списки. Онъ положилъ ихъ молча на столъ — много видаль человѣкъ на вѣку своемъ, стала простъ, какъ вода — и спросилъ:

— Слышино, еще никого не тронули?

Я отвѣтилъ:

— Какъ будто никого.

— Долго не выдержать.

— Что же сдѣлать?

— Среди нихъ есть Б., многократный взломщикъ, грабитель. Не разъ бывалъ старостой. Поговорите съ нимъ. Его послушаютъ.

И ушелъ.

Вызвали Б. Темное лицо. Но умень. Такого умнаго язвительнымъ умомъ человѣка я раньше встрѣчалъ только разъ — тоже въ тюрьмѣ, въ Петербургѣ. Это былъ извѣстный инженеръ Никольскій, любившій преступленіе и посылавшій людей на преступленіе. Б. былъ развязенъ, но не

нагль. Я просилъ его повліять на товарищай. Просьба польстила. Онъ вышелъ къ остальнымъ. Пошептались. Онъ поручился за три дня, за дальнѣйшее же не ручался. Я поблагодарилъ. Началась выдача проѣздныхъ билетовъ на родину.

Три дня прошло безъ кражъ. Дѣля проѣздныя деньги, лишь немногіе клянчили прибавки, а грозиль и кричаль о кровопойцахъ всего на всего одинъ. Кассы не было, я одинъ съ глазу на глазъ сидѣль съ ними въ большой пріемной, на столѣ были разложены деньги. Меня отзывали къ телефону для переговоровъ, на засѣданія Комитета. Не пропалъ ни одинъ рубль. Но родина отпущеныхъ всегда была далеко за горами, Томскъ, Владивостокъ, Архангельскъ, — чтобы подороже продать билетъ. Только грузины и горцы уѣзжали на родину. Все больше — слабые и духовно и физически люди. Преступники — по слабости.

Черезъ три дня была кража со взломомъ въ складахъ городского головы. Въ Марьиной рощѣ сгорѣлъ домъ. Неладное случилось въ Кабардинкѣ. Двоихъ я часто и безъ дѣла встрѣчаль на базарѣ. Двоихъ видѣль матросами на уходящей шхунѣ. Трое работало подъ городомъ на камено-ломняхъ. Небольшая артель ушла рыть въ окрестностяхъ артезіанскіе колодцы. Тюрьма пополнилась новыми сидѣльцами. Амністія была забыта.

Даже у революціи, и въ первые же недѣли ея бытія, есть два лица — офиціальное и неофиціальное. Офиціальное лицо радостно и многозначительно. На неофиціальномъ — смута и растерянность.

Часто приходится бывать на заводахъ, въ казармахъ, на постахъ пограничной стражи, въ канцеляріи воинскаго начальника. Жизнь въ нихъ все та же, что была и раньше, и не та. Потеряна ложная старая цѣлесообразность, а новая либо невозможна, либо еще не пріобрѣтена.

Строится Совѣты въ губернскихъ городахъ и въ столицахъ, подтверждаются права трудящихся, но суть заводскихъ взаимоотношений та же — задешево купить работника, задорого продать товаръ. Не то новыя права, не то совсѣмъ не права. Солдатъ по прежнему гонять на фронтъ, увозятъ оттуда раненыхъ, хоронятъ убитыхъ, а въ основной цѣли этихъ преступлений, въ побѣдномъ концѣ, уже нѣть прежней обязательности, и это чувствуютъ всѣ, отъ воинскаго начальника, который потерялъ самоувѣренность призванного пастуха смерти, до понурыхъ, какъ ястреба въ клѣткѣ, горцевъ, которые преодолѣваютъ свое гортанное нарѣчіе, чтобы сказать по-русски: — Не надо посылать, надо ждать.

Люди стали доброжелательнѣе другъ къ другу, культивируется особая революціонная, слегка подчеркнутая вѣжливость, — равные къ равнымъ по праздничному, по пасхальному, высшіе къ низшимъ въ силу новыхъ лозунговъ, гдѣ неумѣло, хотя искренно, гдѣ — и чаще — фальшиво, заискивающе, гдѣ — въ большинствѣ случаевъ — скавъ зубы, въ ожиданіи обратнаго поворота историческаго колеса. Но низшіе къ высшимъ не стали доброжелательнѣе. Они ждутъ отмѣны старыхъ неправдъ, они вообще ждутъ. Не отъ чего добрѣть, не за чѣмъ фальшивить.

Даже гнусныя нѣдра старыхъ канцелярій на нѣсколько дней подобрались подъ вліяніемъ лозунга свободы и равенства. Сократилось на одну, двѣ недѣли число чинимыхъ обидъ и злоупотребленій. Люди попытались по первому слову давать ближнимъ то, что ранье получалось за мзду. Однако, это улучшеніе не служитъ стимуломъ къ забвенію обидъ. Я съ удивленіемъ подмѣтилъ въ себѣ тихую ярость, которая родится при видѣ либерального сыщика, внезапно ставшаго чувствительнымъ и гуманнымъ начальника тюрьмы, или жандарма, выражавшаго радостную готовность служить новой власти. Эта же ярость — въ глазахъ солдатъ, рабочихъ, раненыхъ, больныхъ, запертыхъ въ тюрьмахъ. И она тѣмъ упорнѣе, что скоро кривая злоупотребленій круто и рѣши-

тельно повернула въ гору, и сами злоупотребленія стали откровеннѣе и игривѣе. Либеральные законы рождаютъ чувство безнаказанности. И вправду, безнаказанность растетъ. Съ одной стороны, потому, что старый порядокъ разлагается, а нового еще нѣтъ. Съ другой стороны, потому, что праздничность окрашиваетъ переходящую обыденность въ свои цвѣта: наказывать стало трудно, почти невозможно.

Работа на заводахъ идетъ слабѣе. Рабочимъ есть о чёмъ п o д у м а ть. Много времени берутъ собранія и введеніе новыхъ распорядковъ. Да подчасъ и сами руки неохотно берутся за станокъ. Дума — врагъ подневольной работы. Инженеры стали отмѣнно либеральны, отчего уваженіе къ нимъ рабочихъ сократилось еще вдесятеро.

Солдаты бесѣдуютъ, поминаютъ родину и мирный бытъ, много спятъ, занятій мало, никто не провѣряетъ посты. Офицеры ничего не понимаютъ въ происходящемъ, смущены и нерѣшительны, что вовсе не увеличиваетъ солдатскаго къ нимъ расположенія. Солдаты понимаютъ, что такое старая солдатчина, и къ чему она, но сочетанія новыхъ правъ съ сущностью старой солдатчины не могутъ принять. Права — такъ права. Айда домой.

У простыхъ людей есть потребность въ остановкѣ, потребность въ отдыхѣ и раздуміи, чтобы разсѣять чувства неясности и незавершенности происходящаго. У людей изъ общественныхъ верховъ есть страхъ передъ остановкою, они чувствуютъ, что недовольство простыхъ людей неясностью и незавершенностью происходящаго относится непосредственно къ нимъ, противъ нихъ направлено. Поэтому имъ свойственна потребность въ б e з - остановочномъ продолженіи старой работы; ничто не оправдываетъ ихъ бытія такъ убѣдительно, какъ работа, которой никто другой не можетъ совершить.

Если смѣло обобщить и аппрофондировать то, что томить, какъ старый недугъ, сознаніе рабочихъ и солдатъ — мы придемъ, черезъ утвержденіе ихъ разорванныхъ, частичныхъ,

насущныхъ интересовъ, къ осязанію, живому и неоспоримому, материка новой культуры, зародившагося въ глуби этихъ темныхъ и сильныхъ стихійностью своею душъ. Огромный, тяжелый, въ ночи рожденный, грубыми изломами очерченный, страшный соблазнительною своею первозданностью, и въ то же время новизною, материkъ. И воля къ нему. Жестокая воля, кованная молотами конкретныхъ бѣдствій. Угрюмое отрицаніе того, что до сего дня казалось сужденнымъ въ рабочей, солдатской и мужицкой долѣ, — стоить многихъ храмовъ, библіотекъ и статуй и измѣнить лицо міра безповоротнѣе, чѣмъ писанія мудрецовъ.

Если обобщить страхъ остановокъ у людей изъ общественныхъ верховъ, освободивъ этотъ страхъ отъ корысти и самолюбованія, — очистится воля къ сохраненію существующей культуры. Она, она одна, и мы ея хранители. Воля народная — это мечты о Бѣлой Арапії. Ни одного священного камня, ни одной музейной пылинки. Цѣпи и бичи народу, если онъ посягнетъ.

Народъ, всякий, и особенно русскій народъ, пріученъ быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Свободного, бессловесного народа, еще ни разу въ вѣкахъ не видала исторія. Бывали временами свободные роды, свободныя секты — обычно изъ бѣгуновъ: бѣжали отъ культуры, куда глаза глядятъ, во славу нѣтвѣщины, безъ которой къ свободѣ и не приблизиться.

Культура — цѣль прошлаго угнетенія на рукахъ и ногахъ народныхъ, какъ бы прекрасна сама по себѣ она ни была. И освобожденіе народа — гибель частичная или общая культуры.

Отъ несвободы чуждой тяготящей его культуры такъ молчаливъ народъ.

Интеллигенція же рѣчиста. Великіе и беспокойные ея представители уходять отъ нея въ индивидуальное творчество, и законъ ея средней лепечущей жизни — не для нихъ. Она безответственна. Она гранитъ и шлифуетъ поверх-

ность культуры и не любить заглядывать въ глубину. Плодъ вырожденія когда-то съ землею связанныхъ, первобытно-сильныхъ основоположниковъ и строителей старой культуры, она не помнить времени, когда возникъ ея страшный и неожиданный призракъ, не видитъ и нынѣ восходящаго, какъ гигантское, черное безформенное солнце, нового материка, который требуетъ, требуетъ, требуетъ — чего, еще никому не дано сказать.

Интеллигенція знаетъ причины, пути, обстоятельства и цѣли, охотно и пространно изъясняетъ ихъ. И безславно гибнетъ въ подвижныхъ складкахъ колеблемой земной коры. Зато страшно и трогательно народное молчаніе во времена несчастныхъ и запоздалыхъ войнъ. Это, сходящіе съ престоловъ владыки прошлага, руками самаго народа, подъ окрики корыстныхъ мудрецовъ, шутовъ и дуралѣевъ, ставятъ мельницы въ поляхъ народныхъ, чтобы молоть и рвать народное тѣло, чтобы превратить въ полезный продуктъ зрѣющій подъ спудомъ народный духъ. И народъ молчить. За то говорить интеллигенція. И при перекличкѣ на призывъ: — народъ отзыается наивно или увѣренно: я — за него, я — знаю.

Письма изъ Петербурга. Воззваніе Петербургскаго Со-вѣта 14 марта о всеобщемъ мирѣ. Трудящіеся противопоставлены націямъ. Отвращеніе государственниковъ къ этого рода актамъ. Воззваніе стало возможнымъ, ибо есть надежды на революцію на Западѣ. Здѣсь это звучить, какъ сказка. Ни довѣрія, ни недовѣрія — слова.

Апрѣль. Новороссійскъ.

Воззванія правительства и общественныхъ организаций полны призываовъ къ мирному труду. Тамъ война, тутъ нѣтъ еще и четырехъ недѣль со дня переворота, и — мирный трудъ. Это не наивность. Это расчетъ и страхъ. И надежда елейными рѣчами удержать катящуюся подъ гору телъгу.

Куртуазія дипломатовъ — либерализмъ баръ. Сущность международныхъ и сословныхъ отношеній и ихъ формы. Есть что-то глуповатое въ философскомъ идеализмѣ. Идеализмъ въ вопросахъ международного или соціального значенія хуже, чѣмъ глупость — предательство.

Нѣтъ ничего общаго между самопожертвованіемъ, подвигомъ, душевною высотою, чистотою и идеализмомъ. Можно такъ сказать: подлинный идеализмъ никогда не носитъ идеалистическихъ одеждъ.

Старыя радикальныя организаціі разваливаются. Без-
силіе Крестьянскаго Союза.

Организоваться, организація, сорганизуемся. Симп-
томъ непрочности старого государства — этотъ напоръ
центробъжныхъ силь. Антигосударственность, и по отно-
шению къ старому государству и по отсутствію чутъя во-
обще, у большинства революціонныхъ партій.

Изъ воззванія: «Вѣрьте другъ другу, офицеры, солдаты и
матросы... Спокойно выждать созыва учредитель-
наго собранія... Родина ждетъ отъ васъ мудрыхъ рѣшеній»...
(Подпись военный и морской министръ А. Гучковъ).

Отреченіе царя не произвело впечатлѣнія на крестьянъ.
Философски:

— Вотъ, былъ царь, и нѣтъ его. Чѣмъ кормиться стан-
етъ? Робить, вѣдь, ничего не умѣеть.

— Что съ нимъ сдѣлаютъ, сошлютъ?

— Былъ Петръ, вотъ былъ царь. Хозяинъ.

— Былъ одинъ царь, теперь много царей. Революція ре-
волюціей, а панъ паномъ и останется.

— Убить бы его. И всѣхъ, кто съ нимъ. Начисто.
Спокойнѣе будетъ.

— За границу пойдетъ. Купитъ домъ, землю, будетъ
живть.

— Слуги, которые у него были, теперь ушли?..
Зачѣмъ ему слуги, когда не-царь. Самъ около себя
пусть ходить. Дольше проживеть.

— Были царь и Богъ. Царя нѣтъ. Говорятъ, и церкви запечатаются.

Въ оцѣнкахъ подчеркиваютъ двѣ черты: ничтожество и нечистоту. Разспрашиваютъ о дѣтяхъ, о бытѣ, о доходахъ. Размѣры личныхъ богатствъ вызываютъ возмущеніе. То же данные о земляхъ удѣльного вѣдомства. Крестьянамъ извѣстна роль великихъ князей.

— Панъ и пидпанки. Панъ плохъ, а пидпанки и его хуже.

— Царь и псаръ.

О Распутинѣ знаютъ мало. Или знаютъ, но не говорятъ. Крестьяне въ такой же мѣрѣ избѣгаютъ говорить о сексуальной нечистотѣ, въ какой любятъ — о хищеніяхъ, о неправильно накопленныхъ богатствахъ, о скопидомствѣ и пр. Немного зависти?

Женскій митингъ въ Народномъ Домѣ. Монархическія рѣчи. Много злобы — ни къ чему опредѣленному не относящейся, блуждающей. Черты изувѣрства.

Разсудку ясно: зря выпускать вора изъ тюрьмы незачѣмъ, нехороша бабья безумная злоба, покой и мирный трудъ лучше заворошки, побѣда на войнѣ полезнѣе пораженія.

Но за высокимъ мѣстомъ разсудка стоитъ нѣкто тихій, расчетливо-взвѣшивающій иглядывающійся въ неизвѣстное будущее. Тотъ тихій, что и въ личной жизни кличетъ бѣду, растворяетъ ей ворота, оправдываетъ неоправдываемое и избираетъ въ храминѣ судебъ для себя же тяжелѣйшіе кресты. Тотъ тихій, что не знаетъ, чего хочетъ, хочетъ всегда того, чего нѣтъ и отталкиваетъ доступное только потому, что оно доступно.

Когда на митингъ бѣсновались женщины, лишенныя умѣнья овладѣть собой и позабыть хоть на минуту горечь своей доли, тихій счетчикъ сосчиталъ: злоба обездоленныхъ женщинъ — хвостъ на костерь революціи. Пораженія на фронтѣ переживаются не такъ, какъ полгода назадъ, — они нужны для чего-то. Примирительный рѣчи на засѣданіяхъ Комитета единенія солдатъ и офицеровъ, пытаются лицемѣріе собравшихся, и, точно по уговору, лицемѣріе это тѣмъ радостнѣе киваетъ головою, чѣмъ больше елея въ нетвердыхъ рѣчахъ. Но сладкое томленіе неизбѣжнаго, чувство равно знакомое и жертвѣ и палачу, охватываетъ собравшихся въ минуты словесныхъ схватокъ, упрековъ за прошлое и замаскированныхъ угрозъ. Людямъ бѣлой кости не вѣрятъ, ибо они взнuzдывали человѣка, какъ скотину, и располагали привилегіей посыпать смерда на смерть. И это обстоятельство пригодится. Хорошо, что бѣгутъ солдаты изъ рядовъ. Хлѣба мало въ большихъ городахъ — пусть такъ и будетъ. Бездарно правительство. Петербургскій Совѣтъ бѣется въ тенетахъ своихъ уклончивыхъ руководителей, провозглашаются лозунги мира и революціи на Западѣ — пусть. Все, отъ чего копятся силы, разрушающія государство, отчего распадаются на тончайшія волокна частныхъ союзовъ и объединеній его ткани, — все это суммируетъ и складываетъ въ свое мѣсто сознаніи тихій, какъ чудесные залоги ни съ чѣмъ несравнимыхъ бѣдствій.

Здѣсь, въ городѣ, я часто вспоминаю нерадостный, но упрощенный кругъ человѣческихъ дѣлъ Криницы. На горѣ, въ Криницѣ, міръ дѣлился на двѣ неровныя половины: Береговая и шоссе, косность и скитальчество, трудъ — каторга и трудъ — несчастная случайность, забота — законъ и забота — уступка несовершенству міра. На шоссе капля

за каплей просачивался бунтъ свободнаго человѣка противъ старыхъ основъ соціальной жизни.

Нельзя шоссе бросить на Береговую, чтобы оно уничтожило милый и постылый трудъ береговцевъ и спутало глубокіе корни ихъ повседневной жизни. Но нельзя и береговцамъ дать право перебить ноги всѣмъ гранящимъ шоссе бездѣльникамъ — желаніе, вовсе не чуждое Береговой, всякой вообще Береговой на землѣ русской.

Бродяги непримиримые враги трудящихся береговцевъ. Раньше всего потому, что бродяги тяготѣютъ къ крайностямъ, береговцы же — къ золотой серединѣ. Бродяги либо волею счастливаго случая становятся господами жизни и сами начинаютъ угнетать береговцевъ, либо тяжело идутъ на дно, сопровождаемые презрѣніемъ середины. Береговскихъ крестьянъ мечта — купить поросенка, выкормить да отложить въ кубышку старую сотенную. Медленно переставляются грани, удачи ничтожны, бѣды тяжки, середина, середина во всемъ. Еще они потому враги, что ихъ отношенія къ труду противоположны. Презирающій трудъ — каторгу и обреченный на трудъ — каторгу не найдутъ общаго языка. Еще они враги потому, что бродяга позналъ и принялъ познаніе ничтожества своего — да и всякаго — бытія въ огромномъ мірѣ, онъ скептиченъ, онъ не произносить даже про себя слова истина и полонъ живой эстетики скитальчества, знакъ котораго — жаркій придорожный костеръ въ позднюю осеннюю пору. Крестьянскія же колеи сильнѣе и воли, и разума, ихъ мѣнять опасно, даже неблагородно. Эстетика крестьянства въ спокойной неторопливости прозывающаго зерна; въ бѣломъ силуэтѣ — голубѣющимъ отъ ночи — усталаго коня на весенне-сиреневомъ небѣ надъ черною пахотою; въ прямомъ столбѣ розовѣющаго въ тихомъ закатѣ дыма надъ избою; въ косыхъ кругахъ полуручныхъ ласточекъ; въ отдыхѣ; въ медлительномъ накопленіи; въ круговоротѣ временъ. Эстетика крестьянина внѣ его самого и его волеизъявленія, она въ покорности, въ созерца-

ніи предмета вглубь его, но вовсе не въ видѣнїи этого предмета съ разныхъ точекъ зрењня, издали, сверху и снизу. Крестьянинъ не умѣеть и не хочетъ презирать себя, своего, цѣнностей своихъ, — что составляетъ большую половину скитальческаго паѳоса, и безъ чего, кстати, не творятся революціи.

Однако, и русскій крестьянинъ и русскій бродяга могутъ согласиться и когда-нибудь согласятся на одномъ — на отвращениіи къ государству. Крестьянинъ — болѣе меркантильно, бродяга — отчасти принципіально. Крестьянинъ никогда не чувствовалъ заботы государства, оно было по отношенію къ нему грубо, грабительски настроено и бичемъ, — налогомъ и тюрьмою висѣло надъ нимъ отъ колыбели до могилы. Бродяга, по отношенію къ близкимъ, — послѣдователь Штирнера. Онъ сохраняетъ, пожалуй, большую гибкость въ временныхъ своихъ соглашеніяхъ съ близкими, чѣмъ это предписывалъ философъ. Тѣмъ лучше. Но государству онъ непримиримый врагъ.

Такъ — въ деревнѣ. Въ городѣ — не то...

Письма и газеты изъ Петербурга. Временное Правительство — сохраненіе государства. Вожди Совѣта боятся потерять государство. Если предѣль всему — государство, то жизнеспособны только к-д. И у народа нѣтъ правъ. Даже права неподчиненія. И должны быть надъ народомъ властители, съ орудіями обузданія въ рукахъ.

Холодная, заинтересованная или трусивая рѣшимость сохранить государство дастъ нового Побѣдоносцева? Или, можетъ быть, люди должны теперь же строить новое государство?.. Соблазнъ сильной государ-

ственной власти. Соблазнъ участія въ строительствѣ. Либерализмъ — перчатка, подъ которой скрыта желѣзная рука. Рука хозяина, тюремщика, иногда даже палача.

Въ Криницѣ я бывалъ дома — на шоссе. Здѣсь, въ городѣ, я болѣе или менѣе дома только на заводахъ. Работа моя — среди умѣренныхъ. Но и это не дома. И краине тоже не дома. Вѣроятно, я самъ не знаю тоже, чего мнѣ нужно. Вижу, что и большинство окружающихъ не знаетъ. Хотя и притворяются знающими.

Крестьяне и рабочіе не говорятъ о томъ, что имъ нужно, но живутъ сами по себѣ такъ, какъ имъ нужно, и такъ, чтобы приближалось то, что нужно. Оттого, несмотря на ихъ угрюмость, съ ними легче. И оттого же безразлично, какъ они мотивируютъ свои поступки.

Или писателю надо привыкнуть обходиться совсѣмъ безъ дома?

Если взвѣсить, какъ слѣдуетъ, слова и дѣла великихъ людей — они такие же враги средней интеллигенціи, какъ крестьяне и рабочіе.

Мы — праздны, сколько бы мы ни трудились.

Деревня разслаивается медленно, несмотря на революцію. Да и слоевъ намѣчается немногого: богатые и средніе крестьяне заодно; одѣльно безземельная бѣднота; и отдѣльно отъ всѣхъ — идущіе съ фронта, взволнованные, смертельно утомленные, жутко загнанные, несчастные солдаты.

Солдатъ нужно выслушать первыми, и съ ними больше всего посчитаться. Они — изведенные изъ ада. Лица ихъ обожжены, руки дрожатъ, дѣянія опредѣляются ночнымъ сознаніемъ. Это понимаютъ немногіе. И чѣмъ предоставить слово солдатамъ, къ нимъ обращаются съ рѣчами. Гонимому на бойню волу говорятъ обѣ идеальной цѣнности бойни. Отвратительно.

День 21 апрѣля, — нота Милюкова о цѣляхъ войны, демонстрація солдатъ и рабочихъ, въ Петербургѣ, демонстрація сочувственниковъ войны. Снова — голосъ государства. Половинчатость лозунговъ, и правительства и руководителей Совѣта. Война неизбѣжна. Война невозможна. И никто не въ силахъ выбрать.

Темная, тяжкая тоска. Чувство слѣпоты. И лукавство: обмануть судьбу, обойтись безъ рѣшений.

Полковникъ М. говорить:

— Дезертиры — болѣзнь арміи. Болѣзнь надо лечить прижиганіями. Ваши комиссары скоро поймутъ это и научатся сами.

Врачъ С. И. Т. Только что прїехалъ съ кавказскаго фронта говорить:

— Среди дезертировъ больныхъ очень мало. Уходятъ съ фронта, главнымъ образомъ, здоровые. Инстинктъ самосохраненія.

М. Ш. — тоже съ фронта. Былъ цензоромъ. Говорить мнѣ:

— Мы съ вами незнакомы, но я васъ знаю по письмамъ. Вы переписывались съ Н. и В. У Н. вообще очень любопытная переписка. И большія связи... Одна московская дама преслѣдуje N. признаніями...

М. Ш. — радикаль, адвокатъ, не чуждъ литературы. Слыть порядочнымъ человѣкомъ...

Въ Комитетъ показали мнѣ полковника Т. Мориль голо-
домъ и обкрадывалъ солдатъ. Присваивалъ деньги и сереб-
ряные крестики, вынутые изъ солдатскихъ писемъ. Едва
спасся отъ расправы. Ждетъ назначенія. Приспособился къ
новымъ вѣяніямъ. Все это — демократія.

Перехожу отъ группы къ группѣ, отъ кружка къ кружку.
Нигдѣ не свой, возбуждаю недовѣріе, да и не хочу быть
своимъ.

Жизнь остановилась. Руки многихъ, столь многихъ, но-
выхъ хозяевъ дня несмѣло тянутся такъ же, какъ руки вче-
рашнихъ, къ привычнымъ благамъ — безопасности, власти
и, конечно, деньгамъ. Позади — сверженіе. Сейчасъ —
воззванія къ фронту о побѣдѣ. Впереди — учредительное
собраніе. Но жизнь остановилась — какъ снарядъ, на се-
кунду неподвижно повисшій въ воздухѣ въ секунду пере-
лома. И исторические факты кажутся фантомами безъ аро-
мата и содержанія.

Я хочу работать и строить. Хочу знать,
чего нужно тѣмъ, кто совершаетъ и для кого совершаются
революціи. Знать, т. е. какъ можно больше видѣть, т. е.
какъ можно меныше проповѣдывать.

Теоретически это не сложно. На дѣлѣ почти невозмож-
но въ небольшомъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни одной сильной сози-
дательной массы, гдѣ люди разбрелись на группы и кружки.

Ихъ столкновенія и интересы понять со стороны очень
трудно.

Совѣтъ хочетъ арестовать начальника охранного отдѣ-
ленія М., но М. когда-то игралъ въ карты въ клубѣ съ Л., П.
и С. И вотъ Л., П. и С., члены Комитета общественной безо-
пасности пытаются спасти М. отъ ареста. Адвокатъ З.
сталъ членомъ совѣта — старый гаменъ, обжора и фатъ,
такъ какъ двое изъ членовъ комитета обидѣли его когда-то
во время спектакля въ пользу пострадавшихъ отъ пожара.

Когда Л. комментирует программу к-д, думается, что только съ к-д и можно строить новую жизнь. Но когда Л. добивается званія городского головы и прибираєтъ къ рукамъ все, изъ чего, по его мнѣнію, построится со временемъ «настоящая» власть — нѣть вѣры ни Л., ни его программѣ. Вице-губернаторъ С.-П. стоитъ на словахъ за республику и за единый демократический фронтъ, но инженеры, фабриканты и купцы, — съ которыми онъ якшается, — изъ тѣхъ, что влекутся назадъ и очень нескоро остановятся въ своемъ влечениі. С-д П. пытается оттягивать автомобиль у губернского комиссара, а с-д В. дноетъ и ночуетъ у партійныхъ враговъ, ибо страшится реставраціи. Засѣдають Комитеты, комиссіи, пятерки, тройки, всѣ возможные общественные дроби окапываются въ тѣсныхъ ямкахъ и всѣ — съ камнями за пазухой, и всѣ слишкомъ слабы для схватки, избѣгаютъ поводовъ для нея, и жизнь останавливается. И такъ изо дня въ день. Не общественные силы, а люди, нечистыя общественные смѣси, ненадежные растворы съ ложной кристаллизацией. Оттого-то и запрещено общественнымъ мнѣніемъ здѣсь думать. Надо прими-
кать. Каждый — не примыкающей либо возможный врагъ, который примкнетъ не во время къ другимъ, либо тайный врагъ и лазутчикъ, уже примкнувшій и скрывающій, либо опасный стяжатель, ждущій за примкнутіе особой мзды и званія.

Основное познаніе послѣднихъ мѣсяцевъ — косность человѣческаго большинства, и ничтожество большинства интеллигентныхъ людей. Ихъ мотивы, цѣли, души — все ничтожно. Я никогда не зналъ, что такое паѳосъ разстоянія; не видѣлъ основаній для него и никогда такихъ основаній не приму. Но знаю теперь, что только въ глубинахъ личного и трагического, подъ работою молота судебъ, сохраняютъ средніе люди искру Божію. Въ дѣлахъ повседневности, въ земномъ устроеніи, въ общественности они низки, своекорыстны и жадны чаще, чѣмъ объ этомъ принято говорить.

Оттого такъ хорошъ по сравненію съ ними бродяга. Въ немъ перегорѣла жадность. Оттого мотъ, кутила, свихнувшійся человѣкъ, человѣкъ отъ дна и подполья ближе къ концамъ и началамъ правды, чѣмъ строитель обыденной жизни. Оттого всѣ мы, духовные скитальцы, писатели, художники и любители истины, будемъ вѣчно цѣнить пессимизмъ, разрѣзающій связь съ благами жизни. Оттого есть своеобразная прелесть въ стальномъ взглядѣ вора по страсти — не маленькаго, не несчастнаго вора. Онъ уже не преданъ собственности своей, крадеть и бросаетъ. Оттого надеждою гремятъ пляски пролетарского моря и нѣть въ немъ, вопреки буквѣ доктрины, частой корысти, а есть воля къ уничтоженію всякой корысти, отчего сокращаются поводы быть ничтожнымъ.

Жить и думать по своему можно въ лѣсу или въ большихъ городахъ, въ пьяномъ ихъ свѣтѣ, въ холодномъ отчаяніи людскихъ душъ, замерзающихъ одиноко на камняхъ, въ ненависти униженныхъ, въ лихорадкѣ партійныхъ разговоровъ и презрѣнія къ жизни, въ публичныхъ домахъ, у неугасающихъ по ночамъ лампъ больныхъ, вырождающихся писателей, у доменныхъ печей, въ грохотѣ сталелитейныхъ заводовъ, въ подвалахъ, въ откровеніяхъ безвѣстно-гибнущихъ геніевъ и пытателей естества, распинающихся себѣ на крестѣ собственныхъ мыслей...

Корысть большихъ городовъ переросла себѣ самое, стала страстью, потеряла чутье дѣйствительности и чутье предѣловъ и проливаетъ свою кровь дождемъ разъѣдющихъ кислотъ, громоздить дѣла и собственными же руками низвергаетъ ихъ.

Купецъ Гучковъ становится военнымъ министромъ. Однако, возможно такое положеніе, когда Плехановъ или Ленинъ станутъ купцами и научатся считать барыши, хотя бы не для себя, а для народа. Офицеры расчленяютъ армію во славу краснаго знамени, — но не исключено и обратное, строительство и дисциплина, возстановленіе власти сильного

надъ слабымъ во имя того же знамени. Адвокатское краснорѣчіе мерзить роковыя минуты страны, но жестъ краснобая разносится по міру, какъ новый міру завѣтъ. Приходитъ часъ — вновь сметены герои, дѣла, жесты, декламація, сильные люди, встанутъ новые владыки, а въ глубинахъ городскихъ лабораторій духа уже будутъ снова вариться ядовитыя зелья и новыя слова расшиваться золотомъ на зовущихъ стягахъ. Но и въ этомъ раскатѣ событий все же останутся люди, которые будутъ только глядѣть, глядѣть, глядѣть. И никто не спроситъ насъ здѣсь, кто мы, какъ вѣруемъ и зачѣмъ переходимъ отъ человѣка къ человѣку, отъ группы къ группѣ, и зачѣмъ не имѣемъ отвѣтовъ на историческія загадки. Тамъ, въ большихъ городахъ, на своемъ мѣстѣ вожди, на своемъ — глашатаи, на своемъ — слуги и паства, но на своемъ и Діогены революцій, соціальныхъ или духовныхъ, которые погасятъ свой фонарь только тогда, когда смерть успокоитъ ихъ тревожное сердце.

Въ пути.

Отъ неразберихи городской, отъ воззваній, полемики и сплетень — на легкой кавказской линейкѣ черезъ перевалы, вдоль рѣчекъ, въ запахахъ едва раскрывающихся листковъ и блѣдно-тѣлесныхъ доцвѣтающихъ азалий. Со стороны степей въ вѣтеръ колючий, со стороны моря — нѣжной ладонью касается щеки и глазъ, живой и солоноватый. Прохладныя испаренія мшистой, закрытой прѣлымъ листомъ земли. Анемоны, первые одуванчики. Капель избыточныхъ древесныхъ соковъ. Дикіе гуси у перелѣска, журавли надъ гребнями тянутъ къ сѣверу. Черкесская старина, полуснесенныя плотины, память о дикихъ сшибкахъ, гдѣ-то верхомъ тутъ проѣзжали Лермонтовъ и Одоевскій, и море, съ его шелками, безплодными томленіями и туканьемъ невидимыхъ за остроконечнымъ мысомъ моторныхъ шхунъ.

На Михайловскомъ перевалѣ долго не даютъ лошадей — какъ всегда. Налѣво оголенные бельгійцами склоны, вырублены лѣсь, скошенъ молоднякъ. Направо образцовый фруктовый садъ. Ч. и хатки культурниковъ. Отъ горнаго апрѣльскаго воздуха и простора сильно и умиленно бьется сердце.

— Теперь уже никто не станет косить наши льса. Насадимъ сады, настроимъ дома, проведемъ дороги. Какое солнце, какъ стройны деревья, какъ близокъ птичій гомонъ — благословенна земля и благословенъ трудъ нашъ. Наша земля, наши сады, и нашъ трудъ.

Раньше невозможно было такъ думать. Пожалуй, и сейчасъ рано.

Въ Пшадѣ первый митингъ. Не агитационный. Я хочу, чтобы они говорили... И чтобы попытались по иному ладить свой бытъ... Вечерѣетъ. Площадка и палисадникъ волостного правленія полны людьми. Вопросы:

- О сословіяхъ.
- Когда конецъ войнѣ?
- Изъ какихъ земельныхъ запасовъ уравняютъ староселовъ и новоселовъ?
- Что будетъ съ дезертирами?
- Если помѣщичью землю отдадутъ крестьянамъ, можно ли переселенцамъ съ Украины и Дона возвратиться домой на увеличенные надѣлы?
- Съ выкупомъ или безъ выкупа?
- Будутъ ли налоги въ новомъ государствѣ и кому ихъ платить?
- Вѣрно ли, что свои люди, крестьяне, будутъ сидѣть въ правительствѣ, и какъ сдѣлать, чтобы знать о нихъ и куда послать ходоковъ?
- Вѣрно ли, что церкви будутъ запечатаны?
- Увеличать ли пайки вдовамъ и сиротамъ?

Береговая, Криница, Бета, Вуланка, Джубга. Строгія лица, строгіе вопросы. Очень мало игры. Немного наивной важности и самолюбованія. Есть недовѣrie, и на мало его.

Новый порядокъ въ томъ, что слово и дѣло должны стать одно. Что сказано тутъ — тамъ, въ правительствѣ, сдѣлано.

Что имъ отвѣтить? Что я не знаю, произошла ли революція, произойдетъ ли?

Проѣхалъ по побережью губернскій комиссаръ, членъ государственной думы Н. Въ городахъ его носили на рукахъ, особенно гимназисты, которыхъ освобождали на три дня отъ занятій. Въ деревняхъ, по изстари заведенному порядку кричали ура. Попы произносили рѣчи, пономари били въ колокола. И комиссаръ, и свита были въ самоупоеніи.

Люди, которыхъ посыаетъ Петербургъ, Ѳдутъ не къ крестьянамъ, не къ рабочимъ, не къ труду и не къ революціи, а къ средней либеральной интеллигенціи, которая хлопаетъ въ ладоши и думаетъ, что все останется на своихъ мѣстахъ, и что она — племя героевъ-освободителей. И это въ дни, когда нужны дѣла. Мѣстная власть, какъ и центральная, не есть власть. Въ моменты всеобщаго разслоенія и дифференціаціи власти нѣть, никто ничего не можетъ сдѣлать. Только говорятъ, — дробно говорять эти все убывающія дроби.

Война до побѣдного конца, — произносятъ крестьяне. Думаютъ въ это время — никакой войны не надо. Произносятъ — возстановленіе государства въ прежнихъ границахъ. Думаютъ — до города сто верстъ, до столицы — двѣ тысячи, мѣста много, какія тутъ границы! Справедливъ подоходный налогъ, произносятъ они. Думаютъ — къ чему налогъ, если своя, крестьянская, будетъ власть. Можно и безъ налога. Произносятъ — Временное Правительство, а думаютъ — чѣмъ не правительство нашъ волостной сходъ? Предѣль — волостныя республики.

Ходоки — то, что зовется службой связи. Идутъ въ губернскій городъ за семьдесятъ и за сто верстъ купить газеты, которыхъ дома никто толкомъ не прочтеть. Идутъ за слухами къ сосѣдямъ и на Кубань. Провожаютъ меня отъ села до села, чтобы сопоставить, что говорится. Готовы бѣхать въ Петербургъ, чтобы подавать — кому? — челобитныя.

Ходока выбираютъ за умъ, обходительность и богатство для губернского городка, гдѣ впередъ извѣстны тема бесѣды и личность собесѣдника. Такой ходокъ устраиваетъ по пути личныя свои дѣла, учтивъ и разговорчивъ, при случаѣ готовъ поважничать на счетъ собственныхъ односельчанъ. Для дальнихъ странствій, для задачъ, по наитію воспринятыхъ и не оформленныхъ сознаніемъ, избираютъ ходока другого — проникновеннаго и чистаго душою, точно для жертвоприношенія. Среди такихъ ходоковъ можно встрѣтить юродивыхъ, косноязычныхъ, чудаковъ и полунищихъ, питающихся на счетъ пославшаго ихъ общества. Ихъ посылаютъ потому, что они не выдадутъ и готовы пострадать за крестьянскій міръ. Традиціи бироновщины и петровскаго времени по сей день не изглажены изъ крестьянскихъ головъ.

Май. Въ пути.

Лавочникъ.

— Теперь расторгнемся. Много вольности для народа нехорошо. Торговать же — легче будетъ.

Учитель.

— Нужно бы денегъ на школу. Построю новый домъ, куплю книгъ, тетрадей, глобусъ, новую карту. По всей Россіи, говорятъ, школы строить будутъ.

Лѣсникъ.

— Сосѣдямъ — новоселамъ дать бы лѣса на постройку; надо бы и на ограду — въ прошломъ году медвѣдь весь баштанъ растаскалъ; и на мостокъ надо, рѣчка отъ дождей разливается, ни проходу, ни проѣзду.

Завѣдующій ремонтомъ Индо-европейскаго кабеля неистовый человѣкъ.

— Долой пограничную стражу. Долой таможни, попа, дьякона, старыхъ учителей, кооперативную лавку. Исправить шоссе, построить мостъ, соорудить пристань, увеличить пайки, удесятерить самообложеніе, открыть въ селѣ гимназію, устроить каботажное плаваніе, чтобы шли въ маленькую Джубгу дешевые товары изъ русскихъ и иностранныхъ портовъ.

Смѣшно? Нѣтъ. Это впервые выпрямился и заговорилъ человѣкъ. И требуетъ, чтобы слово стало дѣломъ.

Крестьяне спрашиваютъ о значеніи партій, о партійныхъ программахъ, о способахъ воздействиа на общественность.

— Куда записываться?

Я отвѣчаю такъ, чтобы поняли шутку:

— К-д, с-р, с-д, анархисты...

Смѣются.

— Разскажи.

Разсказываю. Слушаютъ. Программы воспринимаютъ — какъ реальные пути. Въ Парижъ можноѣхать черезъ Вѣну, черезъ Берлинъ, черезъ Брюссель — такъ с-д, с-р, к-д по пути къ справедливости.

— Что прикажутъ дѣлать, если запишусь въ партію?

— А совсѣмъ безъ партіи оставаться нельзя?

— Партия захочетъ — дадутъ землю?

— Помѣщики записываются? Имъ тоже землю дадутъ?

О программѣ с-д:

— Это для городскихъ. Намъ фабрикъ не надо, не управимся.

О программѣ с-р:

— Это для насъ. Только, чтобы земля совсѣмъ наша, каждому своя.

— Можно и заплатить. Крѣпче будетъ.

— Нѣтъ платить нельзя. Одинъ заплатитъ, другому нечѣмъ. Обществомъ землю взять, общество и раздѣлить.

О программѣ анархистовъ:

— Эти ничего не хотятъ.. Полиціи не надо — это правильно. А судъ — надо. Не то поножевщина начнется. Смѣлые они, не боятся.

Недовѣріе къ пришлымъ агитаторамъ.

— Пусть къ намъ никого не присылаютъ. Лучше мы своихъ пошлемъ. Посмотрѣть, и намъ разскажутъ.

— Намъ бы книжекъ. Сыны намъ почтятъ.

— Въ газетахъ плохо пишутъ. Каждая газета про свое.

Не понять.

Грамотные подростки быстро растутъ умственно. Они видяты дальше, чѣмъ отцы, не только выгоду, но и стихію. И сами склонны къ стихіи, дѣти военного времени, утратившія страхъ, пріобрѣтши цинизмъ, любопытство и географическая познанія. Ихъ роль въ жизни деревни неожиданно возросла. И это хорошо.

Борьбы за восьмичасовой рабочій день крестьяне не понимаютъ. Прошелъ слухъ, будто его введутъ принудительно и для полевыхъ работъ. Ропщутъ.

Неодобрительно обсуждаютъ повышеніе заработной платы на заводахъ. Товаръ станетъ дороже.

Программа партій должна быть по представленіямъ крестьянъ сжатой энциклопедіей. Довѣріе падаетъ, если не на всѣ вопросы готовъ отвѣтъ.

На бесѣды приходятъ женщины. Большой вопросъ — паекъ для гражданскихъ женъ солдатскихъ. Незаконные дѣти въ заброcсъ. И законъ обидчикъ, и старики, родители согрѣшившей, обидчики. Грѣши, сколько хочешь, только бы дѣтей не было.

— Въ какую партію записаться, чтобы одной жить, не съ мужемъ?

— Т. е., чтобы женщінѣ дали самостоятельный надѣль.

— И бабамъ свободу дать надо. И земли надо. И чтобы мужу въ паспортъ не писать.

— Мужики законы пишутъ, бабамъ не помогутъ мужские законы.

— Наслѣдство дѣлятъ несправедливо. Бабѣ всегда — ничего, все мужику.

Длиненъ свитокъ женскихъ жалобъ. Онъ конкретны, избѣгаютъ обобщеній и требуютъ рѣшенія немедленно. Не приходятъ съ жалобами лишь тѣ особаго типа спокойныя и твердые женщины, которая самостоительно, не хуже мужиковъ, ведутъ хозяйство и къ которымъ сельчане относятся уважительно, не подчеркивая разницы половъ и правъ. Едва ли не въ каждой деревнѣ есть такія хозяйки. Имъ точно на роду написано вдовѣть.

Да, всѣ эти люди, крестьяне, рабочіе, лавочники, учителя, солдаты, лѣсники, — всѣ вдругъ осознали свое право строить жизнь по мечтѣ своей и по волѣ.

Не ладное слово — мечта. Легковѣсное. Въ противоположность полновѣсному — воля.

Солнце, сила, беззаботность, тихій трудъ, колосьями позлащенное поле, плавная мысль надъ рѣкою временъ...

О, тяжелый молотъ судебъ. И то, что уже не вернется. Никогда.

Старикъ съ косымъ шрамомъ на голомъ черепѣ и съ вытекшимъ глазомъ, пришелъ въ с. Ольгинку изъ горныхъ хуторовъ.

— Я выберу депутата законы писать, а онъ меня обманетъ и не тѣ законы напишетъ?.. Я старый, мнѣ не кѣ чему обманывать. Самъ хочуѣхать.

На сельскомъ сходѣ вблизи Туапсе.

— Для чего учредительному собранію всѣ законы сразу писать? Надо по-малу. Написать и испробовать... Слыханное ли дѣло сразу всѣ законы написать!.. И куда ихъ пишутъ: въ книгу?

— Законы по губерніямъ пишутъ? У насъ землю надо корчевать и бить плантажъ, а въ Курской губерніи пшеницу въ степи съютъ. Какъ же, чтобы былъ одинаковый законъ?

Зажиточный хуторянинъ, не старый еще, перечисляль кого надо лишить избирательныхъ правъ:

— Бабъ, старшинъ, старость, поповъ, исправниковъ, жандармовъ, почтовыхъ чиновниковъ, бродягъ, рыбаковъ, грузчиковъ и лѣсорубовъ.

Почтовые чиновники читають письма, знаютъ чужія мысли, могутъ повредить невиннымъ людямъ, имъ нельзя законодательствовать. Бродяги, грузчики и лѣсорубы живутъ изо дня въ день заработкаами, не обладаютъ ни имуществомъ, ни цѣннымъ инструментомъ. Рыбаки, хотя и обладаютъ имуществомъ, иногда даже землею, но проводятъ много времени не на сушъ...

Крестьяне противъ низкаго возрастного ценза. Боятся тайного голосованія, ибо оно даетъ просторъ непокорству сыновей и младшихъ братьевъ.

— Такъ, вотъ, онъ возьметъ, да себя и выберетъ. А товарищи помогутъ...

Настроены противъ прямыхъ выборовъ и несмѣняемости депутатовъ. Прямые выборы плохи тѣмъ, что нельзя исправить сдѣланныхъ ошибокъ. Всею губерніей выбирать — не выборы, а насыпка. Благодаря несмѣняемости депутатъ отбивается отъ рукъ, заводить въ столицѣ личная дѣла и перестаетъ служить обществу.

Революціонность крестьянства пока подъ спудомъ и раскроется не черезъ годъ и не черезъ два. Привычная нищета и безправіе ограничили воображеніе крестьянина, и расправляется онъ только во хмелю и неожиданно для себя самого. Оттого такъ страшны и, часто, тупы стихійные движения крестьянства. Стихійность въ немъ ничего не преодолѣвается, кромѣ страха, и сама ничѣмъ, кромѣ страха, не преодолѣвается. Внѣ аполлонического.

На сельскихъ сходахъ. Кто дѣятеленъ? Самородки, сильные умомъ и духомъ люди, сельская интелигенція, крикуны и темныя личности. Середина пассивна.

И добрые и злыя вносятъ страсть и недобродѣтельны. Добродѣтельность бездѣтельна, ищетъ мелкихъ и прочныхъ выгодъ, эволюціи. Отвлеченные интересы и фанатизмъ. Мелкія и прочныя выгоды эволюціонныхъ теорій — страхъ передъ историческимъ фатумомъ и его загадками.

Митинги давно перестали быть митингами. Уже не моя беспокойная воля, а посланные отъ крестьянъ заставляютъ колесить по губерніи, забираясь въ наиболѣе отдаленныя щели. Въ иныя уже и на линейкѣ не проѣдешь — качается и трещитъ испытанный, вѣчный почтовый тарантасъ, недовольно прядаютъ ушами пріобыкшіе къ шоссе кони... И чѣмъ глупше деревня или хуторъ, тѣмъ упорнѣе зовутъ прѣѣхать.

Въ волостномъ правлениі, на сходкѣ или въ школѣ собираются выборные. На скамьяхъ сидять сельчане, не смѣняясь часами. День разспрашиваются о значеніи переворота. Вѣрятъ въ благостность его и, вижу, многократно обманутые, боятся до конца повѣрить. И такъ тяжело-серіозны, такъ каменно-серіозны отъ надеждъ, отъ неясности будущаго, отъ тревоги, отъ желанія понять происходящее въ столицахъ — что заставляютъ скупѣе и скупѣе отмѣрять слова.

Весь обиходъ старого государства былъ слаженъ такъ, чтобы множить обиды крестьянина или лишить его вѣры въ законъ, въ правду и въ себя самого. То жернова, то кровососныя банки, то обухомъ по головѣ, то клѣтка, то тысячи уколовъ мелкими орудіями пытки. Церковь обездушена, священники превращены въ сыщиковъ, власть обезещена, школа зажата въ тиски, врачи сдѣланы мученикомъ, судьи искажены, законъ приспособленъ къ волѣ господствующихъ.

И это — не въ закругленныхъ фразахъ революціонной прокламації, а въ тысячѣ на каждую деревню конкретныхъ частностей, житейскихъ бѣдъ, которыя немедля должны быть исправлены, и которыя даже сейчасъ исправить некому. Это — огромной плотности, слежавшійся геологическій пластъ, подъ нимъ сдавленныя силы-вихри. Переложить съ мѣста на мѣсто хотя бы одинъ камень этого пласта, значить дать исходъ вихрямъ, исходъ же ихъ — катастрофа. Та самая катастрофа, которую предвидѣли Пушкинъ и Лермонтовъ, Достоевскій и Соловьевъ, Герценъ и Мишле, славянофилы и религіозные сектанты, Тютчевъ и Блокъ. Въ особенности со второй половины девятнадцатаго вѣка начались предчувствія того, что «настанетъ годъ, Россіи черный годъ» —

Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
Несеть онъ людямъ на землѣ.
Не просто будетъ онъ воитель;
Но исполнитель Божіихъ каръ, —
Онъ совершилъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.

(Тютчевъ).

Если вихри встанутъ, нѣть силы, которая могла бы ихъ обуздать — и нѣть подъ небомъ права обуздать ихъ. Это возстаніе — исправленіе каждымъ учиненныхъ ему неправдъ. Кажды мъ — за себя. Приблизительно объ этомъ думалъ Штирнеръ, когда писалъ: «Издавна эгоистъ утверждилъ себя въ преступленіи и насыщливо отрицалъ святое — крушеніе святого можетъ сдѣлаться всеобщимъ: — не революція возвратится, но могучее, безпощадное, безсовѣстное, гордое преступленіе. — Развѣ ты его еще не слышишь въ раскатахъ отдаленныхъ громовъ, и развѣ ты не видишь, какъ небо, полное предчувствій, молчитъ и хмурится?»

Такъ въ деревнѣ. Въ городахъ — стремительная организація, видимо, подымаетъ волю коллектива надъ едино-

личною распрымляющеюся волею мстителей за прошлое, тамъ возможны стройныя массовыя дѣйствія, т. е. налицо даннія для сознанія новыхъ формъ жизни.

Когда играютъ дѣти, войти незамѣтно въ комнату, забиться въ уголъ, позабыть о себѣ и невзначай увидѣть міръ такимъ, какимъ они его видятъ. То же — если бы существовали великаны, во время ихъ, великанскихъ, игръ и битвъ. То же — въ деревнѣ.

Что дѣлать съ духовенствомъ? Въ семи случаяхъ изъ десяти, крестьяне, поговоривъ о дѣлахъ, предлагаютъ:

— А теперь попа гнать надо.

Не антирелигіозность, не антицерковность. Дѣловое: гнать именно этого попа, ибо больше нельзя жить съ нимъ бокъ-о-бокъ.

Церковь отравлена государствомъ. Слуги церкви — слуги государства. Двуличность, зависимость, измельчаніе, распространившееся на духовную, на общественную и на личную жизнь.

Священникъ въ В. прижилъ незаконную дочь, пытался отравить ее, выслать изъ села съ помощью мѣстного урядника; жаденъ, чванливъ, небреженъ въ требахъ. Священникъ въ Д. — лукавъ, ловкій торгашъ, мутить въ губерніи, стяжатель. Въ Б. — развратенъ и важенъ, безъ смѣха крестьяне о немъ не говорятъ. Въ К. — стяжатель, бралъ непомѣрно много за требы, небреженъ, оставлялъ умирающихъ безъ напутствія. Въ Т. — темный, равнодушный ко всему человѣкъ. И т. д. И всего двое или трое священниковъ другого склада. Одинъ — рачительный хозяинъ, и за себя и за крестьянъ. Одинъ — юнецъ, живой и мягкий, безсребре-

никъ, раздвоенный, трогательно тоскующій среди своихъ же. Одинъ — строгій старикъ монашескаго склада, пожалуй, единственный на всю губернію священникъ, знающій, что такое вѣра, и другимъ говорящій объ этомъ.

Большинство священниковъ замарано нечистыми комбинаціями съ пайками для солдатскихъ семействъ и вдовъ. Обѣщаютъ выхлопотать паекъ — долю его берутъ, по соглашенію, себѣ. Иные принимали чрезмѣрно близкое участіе въ дѣлахъ кооперативныхъ лавокъ. Есть торгующіе табакомъ, виномъ, фруктами, скупщики фруктовой сушины у крестьянъ. Есть ходатаи по частымъ дѣламъ, сутяги, торгующіе своими связями въ губернаторской канцеляріи, у уѣзднаго начальника, въ консисторіи.

Иногда крестьяне призывали священника на сходъ, требовали покаянія и обѣщанія исправиться. Заодно устанавливали твердую таксу за требы. Многіе представители духовенства окрасились въ защитно-революціонные цвѣта. На епархиальныхъ съѣздахъ выносили резолюціи въ духѣ времени, такъ же, какъ полгода тому назадъ служили соборне молебны за здравіе и преуспѣяніе. Въ С. дьяконъ засталъ священника за составленіемъ кондуита — въ чаяніи грядущихъ расправъ прихотливо сплеталъ старикъ правду съ ложью, внося въ работу свою ночное вдохновеніе.

... А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
И не уйдешь ты отъ суда людскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

То же и здѣсь — потаенное, съ предвкушеніемъ людскаго суда и съ равнодушіемъ къ небесному.

На волостныхъ сходахъ крестьяне все чаще пытаются решать общегосударственные вопросы. Война и миръ; принятіе въ русское подданство иностранцевъ — турокъ и грекъ

ковъ, торгующихъ табакомъ; налоги; образованіе; мѣновая торговля съ заграницей. «Волостная республика» — живые атомы распадающагося единства, ищущіе новой внутренней связи. Потребность непосредственно вліять на рѣшенія правительства. Наивное уваженіе къ собственнымъ резолюціямъ, которые предполагаются дѣйственными. Новое чувство власти. Не Людовикъ, а Сидоръ говоритъ, хотя и неувѣренно: государство — это я.

Все въ цвѣту. Фруктовые сады въ душистомъ молокѣ.

Рѣками проливается оно изъ сосковъ матери-земли, розовѣя на персикахъ, грозясь удушливымъ ароматомъ желтоватыхъ бутоновъ наливающейся акациі. Бѣлыми и розовыми островами окраплена сквозная зелень горныхъ склоновъ. Цвѣтутъ не одни деревья, цвѣтетъ воздухъ, цвѣтетъ легкимъ полдневнымъ туманомъ море.

Днемъ жарко, лоснятся потомъ прилежные крупы лошадей, чаще задумываются усталыя на бѣгу и жадно тянуть ручьевую воду подъ прохладными мшистыми арками круто-го моста.

Змѣится дорога, пылитъ — точно пылью поетъ — въ полдень, безмолвна отъ тяжелыхъ росъ послѣ заката. Рядъ за рядомъ встаютъ на югъ свѣтлѣя горы — огроменъ Кавказъ, не обнятъ.

Поэзія перекладныхъ, ея вольная дума, — сочетаніе сладости, тоски, дремливатого предвидѣнья и Богъ вѣсть чего... Тонкіе пальцы протягиваются отъ прошлаго. Далеко бываютъ, — бываютъ и гремятъ — волны отодвинутой дорожнымъ бездѣльемъ судьбы. И нѣтъ настоящаго, и все въ немъ, въ немъ одномъ. Покрыть дремотою весь улей жизни, и по ровно спаяннымъ кругамъ ея сходить къ темному ея дну утомленный шарканьемъ колесъ и смѣною далей путникъ. Стукъ копытъ, бряцаніе уздечки, умное пофыркиваніе лошадей,

узоръ восьми пляшущихъ копытъ. Многозначительная спина возницы, хрустѣнье старой оси на поворотахъ.

Хорошо шагомъ, больше прошлага всплываетъ; хорошо рысцой, созерцая одымленныя пылью копыта — дорожная юга, равновѣсіе безвольного плаванія; хорошо наддать подъ гору, когда вступить во власть настояще, всѣ до единой черты окрестностей радостно ошеломятъ пробудившійся взоръ, и, дробя песчанникъ размытаго шоссе, пронесется телъга мимо слегка ошалѣвшаго прохожаго.

Ночной лай собакъ, огни отдаленаго хутора, жизнь чужая, чужія мысли и счастье въ воплющей реальности ихъ за стѣнами чужихъ, освѣщенныхъ коптилкою хатъ, неудобные ночлеги, пѣтушиный во вторую ночную смѣну крикъ, когда, какъ и въ пути, смыкаются воедино прошлое, настоящее и будущее, и снова огненное счастье скитаній, горькая прелесть разлукъ, радость случайной человѣческой нѣжности, — чистой — и этотъ холодокъ послѣдней моей неприкаянности, дальше которой уже нѣть ничего — одни острозубые стѣны великаго города Смерти...

Дорога, дорога, дорога.

Въ Д. слѣпой — отравленъ газами — полковникъ. Нарочно вызвалъ меня къ себѣ безъ дѣла, чтобы показать, что онъ — полковникъ. Нарочно разложилъ аттестаты — двояринъ. Говорилъ о томъ, что послѣднее слово принадлежитъ ему и ему подобнымъ.

Этотъ — смертельно раненъ событиями и не воскреснетъ.

Второй день слѣпой полковникъ не идетъ изъ ума. Ничего путнаго онъ мнѣ не сказалъ, ничего о немъ не знаю, но мнится, что единственный исходъ, который онъ избралъ для

себя самъ — погибнуть отъ камня и палки подъ ногами одичавшей толпы.

На катеръ въ Новороссійскъ. Противъ Туапсе въ зелени водъ трупъ солдата-турка. На фронтахъ все та же — мы забыли — фронтовая обыденность.

Уже нельзя думать, особенно говорить, что для него — его жизнь была моя жизнь. Это знаешь и не пошло — только лицомъ къ лицу съ умирающимъ. Подумать и забыть, развлекшись игрою дельфиновъ — лучше ужъ нагое равнодушіе.

Есть дряблость чувства, есть безразличіе, есть мужественный закаль — правда, результаты во всѣхъ случаяхъ одни и тѣ же.

Июнь. Въ пути.

Есть что-то засасывающее въ предпосылкѣ единства. Вяжетъ она, какъ путы, какъ ненужная ложь. Легче бы думать, что народъ не единый народъ, уйти къ тѣмъ, къ кому лежитъ сердце, и вмѣстѣ добывать золотое руно. И революція, должно быть, не одна, а много ихъ — въ одной. Демократія тоже. И не единствомъ ли обусловлена та смутность цѣлей, о которой всѣ молчатъ и которою всѣ тяготятся?

Крестьянство — ненадежное слагаемое для народовластия. Его не связать ни съ кѣмъ. Властное въ одномъ, безсильное въ другомъ, разламывающееся, какъ весенній ледъ, на слои и льдины, по состоятельности, по общиннымъ или хуторскимъ навыкамъ, по губерніямъ и областямъ, оно некажеть истинный ликъ свой, хотя вправѣ сказать о себѣ Лермонтовскимъ словомъ: «въ груди моей дрожать силы небоязныя».

Между крестьянами и рабочими пропасть, — что же сказать объ остальныхъ!

Клиномъ врѣзаются въ рабочій и крестьянскій материки солдаты, равно чужіе въ страстности своей и одному и другому. Для крестьянъ они по одиночкѣ — любимые сыновья и братья, которымъ время домой, къ сохѣ и коню; скопомъ, громадою солдатскою — они страшная вольница, преступившая обычай отцовъ. Для рабочихъ они — орудіе борьбы за право, таранъ и молотъ. Приказчики, ремесленники, мелкие чиновники, и выше — слой на слой, разрѣзъ на разрѣзъ, разсыпается великое единство прахомъ, и ни словомъ, ни лозунгомъ возвышеннымъ его не собрать.

Каждый разъ, когда въ губерніи что-либо строится на самомъ дѣлѣ — тѣхъ, кто выступаетъ за единство демократического фронта, постигаетъ неудача. Комитетъ общественной безопасности, слегка обновленная губернская администрація, демократическая газета, губернскій крестьянскій съездъ — все либо проплываетъ мимо намѣченныхъ цѣлей, либо — жалко, какъ проросшая въ ямѣ картошка.

Выборы въ сельскіе комитеты возбудили игру самолюбій. За грамоту, правда, никто не принялъся, но безграмотные умники заставляютъ дѣтей читать вслухъ. Перечитывается все — хрестоматіи, учебники географіи, Ветхій и Новый Завѣтъ. И все оказывается неподходящимъ. Есть потребность не просто въ знаніи, а въ цѣлесообразномъ знаніи. Коротко говоря, въ курсѣ исторіи, экономики и государственного права — для чтенія вслухъ безграмотному отцу четырнадцатилѣтнимъ полуграмотнымъ сыномъ.

Ницше — о культурѣ, памятка всѣмъ намъ, глядящимъ въ будущее, но колеблющимся въ выборѣ путей.

Геній культуры поступаетъ такъ, какъ поступалъ Бенвенуто Челлини при отливкѣ Персея. Челлини не хватило металла, форма могла не выполниться. Онъ, не задумываясь, кинуль въ сплавъ все, что попалось подъ руки — тарелки, чаши, монеты и ложки. Такъ и геній культуры пользуется ошибками, пороками, надеждами, образами, порожденными безумiemъ, металлами благородными и неблагородными, ибо вѣдь статуя человѣчества должна быть отлита? Такъ ли ужъ важно, что кое гдѣ пустоты заполнить матеріальне перваго сорта?

Около года тому назадъ старое правительство въ трехдневный срокъ изгнало со всего побережья нѣмцевъ-колонистовъ. Хотя сроки и затянулись значительно дольше трехъ дней, изгнанники съ молотка продали движимость, бросили случайнymъ арендаторамъ поля и огороды, дома же оставили безъ присмотра. Теперь они возвращаются — тѣ, кто остался въ живыхъ. Дома ихъ полуразрушены — унесено все цѣнное, вплоть до гвоздей, винтовъ, оконныхъ рамъ, дверныхъ ручекъ.

Были добрыми сосѣдями, возвратились врагами.

На катерѣ между Криницей и Туапсе. Жаркій, безъ солнца, молочно-туманный день. Катеръ идетъ вдоль берега, рулевой внимательно глядитъ на воду съ высокаго своего мѣста. Рѣзкій поворотъ колеса, крикъ с топъ, взмолнованное лицо рулевого. И снова впередъ, стороною. Въ водѣ, у самой поверхности — красная, съ облупленной краской, мина.

Ихъ приносить изъ Севастополя, изъ Батума, изъ Новороссiйска, изъ Константинополя. Иногда онъ взрываются, об-

рушивая береговой шиферъ. Одна долго лежала на пляжѣ въ Вуланкѣ. Дѣти играли на ней въ пароходы и въ мины, собаки подозрительно обнюхивали ее. Однажды пришелъ катеръ съ матросами. Мину разрядили и увезли.

Сочи. Рядъ роскошныхъ виллъ со слѣпыми окнами. Ихъ превратятъ въ здравницы и школы для больныхъ дѣтей. Это хорошо. Но это — лишь пользованіе существующимъ. Сколько десятилѣтій пройдетъ, пока народъ научится любить просторъ и красоту зданій?

На катерѣ. Группа солдатъ, отпущеныхъ на побывку. Блѣдный со сведенной рукою казакъ. Санитарь, великороссъ, неряха, съ веселыми глазками на кругломъ безусомъ лицѣ. Шинель изорвана, схвачена кое-гдѣ бѣлыми нитками, не замыта кровь. Рядомъ — два аджарца въ коричневыхъ, облегающихъ тѣло бешметахъ. Лица — сухія, глаза полу-занавѣшены строгими вѣками, губы сжаты, ни лишняго слова, ни неэкономнаго движенія. Многое повидали ихъ бешметы, и не такъ, какъ шинель санитара, были они обрызганы кровью. Ткань ихъ повытерлась — но вся подчинена, стянута и чиста. Глазъ старшаго аджарца строго косить — даже не на неряху, а на полу его шинели, на почернѣвшую кровь.

— Что это? — спрашиваетъ аджарецъ требовательно.

Санитарь заулыбался глазами.

— Что это? — дублируя согласныя и акцентируя на «а», требовательно допрашивалъ аджарецъ. — Не надо крови. Не надо рвани. Надо замыть. Надо почистить.

Одинъ — таскаль раненыхъ. Другой самъ убивалъ. И

убивавшій знаєть, що для війни не тотъ законъ, что для мира, что смѣшиватъ ихъ нельзя. Это — культура.

Мирная блокада помѣщиковъ. Ихъ не трогаютъ, но на работы къ нимъ не идутъ. Такъ, вѣроятно, и защитные кровяные шарики трактуютъ занозу или пулью, застрявшую въ тѣлѣ.

Съ марта по іюнь въ жизни губерніи, кромѣ установленія гражданскихъ свободъ и ряда выборныхъ учрежденій, реальныхъ перемѣнъ не произошло. Но духъ губерніи измѣнился неизнаваемо, особенно за послѣднія недѣли.

Работа моя становится внутренно все труднѣе. Отношенія съ крестьянами превосходны. Но время объясненій и высчитыванія старыхъ бѣдъ отошло, а дѣла нѣтъ, и не предвидится.

Необходима власть реально измѣнить бытъ, строиться по своему — въ любыхъ границахъ, то ли губерній, то ли волостей. Только не ждать.

Въ самомъ началѣ революції нѣкоторое количество мѣстной интеллигенції было избрано въ сельскіе комитеты. Въ Д. былъ избранъ художникъ М., въ А. — О., сынъ основательницы Криницы К., въ В. — К., Я. и другой К. Крестьяне хотѣли использовать ихъ знанія, и правильно оцѣнили ихъ, какъ плоть отъ плоти, духъ отъ духа нейтрализующаго крайности временнаго правительства. Но прошли недѣли, и крестьяне стали тяготиться примиренчествомъ и многознайствомъ. Крестьянамъ нужны были дѣла, а не сложныя и умныя объясненія бездѣлья. Комитеты работали на холостомъ ходу, развилась подозрительность, отвратны стали резолюціи, явно было — да и не могло быть иначе — что централь-

ному правительству не до мѣстныхъ дѣлъ. Отъ наивной иллюзіи непосредственного участія въ работѣ центра остались одни горькіе осадки. Такъ же увидали уѣздные и губернскіе комитеты. Тамъ крестьяне въ меньшинствѣ, ихъ оттерли на задворки; лѣчіе рабочіе ушли въ совѣты; купцы, чиновники, адвокаты, учителя и люди земскаго склада растекались въ спорахъ, тревожно оглядываясь на растущую рѣшительность совѣтовъ.

А совѣты въ свою очередь переживаютъ кризисъ, правда, малозамѣтный. Меньшевики и с-р'ы, являвшіеся мостомъ къ комитетамъ, отъ бездѣятельности комитетовъ и слабости правительства теряютъ почву подъ ногами. Идетъ тугое, упорное почкованіе и чѣмъ-то грознымъ вѣтъ отъ его неуклонности. Но оно не мѣшаетъ совѣтамъ жить своею организующею жизнью, подтягивать силы, сплетаться съ союзами, пускать ростки вглубь и вширь и пристально слѣдить за политической ролью комитетовъ и комиссаровъ.

Комиссары стали — исправниками, правда, честными и подчасъ съ университетскими значками. Они заняты сплошь представительствомъ, борьбою съ преступностью, земскими повинностями и выдачею разнаго рода удостовѣреній. Ихъ канцеляріи обратились въ либеральные участки, гдѣ могутъ на бумагѣ развести, похоронить и дать пропускъ въ Турцію, не за подкупъ, а по доброжелательству, или потому, что никто другой этого не сдѣлаетъ.

Въ Сочи я случайно увидѣлъ томикъ стихотвореній В. Брюсова, тотъ томикъ, гдѣ «гунны», гдѣ — «не агора, а общій залъ», отклики на революцію 905 года. Потянулась рука къ стихамъ, вѣдь скоро полгода, какъ заброшена литература.

Крѣпко сдѣланы «Гунны», надолго.

Гдѣ вы, грядущіе гунны,
Что тучей повисли надъ міромъ,
Слышу вашъ топотъ чугунный
По еще не открытымъ Памирамъ.

Только — что въ нихъ? Звуковое заданіе? Соблазнительная ли тема — «а мы, мудрецы и поэты, хранители тайны и вѣры, унесемъ зажженные свѣты въ катакомбы, пустыни, пещеры»? Или это — поэтическое предвидѣніе, возможное у Брюсова, хорошаго — въ литературѣ — исторического діагноста, съ упрощенными и ясными схемами?

Сейчасъ Сидоръ, Иванъ, Илько, Федоръ — вовсе не гунны. Но есть въ нихъ то, отчего бываетъ жутко, — разрушительный геній толпы, которому все равно, которому ничего не жаль. Въ памяти моей сложены эти неподдающіеся передачѣ мгновенія, съ темнымъ блескомъ въ глазахъ, съ слегка опустившимися бровями, — и готовностью къ натиску въ движеніяхъ рукъ и плечь. Разъ — когда ловили вора подъ Новороссійскомъ; воръ былъ изъ амнистированныхъ, а крестьяне рѣзко настроены противъ амнистіи. Два — во время острой бесѣды со священникомъ въ Д. по поводу сиротскихъ пайковъ. И чѣмъ пышнѣ шуршала негнущаяся парадная ряса, тѣмъ больше становилась опасность. Три — когда на хуторскомъ огородѣ нашли зарѣзанную сладострастницомъ дѣвшушку — предполагался виновникомъ дезертиръ. Четыре, пять и шесть — въ бесѣдахъ о землѣ, о власти, о будущемъ, когда неожиданный поворотъ головы, соотвѣтствующій повороту мысли, являлъ гунна въ Сидоръ и Федоръ.

И что будетъ, если онъ придетъ? И кто тогда останется изъ насъ съ ними, съ родными гуннами? Комиссары? Комитетчики? Странствующіе агитаторы?

Народъ, что море: вотъ шутить, а вотъ губить. И безъ разбора. Тогда — всѣ говорящіе о любви, о народной стихіи и о великихъ цѣляхъ отходять отъ него. А вѣдь онъ все-таки — онъ. И въ недугѣ его, можетъ быть, больше, въ

лихорадкъ и бредъ его, можетъ быть, больше, въ преступлениі, неистовствѣ, звѣриномъ нетерпѣніи, въ возвратѣ къ обезьяньему оскалу и волчей повадкѣ его, можетъ быть, больше, чѣмъ въ хилой покорности, чѣмъ въ рабьемъ собачьемъ быту и въ согласномъ покачиваніи головою на всякий извнѣ навязанный законъ, на всякое, комнатными мудрецами составленное, правило.

Въ 1902 году, въ одно изъ первыхъ продолжительныхъ скитаний моихъ, когда я вверхъ по теченію Днѣпра шелъ изъ Крыма на Сѣверъ, почти не удаляясь отъ великой рѣки, ради ея плавней, ради простора, ради отмелей, рыбачьихъ становъ и богатыхъ береговыхъ сель — пришлось какъ-то заночевать у крестьянъ, вблизи имѣнія графа Н-ца. Близился 1905 годъ. Деревня была начинена недовольствомъ и сознаніемъ силы. Она ждала знака — и дикіе слухи изъ края въ край вихрились по приднѣпровскимъ и черноморскимъ степямъ. Вечеромъ въ хату собралось человѣкъ семь — нѣсколько безусыхъ парней, нѣсколько мужиковъ постарше. Если бы творческая городская Россія не была за семью царствами отъ Россіи деревенской — ихъ стать, ихъ вѣра, ихъ готовность къ страданію, сила молодости, сила чистой, не изгаженной войною крестьянской крови, ясность взгляда крестьянина кануна первой революціи, не остались бы незапечатлѣнными въ художествѣ...

Они сказали мнѣ, что готовы встать, что ждутъ только сигнала, что надо жечь помѣщичьи усадьбы и гнать помѣщиковъ, что они рѣшили подняться въ эту ночь и что, чтобы избѣжать убийства, они подбросятъ графу письмо — пусть уѣзжаетъ.

Я зналъ по книгамъ, что такое аграрная революція. Зналъ, что она неизбѣжна и у насъ, и, разъ начнется, неизбѣжно быть и огню и крови. Думалъ ли я о томъ, что еще не время? Думалъ ли о томъ, что не мнѣ давать знакъ, что для этого существуютъ партіи и организаціи, что положеніе въ высшей степени для странствующаго писателя глупое, но что, въ кон-

цѣ концовъ, его не такъ трудно ликвидировать безболѣз-
ненно? По совѣсти, ни о чёмъ изъ перечисленного я не
думалъ. Я лишь всею душою желалъ того, что если суж-
дено быть разгрому, огню и крови — пусть безъ меня. Толь-
ко бы безъ меня. Это не былъ страхъ. Это было — Пи-
латово чувство. Въ тотъ день я понялъ, что не могу быть
дѣйственнымъ революціонеромъ, а останусь наблюдателемъ
и описателемъ.

Мой отвѣтъ крестьянамъ былъ нескладенъ — на тему:
не время. Повѣрили они мнѣ, или поняли другое — не знаю.
Ночь прошла спокойно.

Пилатово чувство, Пилатово умываніе рукъ — типично
интеллигентскій отвѣтъ на гунново, скифское, стихійное на-
чало въ возстающемъ народѣ. Шагъ — вмѣстѣ, два — вмѣ-
стѣ, три — съ колебаніями и вздохами, но коль скоро ри-
нется со всѣхъ ногъ, очертя голову, народъ — мы стоимъ
уже въ сторонѣ, отряхая прахъ, и мѣримъ, и вѣсимъ, и пред-
видимъ. Лошадиная кровь. Лошадиное предвидѣніе.

На утро, еще до зари, я ушелъ изъ графскаго села. Па-
стухъ со свирѣлью, съ бѣльмомъ на глазу, рассказалъ мнѣ,
что подметное письмо помѣщику привязали къ камню и
метнули въ освѣщенное окно столовой. Въ домѣ всполоши-
лись. Долго еще, говорятъ, передвигались огни — отъ окна
къ окну, изъ комнаты въ комнату — видно, не спали всю
ночь.

На шляху меня перегнала коляска. Съ желтымъ лицомъ
отъ неспанной ночи и тревоги стариkъ. Женщина въ гу-
стой вуали. Чемоданы. И — все-таки — огромный, только
что срѣзанный букетъ на передней скамейкѣ.

Во мнѣ же не было ни удовлетворенія, ни покоя. Ибо
тотъ, кто, какъ всѣ мы, близко подошелъ къ стихіи народ-
ной, кто черпалъ изъ нея слово и мысль — тотъ не вправѣ
уходить отъ этой стихіи, когда размахъ ея ему не по силамъ,
а преступленій не можетъ поднять его совѣсть.

Какъ легко говоримъ мы о нихъ: — милые, беспомощные. Какъ легко обѣщаемъ: все для васъ, великаны каменные. Какъ вѣримъ: только бы скорѣе громко и четко дано было міру вѣщее ваше слово. Такъ сказано, такъ будетъ сказано не однажды. Но сдѣлано ли?.. Пилаты, съ рукомойникомъ культуры, у подножья народнаго креста.

... Переходя изъ стана въ станъ, не находя себѣ дома и глядя на то, что происходитъ во мнѣ и вокругъ — я думаю объ одномъ. Только бы не забыть т о тъ стыдъ. Только бы въ ряду неизбѣжныхъ, человѣческихъ измѣнъ, колебаний и ошибокъ, остаться вѣрнымъ въ ту, единственную, самую важную минуту, когда не прощается измѣна. Только бы не отвела отъ нихъ именно въ эту святую минуту — слѣпота ли, эстетика ли, разсѣянность ли, утомлѣніе ли, страхъ ли, одна изъ тѣхъ ничтожныхъ усложненныхъ силъ, которыя ничего не создаютъ на землѣ, но, какъ тина, обволакивають совѣсть и застять свѣтъ именно тогда, когда зоркость всего нужнѣе.

И еще по одному признаку можно думать, что придутъ на насъ родные гунны и, можетъ быть, недалекъ день ихъ прихода. Этотъ признакъ — внѣ политическихъ программъ и рациональныхъ выкладокъ, онъ въ основной противоположности воспріятія жизни общественными верхами и низами.

Тяжесть жизни и радость жизни прикованный къ тачкѣ труда рабочій или крестьянинъ воспринимаетъ, какъ единство. Въ потѣ лица своего будешь Ѣсть хлѣбъ свой; добудешь его, оботрешь потъ, передохнешь — это и есть твоя радость. Трудъ — основа жизни. Его нельзя обойти. Его можно лишь полностью поднять и разрѣшить. Оттого движенія рабочихъ и крестьянъ такъ, на взглядъ празднаго человѣка, материалистичны по заданіямъ. Не свобода, не равенство, не братство, а право, равное для всѣхъ, чаще оти-

рать поть и чаще вкушать отъ хлѣба своего. И лишь дальше — право посунуть на сторону трудъ и узнать праздность съ ея щедрыми дарами для духа. И лишь еще дальше — за горами — беззаботность золотого вѣка, съ его игрою, со свѣтлымъ сномъ и съ гармонизацией праздника и буденъ.

Праздный человѣкъ пытается обойти законъ единства труда и радости — на клочкѣ своего сада, въ стѣнахъ своего дома, тишкомъ, покорствуя судьбѣ, создать поддѣлку золотого вѣка и надышаться прелестью ея до самой смерти. Оттого такъ защищаетъ праздный человѣкъ свои стѣны и садъ, когда суровый законъ единства труда и радости превращаетъ въ пустыню острова случайного счастья.

Такъ ведется испоконъ вѣку. И поэзія и философія пропитаны психологіей обхода жизненныхъ законовъ, декорированія нищеты и трудностей человѣческой жизни. И Симонидъ, и Діогенъ Синопскій, и Аристиппъ, и стоики учили раскидывать сады тѣхъ, кому судьба это позволила. Здоровье, красота, богатство, веселость — веселость, которая дотянулась и до насъ, и которая на нашихъ глазахъ безсильно никнетъ оттого, что въ современныхъ людяхъ пошатнулось сознаніе права на нее. Веселость не веселить больше. Врагъ у порога.

Июль... Августъ... Сентябрь...
с. Архипо-Осиповка.

Записей почти нѣть. Работа брошена. Досугъ, пляжъ, книги. И столичныя газеты. Ихъ очень много — груды. Въ нихъ нахожу я разгадку того, отчего здѣсь ничего не удалось.

Мартъ только началъ. И теперь все вокругъ поплыло и двинулось. Почва, подпочва, нѣдра. Скорости различны, не одинакова глубина, не совпадаютъ углы.

Въ началѣ здѣсь, въ губерніи, появились люди, по-тому группы, но силами они до сихъ поръ не стали. Группы боятся преждевременно опредѣлиться, какъ бы не проиграть.

Я думалъ, что вношу долю ясности въ окружающую среду. На дѣлѣ же внесъ свою лепту неопределенноти — особенно потому, что не хотѣлъ плыть ни съ почвой, ни съ подпочвой, ни съ нѣдрами. Жесткій шестъ, вбитый въ землю, и самъ не плыветъ и движеню мѣшаетъ.

Пока черноморская трясина цвѣтеть всѣми оттѣнками трясинной зелени и пускаетъ пузыри, тамъ, въ Россіи, прошло многое.

Май и іюнь ушли на уничтоженіе вліянія буржуазныхъ группъ. Прошли Всероссійскій крестьянскій съѣздъ и съѣздъ партіи с.-р. Партия раскололась. По всей странѣ проросла, какъ второй ея скелетъ, совѣтская организація. Фабричные комитеты. Земельные комитеты. Требованіе самостоятельности Финляндіей и Україной. Палъ либеральный кабинетъ, вліяніе Совѣта родило коалицію. Пало вліяніе умѣреныхъ соціалистическихъ партій — послѣ побѣдного для нихъ первого Всероссійскаго съѣзда совѣтовъ. Одни грозили учредительнымъ собраніемъ врагамъ, другіе, прославляя, добивались его отсрочки. 10-го іюня предполагалась демонстрація рабочихъ, направленная и противъ правительства и противъ съѣзда, но была отмѣнена. Началось и кончилось катастрофою наступленіе 18 іюня. На Всеукраинскомъ съѣздѣ 12 іюня отдѣлилась Украина. 3, 4 и 5-го іюля было возстаніе большевиковъ. Диктатура Керенскаго, совѣщанія — и бастующіе противъ нихъ рабочіе, возстаніе Корнилова и снова совѣщанія, совѣщанія. Значитъ, и тутъ, въ большомъ котлѣ, пока, какъ и въ нашемъ маломъ, были только люди и группы, но не силы . . . . .

Октябрь. Криница—Петербургъ.

Во второй половинѣ октября пришла телеграмма отъ Е. П. Меня звали въ Петербургъ. 25-го октября я былъ уже въ пути.

Длинный — длинный поѣздъ медленно грузился людьми, мѣшками и чемоданами. Срокъ отхода давно протекъ — свистка не было. Таборъ солдатъ, переселенцевъ — куда? — женщинъ и дѣтей на перронѣ. Черныя лица ушедшихъ съ фронта. Провели очередного сумасшедшаго. У водокачки второй таборъ, поменьше; солдатъ съ безсмысленными отъ бредовой тоски глазами — видимо, въ жару. Садятся на крыши. Кое-гдѣ красныя розетки въ петлицахъ Ѹдущихъ куда-то членовъ мѣстнаго комитета. Однако, особыхъ почестей имъ никто не оказываетъ. Щали, какъ всѣ.

Когда поѣздъ тронулся, онъ очень мало походилъ на поѣздъ старыхъ временъ. Облѣпленный людьми, шинелями, мѣшками, развѣвающійся тряпьемъ — онъ несъ съ собою незаконченность формъ и пестроту, которыя свойственны массовымъ переселеніямъ и совсѣмъ не свойственны

поѣзду. Люди не ѿхали, какъ бывало, а переселялись. Духъ кочевья и необеспеченности воцарилсѧ на периферіи культуры.

Въ Ростовѣ пассажиры штурмовали газетный кіоскъ. По взволнованнѣмъ лицамъ офицеровъ видно было, что вѣсти тревожныя.

Сосѣдъ мой, военный чиновникъ, ѿхавшій къ мѣсту службы въ Финляндію, тихонько собралъ свои вещи и исчезъ. Вообще въ вагонахъ стало просторнѣе. Прекратились дорожные разговоры. Населеніе разбилось на кружки. Въ кружкахъ шептались.

Въ вагонѣ первого класса ѿхалъ нѣкто въ генеральскихъ погонахъ. На полупути до Москвы—погонъ не стало, появился сѣрый, просторный костюмъ. На узловыхъ станціяхъ группы военныхъ уходили на телеграфъ, и возвращались угрюмые.

Въ Тулѣ поѣздъ стоялъ очень долго. Опустѣла половина вагоновъ.

— Въ Москвѣ бои.

— Петроградъ взятъ обратно Керенскимъ.

— И большевиковъ к... и Керенскаго туда же — выругался кто-то. И всѣ, словно по командѣ, стали бранить диктатора. Такъ бранять вчерашнюю власть, павшихъ неудачниковъ или обманувшихъ довѣріе банкировъ. Брали за наступленіе, за рѣчи, за слабость, за соціализмъ. Керенскому противопоставляли — Корнилова. Единодушно. Этотъ вагонный споръ научилъ меня большему, чѣмъ всѣ черноморскія неудачи.

Въ Москву прїѣхали днемъ. Перронъ былъ пустъ. Внутрь вокзала не пускали. Три раза ударила пушка, глухо слышна была рѣдкая ружейная пальба. Я подумалъ о Л. Шестовѣ, о Вячеславѣ Ивановѣ. Гдѣ-то они тамъ, о чѣмъ думаютъ? «А мы, мудрецы и поэты, хранители тайны и вѣры, унесемъ зажженные свѣты въ катакомбы». Катакомбъ нѣтъ въ Москвѣ, и современные люди разучились въ дѣй-

ствительности уходить куда бы то ни было — біографії этихъ двухъ — мудреца и поэта, вѣрная тому порука.

Долго никто не зналъ, пойдетъ ли дальше поѣздъ. Хотя внутрь вокзала никого не пускали, пассажиры какъ-то раз-сосались. На весь вагонъ нась осталось четверо: старень-кій, какъ грибъ, высохшій ветеринаръ въ военчой николаев-ской шинели, которая его, видимо, стѣсняла; очень высокій ростомъ священникъ, тоже аскетического вида, но опрятно одѣтъ; артельщикъ какого-то завода съ крупными деньгами — онъ спаль и ѳлъ на объемистомъ потертомъ портфелѣ.

Поѣздъ отплылъ дальше безъ звонка и свистковъ такъ же незамѣтно, какъ подошель къ московскому перрону. Кон-дуктора не появлялись. Вагонную тьму разсѣивали два огар-ка; одинъ скоро расплылся жирнымъ пятномъ и погасъ — уваживъ глубокій сонъ своего хозяина, артельщика. Глу-боко втянутыя щеки, запавшіе глаза, молчаніе, бороды и ростъ двухъ другихъ спутниковъ странно сближали ихъ. На платформахъ встрѣчныхъ станцій волновались толпы лю-дей, но въ поѣздѣ не садился никто. Москва и Петербургъ казались имъ — Содомомъ и Гоморрой, мы же — выходцами съ того свѣта, стремящимися обратно въ сумракъ.

Поѣздъ шелъ быстро и безъ задержекъ. Ветеринаръ не выдержалъ, скинуль шинель и заметался въ узкомъ про-ходѣ. Онъ повторялъ одну только фразу, то жалобно, то печально — гордо, то вдумчиво, то совсѣмъ уже плаксиво:

— Вѣрою и правдою служилъ. Служилъ вѣрою и прав-дою. И больше ничего. Вотъ, служилъ — и больше ничего. Вѣрою и правдою.

Я вспомнилъ отравленного газами слѣпого полковника въ Джубгѣ... Вотъ и второй отравленъ смертельно.

Священникъ поднялся съ мѣста и молча вышелъ на пло-щадку вагона. Я за нимъ.

— Тоскуеть, — сказалъ онъ будто не ко мнѣ.
Помолчали.

— Хотя бы шинель догадался въ окно выкинуть. Небось, поскупится. Есть у него старенькое пальтишко, я видѣлъ... что же подѣлаешь, тоскуетъ.

— А вы, батюшка? спросилъ я его — хотѣлось услышать, что онъ скажеть.

— А вы? — рѣзко и насмѣшливо, тоже въ упоръ переспросилъ онъ меня. Этотъ вопросъ былъ какъ толчекъ. Впервые за эти дни я подумалъ о себѣ. Въ душѣ не было ничего, — ни радости, ни тревоги, ни ожиданія. Наканунѣ новыхъ скитаній стояла душа, и не хотѣла участвовать въ выборѣ.

Я сказалъ ему, какъ думалъ. Онъ заговорилъ о себѣ.

Онъ не пророчествовалъ, онъ былъ очень уменъ и не цитировалъ ни отцовъ церкви, ни писанія. Но вольная и безгранная тоска была въ его судьбѣ, какая-то кометная, гаснущая въ пустотахъ, свѣтоносная тоска.

Онъ похоронилъ жену и ребенка, и считалъ, что убилъ ихъ, ибо былъ къ нимъ не ласковъ. Собрался въ монастырь, но тайно отъ всѣхъ полюбилъ снова; не нарушая приготовленій къ монастырю, сталъ мужемъ и опять отцомъ — и еще разъ похоронилъ. По опыту первой своей жизни, по чувству вины за неявность второй своей любви — берегъ ее, но не сберегъ, гдѣ-то погрѣшилъ, усталъ, разсѣялся, не доглядѣлъ, и во второй разъ счелъ себя убийцей. Монастырь ему сталъ ненуженъ. И его прежнее, христіансское спасеніе тоже. Не стало для него въ мірѣ подвига. Не было искупленія. Не было горя. Не было мученій совѣсти. Была толькотоска. Во внѣшнемъ мірѣ онъ замѣчалъ только тоску. Но замѣчалъ ее такъ — какъ зрячій видить дома, солнце, людей — въ глубочайшихъ извилинахъ нѣдръ человѣческихъ, какъ будто онъ были на поверхности. Онъ Ѳхалъ — смотрѣть. И въ будущемъ видѣлъ тоски больше, чѣмъ ея было въ прошломъ. Единственное, что было яркаго въ его рѣчи, это слова:

— По землѣ тоскуетъ зрѣлое яблоко на вѣткѣ. И мы всѣ зрѣемъ, и тоскуемъ.

Такъ тихо и увѣренно стало отъ его рѣчей. Христіанинъ сказалъ бы: да исполнится воля Твоя. Я подумалъ — по Ницше процитировалъ: *amor fati*. Не все ли равно, какими словами? Мы всѣ зрѣемъ и тоскуемъ по землѣ на нашихъ вѣткахъ.

Я не люблю священниковъ. Вообще не люблю людей, специализировавшихся на духовности, какъ на ремеслѣ. Въ томъ числѣ и писателей. Но этого священника я не хотѣль бы забыть.

Постояли въ Любани. Ветеринаръ спалъ, и еще дальше втянулись его пергаментныя щеки. Николаевской шинели въ вагонѣ не было. Съ колѣнъ старика сползalo порыжѣвшее лѣтнее пальто. Артельщикъ храпѣлъ, какъ въ собственной постели. Едва свѣтало, когда мы стали у Николаевскаго вокзала.

Ноябрь. Петербургъ.

Милый городъ тотъ же. Но люди не тѣ. Веселости нѣтъ. Врагъ у порога? Да, тремъ среднимъ этажамъ новая власть — врагъ. Она нужна — подваламъ и верхнимъ. По улицамъ же ходятъ, главнымъ образомъ, жители этихъ трехъ этажей.

По вечерамъ пальба. Сначала жутко, потомъ привыкаешь.

Одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ Е. П. былъ:

— За кого же голосовать?

Какъ всегда — полуулыбка. Отвѣтъ вопросомъ же:

— Я не знаю, кого ты хочешь видѣть въ Учредительному собрани?.. Я бы хотѣла тамъ видѣть только двоихъ: торгово-промышленную партію и большевиковъ.

На улицѣ. Отрывокъ чужой бесѣды:

— ... Гражданская война...

— Гдѣ гражданская война? — недоумѣнно спрашивалъ я спутника.

Спутникъ пожимаетъ плечами.

— Слышишь — стрѣляютъ?

Солдаты громятъ винный погребъ. Другіе солдаты лѣниво обстрѣливаютъ ихъ изъ пулемета. Пули не попадаютъ въ погребъ, но летятъ отъ Пяти угловъ вдоль трехъ улицъ изъ пяти.

Я останавливаюсь и виновато гляжу на Е. П.

— Можетъ быть, лучше обойти?

— Не надо. Пойдешь въ обходъ, тамъ и убьютъ. Еще въ февралѣ люди замѣтили, что такъ бываетъ.

Страха стало меньше на землѣ. Ужаса больше — отъ внезапно налетѣвшихъ трагическихъ ситуаций, когда и по закону и на самомъ дѣлѣ человѣку суждено пережить ужасъ.

У Фонтанки. Разставлены подновленныя калоши, ботинки, туфли. Торгъ. Обманутая баба грохно кричитъ:

— Двадцать два рубля за старыя калоши! Въ воду его, жулика...

Продавецъ скрывается.

Вора уже не водятъ, какъ водили раньше, съ доской на груди по улицамъ. Все чаще случаи самосуда.

Несхожія въ сущности событія въ личномъ планѣ до извѣстной степени покрываютъ другъ друга. Война и революція по сущности чужды другъ другу. Но работникамъ и той и другой близка смерть. Близко и чувство сужденного. А значитъ и то, что связано съ судьбою и смертью: хмель и самопреодоленіе. Плоть то легка, теряетъ вѣсъ и плотность, то тяготѣетъ къ покою, и только бичи могутъ ее поднять на прежнюю высоту.

Рабъ въ военной игрѣ, солдатъ, знающій только тяжесть плоти, свободно подымаетъ голову на баррикадѣ. Распорядитель военной игры становится пушечнымъ мясомъ, потому что ему чуждъ смыслъ баррикады. У войны, у прежней подневольной войны, рабъ — весь народъ. Путь его былъ годы и годы путемъ подчиненія безсмыслицѣ, путемъ преодолѣнія ради непонятныхъ цѣлей любви къ волѣ, къ дому, къ покою, къ труду, къ чистотѣ. Безцѣльное преодолѣніе. Вѣдь самыя счастливыя войны ничего не давали народу, но многое брали у него.

У революції мало рабовъ, зато враговъ — безъ числа.

Революції творятся меньшинствомъ, къ этому пора привыкнуть. Враги революції дѣйственны, они никогда — не пушечное мясо. Но еще больше равнодушныхъ и медлителей. Однако, имъ не приходится долго быть въ нѣтяхъ. Одни изъ нихъ отходятъ къ врагамъ, другіе приспособляются, тѣ же, кому было такъ тепло и бездумно въ старомъ домѣ, либо вымираютъ, либо, какъ народъ на войнѣ, преодолѣваютъ себя.

Разныхъ степеней и разной полноты бывають преодолѣнія. Одинъ едва-едва подчинитъ себѣ косное, только бы не отстать и не скатиться, перебѣгая черезъ поле, въ ровъ къ мертвѣцамъ. Другой, какъ бы и во имя чего бы онъ ни начиналъ, вдругъ увидитъ и уже не оторвется. И быстро уходитъ отъ прошлаго себя, въ поискахъ новаго рожденія.

Я не вѣрю, чтобы новое рожденіе удавалось. Какъ ро-

дятся смѣлыми, музыкантами или Колумбами, такъ же рождаются и для революцій. И хмель революцій не можетъ быть постигнутъ трудомъ. Но отвращеніе къ нимъ иногда смыкается яснымъ признаніемъ.

Я говорю не о всѣхъ. И не о творящемъ революціи народѣ. Я говорю о медлительной, малосовѣтной, любящей тепло привычныхъ креселъ интеллигенціи.

И у войны, и у революціи ограниченъ кругъ родственныхъ явлений, если считать внизъ, къ жизни буденъ, и если считать вверхъ, къ міровой жизни. Только темная по исторіи переселенія, расцвѣты да вымиранія народовъ стоять въ одномъ ряду съ ними. Тутъ — граница человѣческаго. Оттого беречь себя или свое — или глупо, или жалко, или чудовищно. Это такъ ясно. Но, конечно, какъ и во времена мира, всѣ берегутъ себя и свое.

Какъ революція, такъ и война даютъ человѣку поводъ сочетать своеволіе съ величайшою дисциплиною. Жестоко своеволіе, но жестока и дисциплина. И вождь и рядовой одинаково въ свой часъ отходять къ чертѣ, за которой нѣтъ безформенного и случайного. Страсть; расчетъ; покорность самымъ темнымъ силамъ своего подполья; высота полета; отвлеченѣйший педантизмъ въ анализѣ безчисленныхъ, перебивающихъ другъ друга ритмовъ дѣйствительной жизни; вновь гипертрофія одной страсти, одного ритма, именно того, чудеснымъ и роковымъ образомъ, который нуженъ исторіи, массамъ, ихъ завтрашнему дню — легкое сочетаніе несочетаемаго, страсти и необходимости, которыми потомъ вѣками удивляется историкъ.

Кто дѣлаетъ это? На историческихъ проспектахъ революцій есть всегда пустыя поля, пробѣлы и непроницаемо-черные пятна. Никто не дѣлаетъ. И все-таки: ведеть вождь; создаетъ конспирація; отливаетъ формы, застывая тяжелымъ оловомъ, масса; подымаютъ условія и законы бытія этихъ массъ — но за условіями стоитъ характеръ, тяга

къ одному и отрицаніе другого; характеръ же куетъ ихъ разумный толкователь — да и толкователь ли только — вождь.

Такъ сложно, что хочется отстранить частности и довѣрчиво сказать: судьба.

Декабрь. Петербургъ.

Историкъ съ удивленіемъ укажетъ на то напряженное ожиданіе міровой катастрофы, которымъ больны мы всѣ.

По началу я предполагалъ, что это ожиданіе внушено мас-самъ вождями, крайняя опора которыхъ — міровая революція. Приглядѣвшись, стала думать иначе. Не отдельнымъ людямъ или группамъ, но всей равнинѣ русской, лѣсамъ ея и горамъ окраиннымъ принадлежитъ эта мысль.

Не — югу. Югъ — практиченъ, мелко-буржуазенъ. Съ-веръ, центръ и востокъ. Югъ надломленъ, какъ и убогій съ-веро-западъ, наряднымъ и оглядчивымъ скепсисомъ западныхъ вліяній, отравленъ копотливыми гнѣздами и цѣпкой борьбой за существованіе черты осѣдлости. Въ памяти слава-щавость архитектуры кievскихъ монастырей. Переходы кievскихъ пещеръ, съ ихъ мощами, заточниками и мироточивыми главами, поразительно-позитивистичны. Элегант-ные яды польщизны. Грубая почвенность нѣмецкихъ и гол-ландскихъ колоній, созданныхъ нарочно, чтобы поучать. Живое сердце страны бьется на съверъ, въ центръ и на во-стокъ.

Не хочется по наслышкѣ пересказывать конкретные случаи ожиданія міровой катастрофы. О нихъ много знаютъ московскіе религіозные кружки, группирующіеся около Н. А. Бердяева и Е. К. Герцыкъ. Московскія чайныя, извозчики трактиры, часовни съ ночными богослуженіями слышать то, что не звучало съ петровскихъ временъ, что, казалось, замерло въ скитахъ и на Керженцѣ.

Катастрофа мыслится раньше всего, какъ гибель христіанства. Потомъ — какъ полнота искушеній. Потомъ — какъ предѣль физическихъ испытаній и бѣдъ. Міровое — не всегда отчетливо. Быть можетъ, міръ — міръ; быть можетъ, міръ — Россія.

Ожиданіе катастрофы многообразно, и въ каждомъ словѣ — изъ своихъ источниковъ. Друзья октябрьского переворота ссылаются на это ожиданіе, враги его — тоже.

«Міровое хозяйство» не всегда было исторически признаннымъ фактомъ. Когда-то оно было и дѣей. То же и — міровая революція. Павелъ Оразій въ свое время не удосужился до конца додумать свою мысль.

Какъ обороняется человѣкъ отъ того, что мѣшаетъ ему творить необходимое?

Давно когда-то я сидѣлъ въ пріемной одной изъ отвратительнейшихъ провинціальныхъ тюремъ — кіевской Лукьяновки. Въ соседней комнатѣ извѣстный грубостью и истя заніями начальникъ тюрьмы Смирновъ дѣлился служебными своими впечатлѣніями съ сановнымъ посѣтителемъ. Выходило, что тюрьма, не тюрьма, а ферма. Доходу отъ огородовъ столько-то. Отъ парниковъ — столько-то. Хлѣбныхъ корокъ остается недобѣденныхъ въ мѣсяцъ столько-

то пудовъ. Эти пуды даютъ возможность откормить столько-то свиней, приносящихъ опять-таки столько-то доходу.

Позже, во время войны, пришлось читать письма и слушать рассказы о фронтѣ извѣстнаго теософа и вегетаріанца Е. М. К. Онъ повѣдалъ мнѣ, какъ, попадая въ рѣку, бываютъ гранаты рыбы; сколько грибовъ собираль вѣстовой въ предгорьяхъ Карпатъ; какія превосходныя библіотеки разграблены австрійскими офицерами и какъ въ нихъ мало уваженія къ старинѣ — о сраженіяхъ и безсонныхъ ночныхъ я отъ него не услыхалъ ни слова. И не мѣшалъ ему: ибо онъ быль въ кратковременномъ отпуску и снова уходилъ въ походъ.

Участники и инициаторы неудачнаго наступленія 18-го іюня никогда, и не по злой волѣ, не упоминали о томъ моральномъ и физическомъ насилии, цѣною которого они добились послѣдней нашей военной катастрофы. Говорили о психологическихъ экспериментахъ Гронского, о гипнотизирующихъ мѣрахъ, о вооруженномъ армейскомъ тылѣ, но въ историческихъ документахъ сохранится, главнымъ образомъ, приказъ Керенского по арміи и флоту отъ 16-го іюня, въ которомъ говорится: «Демократія русская обратилась ко всѣмъ воюющимъ державамъ съ призывомъ прекратить войну... однако, въ отвѣтъ на призывъ къ братству противникъ позвалъ насъ къ измѣнѣ. Австро-германцы предложили Россіи сепаратный миръ; нынѣ, убѣдившись, что Россія не дастъ себя обмануть, противникъ угрожаетъ намъ и уже стягиваетъ силы на нашъ фронтъ».

А теперь пора сказать и о насъ. И сказать правду. Мы не помнимъ того, что гдѣ-то идутъ бои, и не свободнымъ волеизъявленіемъ всѣхъ и каждого произведена смѣна власти. Мы какъ-то извѣрились и отошли за минувшіе девять мѣсяцевъ отъ мысли о свободномъ волеизъявленіи всѣхъ и каждого. Теперь предъ нами уже не группы, ожидающія времени для самоопределѣнія, передъ нами силы, и онъ — въ работѣ, онъ несуть въ даль, какъ волна ладью.

Если гдѣ-либо совершается неправда, зло, насилие, мы внутренно не можемъ отнести ихъ на счетъ того, что руководитъ нами.

Зло и насилие — это больно. И тяжело и стыдно глядѣть въ глаза тому, кому зло и насилие причинены. Но они не отъ движенія и, во всякомъ случаѣ, наперекоръ направлению движенія; они гдѣ-то рядомъ, на пути, глубоко — зарытые въ объективномъ порядкѣ вещей, въ механическихъ законахъ общественности.

Познакомился у Иванова-Разумника съ С. Есенинымъ и А. Ганинымъ. Поэты. Оба молодые.

Въ Есенинѣ сочетаніе озорства съ большою утонченностью. Иногда — почти декадентно. Есть строки нелѣпья, есть строки приближающіяся по спокойной силѣ къ классикамъ. Ивановъ-Разумникъ балуетъ Есенина, не напортилъ бы.

Хорошо читаетъ Есенинъ, поетъ, сжавъ брови, опустивъ долу глаза. Тогда — совсѣмъ мальчикъ. Онъ — крестьянинъ. И поетъ, какъ вѣтеръ, тонко, слегка однообразно, стихійно. Вкусъ къ миѳу. Это сильно — въ революціонной поэзіи; и — правильно.

Революція для молодыхъ — другое, чѣмъ для нась. Они не видятъ ранящихъ частностей, и легче отдаются стихіи. Встряхнуть кудрями и затянутъ. А лысымъ чѣмъ встряхнуть! Не тотъ подходъ, не та поступь.

Изоляція партій переворота. Бастуютъ учителя, чиновники правительственныхъ учрежденій, руководители и сотрудники продовольственныхъ организаций. Слѣва говорять о саботажѣ. Справа о разрушеніи государства и о ги-

бели культурныхъ цѣнностей: остановка школъ, взрывы въ Кремлѣ, уходъ отъ государственной работы умѣренно-соціалистическихъ партій, брестскіе переговоры.

Культура — не вещи. Иначе, чѣмъ вчера, произнесенное слово властъ уже есть новая культура.

Говорять, — декламація, каковы-то будутъ дѣла! Декламаціи не надо стыдиться, — если она даетъ силу по новому взглянуть на вещи. Труднѣе всего — взглянуть. Дѣла приложатся.

Вчерашняя культура — отъ цѣпей, и сама она — цѣпь. Молчаніе — привычка къ цѣпи. Шагъ къ свободѣ — слово. И, конечно, не хоръ. Какъ птичій гомонъ въ лѣсу, громка, нестройна и чудесна рѣчь народная въ пору революціи. Но кто внимательно слушалъ весенний лѣсъ, тотъ знаетъ: есть угроза въ птичьемъ гомонѣ, та сила напора, тотъ раскатъ и то излишество, которые предрекаютъ бѣду.

Народу, крестьянству и рабочимъ, по пути къ новой культурѣ не многимъ приходится поступаться. Они не вытвѣрдили и старой, она была для нихъ урокомъ, а не цѣнностью. Свободное пробужденіе и первое слово утра. Я спалъ и, вотъ, пробудился. Вотъ моя жизнь, вотъ моя воля, вотъ мое слово — мое утро. Это и есть рожденіе новой культуры. И потому она всегда до сихъ поръ національна.

Интеллигенція пережила свое утро, когда еще не была интеллигенцией. Она — отъ полдня и вечера исторического дня, она — внѣ исторіи творящей. Ея революціонный искусъ — самопреодоленіе. То, котораго такъ много было въ Тютчевѣ, когда онъ написалъ: «Блаженъ, кто призванъ быль въ сей міръ въ его минуты роковыя». Ибо не клясть и не славить надо, а быть собесѣдникомъ на пиру боговъ — спокойнымъ и терпѣливымъ. Ее же пугаетъ утренній, небывалый громъ, фебовы кони для нея — чудовищны, роса — холодна, даль — пустынна. Для всей интеллигенції? Да, для всей. Исключеній немного: люди большой совѣсти, отрекшіеся отъ себя, люди большой тоски; люди страстей тревожныхъ и упорныхъ, бродяги, распятые, властные, провидцы — для нихъ пустота, разрушеніе, вѣра въ смыслъ, искушенія; для честолюбцевъ — страсть народная къ поклоненію; для любителей созиданія — декадансъ революціи, когда вновь надо думать о цѣпи, о домѣ, о культурѣ,— о, сколь мало, въ концѣ концовъ, отличной отъ той, которая была разрушена и теперь снова вплетается въ созиданіе послѣдующаго времени.

Этотъ послѣдній моментъ — моментъ возстановленія правъ для всей интеллигенціи. И надо помнить: начало примиреній есть конецъ половодья и воли. Строять — и будутъ строить. И снова кто-нибудь да воздвигнетъ мельницы, будетъ молоть народную плоть и сушить народный духъ — и такъ до послѣдней побѣды.

Канунъ возстановленія правъ созидающей интеллигенціи, судя по исторіи другихъ странъ — наиболѣе кровопролитенъ. Терроръ — месть народа за прошлое, но и за будущее. Терроръ — врагамъ народа, но, одновременно, подпольно, — и узда самому народу. Хотя бы ради него самого, но — узда. Подъ скрипъ и глухіе удары гильотины, увлеченный безудержемъ и разсѣянный, бываетъ онъ взнузданъ и долженъ идти за вождями, и самъ уже не знаетъ, худо это или хорошо? Часъ великой отвѣтственности для всѣхъ, кто

ради предвидѣнія или ради страстей своихъ связалъ свою судьбу съ народною судьбою.

Когда рабочій уходитъ отъ станка, крестьянинъ отъ плуга, и ходить коса не въ полѣ, а топоръ не на корняхъ — интеллигентъ долженъ быть у своей работы, какъ каторжникъ. Никакихъ перемѣнъ. Пусть работа впустую — надо ждать, позовутъ. Лучше трудъ слуги, чѣмъ лишенному чутъя затеряться, пропасть или предать. Праздные люди — всегда предатели. Если не по волѣ, то по судьбѣ.

1 9 1 8

Январь. Петербургъ.

Вечеромъ — въ Царскомъ Селѣ у Иванова-Разумника. Спокойно, вобравъ въ себя что-то отъ «островитянъ», разсказываетъ объ Англіи Е. И. Замятинъ. О. Д. Форшъ-Терекъ нѣтъ-нѣтъ да зальется захлебывающимся смѣхомъ: любить деталь, анекдотъ, qui pro quo, и культивируетъ ихъ. Мыслить Терекъ плохо, по-бабы, но превосходно лѣпитъ образы; духовное же зрѣніе у нея перемежающееся: то увидѣть очень далеко, то спотыкнется на соломинкѣ. Есенинъ, богатый талантомъ, почти мальчикъ, играетъ стихомъ, играетъ рѣзкостью утвержденій. Застьнчиво и скучно, точно карты, раскладываетъ нарядныя свои мысли Е. П. Вечерами у Иванова-Разумника литература не только подается, она творится — особенно долгими ночами, когда одинъ изъ гостей остается съ глазу на глазъ съ хозяиномъ.

Ивановъ-Разумникъ разсказываетъ объ отступленіи Керенского, о ядрахъ, о смерти царскосельского священника, о небатальнойности гражданскихъ батальныхъ картинъ.

Е. И. Замятинъ въ оппозиції. Ивановъ-Разумникъ исповѣдуетъ перманентный революціонизмъ, вѣчную смѣну паденій и подъемовъ народной волны. Терекъ примѣряетъ современность къ множеству своихъ божковъ — морали, вѣрѣ, вкусу, антропософіи и т. д. — никакъ совмѣстить ихъ не можетъ.

Почти вся литература осталась по ту сторону октябрьской границы. Перешли ее: А. А. Блокъ, К. А. Эрбергъ, Ивановъ-Разумникъ, О. Д. Форшъ-Терекъ, С. Есенинъ, видимо, А. Чапыгинъ. Говорять и обѣ А. Бѣломъ. Перешли не на основаніи точно обозначенныхъ платформъ, а каждый по своему, ради чего то своего; писатели эгоистичны по преимуществу.

А. А. Блокъ пошелъ за стихіей. О немъ говорятъ — с горѣлъ.

К. А. Эрбергъ, всю жизнь свою строившій строгія схемы достижения абсолютной свободы, пошелъ — на схему прославившей ему въ октябрѣ свободы и, что бы ни было впереди, не отступить. Въ немъ есть та нѣжная и твердая вѣрность сѣверянина — скандинава, которую въ Россіи и въ романскихъ странахъ смѣшиваютъ съ принципіальностью.

Въ Ивановъ-Разумникѣ, надъ его народничествомъ, сильнѣе всего отвращеніе къ позитивнымъ формамъ общественности, и онъ останется здѣсь, въ октябрѣ, пока октябрь не перестанетъ быть Маріей. Еще въ эпоху «Завѣтovъ» избралъ Ивановъ-Разумникъ псевдонимомъ — скиѳъ. Съ тѣхъ поръ этотъ тонъ въ его писаніяхъ окрѣпъ и покрылъ другіе тона. «Мы — гипербореи — любовно цитируетъ онъ Ницше — мы достаточно хорошо знаемъ, какъ далеко въ сторонѣ мы живемъ отъ другихъ. «Ни по землѣ, ни по водѣ ты не найдешь пути къ гипербoreямъ» — такъ понималъ нась еще

Пиндаръ. По ту сторону съвера, льда, смерти наша жизнъ, наше счастье».

Это не только лирика. Я знаю твердо, что скиество Иванова-Разумника прорастет и дастъ жатву. Ибо скиество это направлено не внутрь, не тѣ или другія настроения и я культтивируетъ, а направлено противъ европейской культуры и мѣтко бьеть въ наиболѣе подлымъ ея мѣста. Ивановъ-Разумникъ уже почти одинокъ, ибо ни одна форма политического революціонизма, включая сюда и традиціонное народничество, не въ силахъ выдержать такой непримиримости и ненависти ко лжи Запада. «Не эллинъ противостоять скию, — писаль Ивановъ-Разумникъ въ прошломъ году — а мѣщанинъ всесвѣтный, интернациональный, вѣчный. Въ подлинномъ эллинѣ всегда есть святое безуміе скию, и въ стремительномъ скию есть свѣтлый и ясный умъ эллина. Мѣщанинъ же рядится въ одежды эллина, чтобы бороться со скиемъ, но презираетъ обоихъ. Слово его не совпадаетъ съ дѣломъ, мораль личная не совпадаетъ съ моралью партийной, общественной, государственной, но за то «дѣяніе» для него самоцѣнно и совпадаетъ съ «личностью». Это онъ, безкрылый и сѣрый, поклоняется духу компромисса. Это онъ, трезвый и плоскій, замѣняетъ непонятную ему истину: «въ началѣ бѣ слово», — другой, понятной и простой: «im Anfang war die Tat». Это онъ, всесвѣтный мѣщанинъ, погубилъ міровое христіанство моралью, это онъ губить теперь міровой соціализмъ, покоряя его духу компромисса, это онъ губить искусство — въ эстетствѣ, науку — въ схоластикѣ, жизнь — въ прозябаніи, революцію — въ мелкомъ реформаторствѣ».

Нашъ безконечный споръ съ Ивановымъ-Разумникомъ — о Маріи и о Марѣ. Марійность — пытается построить онъ слово и любуется имъ. Мнѣ же оно чуждо. Я думаю, что косность въ человѣкѣ и въ общественности никогда не будетъ преодолѣна. Косность — это пристань, къ которой прибѣгаютъ усталые, чтобы здѣсь умереть, средніе;

ибо они боятся открытаго моря, слабые, оттого что имъ по силамъ только береговой сонь. Но отъ той же пристани уходятъ корабли въ кругосвѣтное плаванье, и прежде, чѣмъ взяться за весла, надо мощно оттолкнуться отъ земли, преодолѣвая теченіе. Это не образы. Такъ есть. И юность, и зрѣлость, и старость — въ личномъ, и гражданскій миръ и революція — въ общественномъ, должны заплатить свою дань землѣ и Мареѣ — и платить ее до отвращенія, ибо, не отвратившись, возвратятся къ берегамъ съ полупути. И еще — есть въ человѣческихъ рукахъ неизбѣжная потребность — строить. На скалѣ, на пескѣ, на водѣ — по волѣ сознанія складывать материалъ. Изъ темныхъ нѣдръ земныхъ извлечь слѣпую глину, очистить ее, обжечь, придавъ форму, приложить кирпичъ къ кирпичу извести по плану зданіе. Хотя бы на часъ — и твердо зная, что на часъ, а не на вѣкъ. И даже не любя то, что будетъ возведено, и лишь — удовлетворяя внутреннюю свою потребу. И никогда не забывая объ иномъ. Ни о чёмъ не забывая — это главное...

О. Д. Форшъ по сю сторону октябрской границы потому, что въ ней много страстей и потому, что мы здѣсь, а намъ она вѣритъ. Въ ней есть и страсть старой барыни къ уюту помѣщичьяго дома, и гордость свободной работницы, лютымъ трудомъ поднявшей на ноги семью, и разрушительница, и насмѣшливая язычница, отметающая цѣнности ради радостей единаго дня, и язычница испуганная, которой христіанскій богъ грозить крестомъ и гееннной огненной и никакъ до конца дозорить не можетъ... гдѣ ей съ ея сложностью и быть, какъ не въ октябрѣ?

Но въ быту октябрь намъ принесъ изоляцію, не меньшую, чѣмъ партіямъ переворота. Порвались многолѣтнія личныя и литературныя связи. Иныя держатся на волоскѣ. Я еще бываю пока у пріятелей изъ «Дѣла Народа», а Иванову-Разумнику тяжело тамъ бывать. Мережковскіе съются первые нечистые о насъ слухи. Тамъ кому-то не подали руку, тамъ

встрѣтили, какъ врага. И такъ какъ октябрь-побѣдитель, намъ это труднѣе, чѣмъ имъ. По старо-русской психологіи, они намъ «выданы головою», и потому они нась въ правѣ поносить. Они — въ предчувствіи конечной своей побѣды. Мы — въ предчувствіи конечнаго пораженія. Ибо въ даннѣю минуту они ближе къ косности, мы дальше отъ косности; побѣждаетъ же въ мірѣ — косность.

Слово и дѣло. Для нась, писателей, то, что происходитъ сейчасъ въ Россіи — испытаніе слова дѣломъ.

Есть слово, враждебное мірскому созиданію. Это одиночное слово подчинено другимъ законамъ. Оно не подлежитъ оцѣнкѣ. Ибо что стали бы дѣлать въ современности гностики, Монтэнъ, Паскаль, Шестовъ? Либо забились бы еще глубже въ свои катакомбы, либо поискали бы путь противъ всѣхъ теченій, чтобы не примкнуть ни къ одному и на вѣроятнѣя погибнуть... Но есть слово, которое само требуетъ себѣ апоѳеоза въ дѣлѣ и которое ищетъ терноваго вѣнца каждый разъ, когда дѣло идетъ вразрѣзъ съ нимъ, утверждая свое дѣловое, практическое, первенство.

Мы знали, что слово, какъ рѣки, иногда уходитъ подъ землю; что смущенный глазъ видитъ вмѣсто живой шири, груды голышей, омыты и подводныхъ гадовъ; знали, что эти засухи знаменуютъ собою глубокія измѣненія во внутреннихъ ритмахъ жизни слова. Но мы никогда не подозрѣвали, что цѣнность слова, какъ особой созидательной стихіи, такъ кровно связана съ цѣнностями общественного порядка. Вмѣстѣ со словомъ гибнутъ практическіе лозунги партій, отвлеченные — секты, уступаетъ даже жесткая ткань самихъ партій, ткань человѣческихъ связей. Если бы было у людей дѣла время оглянуться, они бы вскрикнули отъ недоумѣнія: и партіи — побѣдительницы и партіи, потерпѣвшія пораже-

ніє, — лишились всего накопленного десятиліттями добра, онъ — наги.

Побѣдительницы стоять передъ дѣломъ, а дѣло — измѣненіе программныхъ словъ. Потерпѣвшія пораженія наги потому, что пока они будутъ выкрикивать свои лозунги, въ укоръ побѣдителямъ, и сѣтями этихъ лозунговъ уловлять ошибки — жизнь уйдетъ, какъ всегда уходить, апрограммно, не внизъ, по желанію потерпѣвшихъ пораженіе, и не вверхъ, по желанію побѣдителей, а въ сторону, ибо вообще она — ходитъ сторонкою.

Слово, какъ отлитая работаю прошлаго формула, разорвалось, ибо не вмѣстило. И сразу утратило свою высоту. Что-то наполовину заячье, наполовину волчье появилось въ высокой прозѣ художниковъ и въ рѣчахъ религіозныхъ проповѣдниковъ. Въ дни страшнаго произвола — свободы, жалобы ихъ отдаются не безпомощностью, но звучать палочными ударами, мечтою — о веревкѣ, о мести, о мести порядка и желѣзной прочности. Въ рѣчахъ крестьянъ — стонъ широкой, безнадежно-буиной выюги и рядомъ со стономъ — короткій стукъ топора, или звонъ стекла. И такъ вездѣ слово замѣщено или заслонено дѣломъ. Слова, какъ особой стихіи, какъ дара отвлеченія отъ тупой конкретности, не стало.

А между тѣмъ, если бы рѣшился помолчать, пока забудутся привычныя сочетанія, если бы открытымъ окомъ взглянуть на плывущій родной нашъ міръ — какая бы открылась красота. Кто много ходилъ пѣшкомъ, тотъ знаетъ чувство приближенія къ горамъ, къ Альпамъ или Аппенинамъ, яркимъ серебромъ синѣющимъ за равнинами. Утомленіе. Пыль. Жажды и зной. Горы неподвижны, а я иду. Соотношеніе силъ — не къ гордости человѣческой. И оттого такія нѣжныя, домашнія, мирныя желанія. Вода у подножья. Тѣнь. Просторъ, одиночество.

И вдругъ, съ принудительностью яви, — чудо. Горы, горы, въ огромности реального своего объема, миллионы мил-

ліоновъ пудовъ, сотни квадратныхъ верстъ, кряжи, круги, льды, скалистя подошвы массивовъ, въ ихъ несоизмѣримости съ человѣкомъ — подымаются, текутъ, какъ чудовищные стада, какъ окаменѣлые туманы. Восьмой день творенія, возстаніе земной плоти въ грозѣ и бурѣ. Мое пространство? Мое напряженіе? Моя цѣли? Моя жажда? Что станетъ со всѣмъ міромъ и строемъ, душевнымъ и тѣлеснымъ, жалкаго ходока, постигнутаго послотитымъ рушенiemъ того, къ чему онъ такъ жадно стремился?

Таковы всѣ мы передъ лицомъ революціи, передъ бунтомъ тысячи волостныхъ республикъ, грабящихъ награбленное и ненаграбленное, устанавливающихъ свои законы и границы, по своему карающихъ или вводящихъ въ законъ добродѣтели и преступленія. Гдѣ же въ этомъ смятеніи удержаться слову, лозунгу, истинѣ, морали? Всякій, кто станетъ искать среди ветоши прошлаго названій для происходящаго; всякій, для кого разумъ его и планъ всеобщаго строительства дороже воли строителя и разрушителя міровъ и царствъ — обреченъ на слѣпоту и на внутреннее безсиліе. И въ этомъ безсиліи повинны — и большіе и малые среди нашихъ современниковъ. Добро бы въ нихъ говорило преодолѣніе политическихъ и соціальныхъ заботъ въ мірѣ иного, отвлеченаго, порядка. Такое существуетъ въ царствѣ духа, и права такихъ путей не могутъ быть умалены. Но безсиліе современниковъ — иное безсиліе. Оно ниже звѣзднаго и луннаго свѣта и ниже революціи. Сколько словъ — столько браны и торга. Сколько воль — столько оглядокъ и цѣпкихъ жадныхъ упрямствъ. Ступайте на собранія, на съѣзы, въ мастерскія резолюцій, уцѣлѣвшія среди царствъ исторіи, выливающейся къ намъ откуда-то изъ четвертаго измѣренія. Подслушайте сны любого властителя думъ народныхъ. Все, что расщеплено словомъ и волею, несоизмѣримо съ походомъ каменныхъ гигантовъ.

Несоизмѣримо, и потому хорошо, что литература молчитъ о настоящемъ — либо слагаетъ слезницы невѣдомому мсти-

телю, который долженъ расплатиться — за что? За нась самихъ, за общее прошлое, за общія заблужденія, за темныя глубины стихіи народной! По настоящему сказать о настоящемъ могъ бы гейій или пророкъ. Если бы попытался и поднялся бы на необходимую высоту — омертвѣль бы отъ напряженія.

Еще хорошо, что настоящая наша литература молчитъ — о крови, о смятеніи и о разбоѣ. Ихъ можно обсуждать, когда они уже переходятъ въ бытъ, становятся злюю привычкою. Но с е ѿ ч а с ъ нѣтъ человѣка, который бы такъ много зналъ, чтобы по со вѣст и по вѣрѣ запретить или разрѣшить эти страшныя дѣла. Но надо понять, что нельзя надѣть кровью лаяться и ею мазать, какъ дегтемъ, ворота. Это — сокъ изъ гроздей человѣчества, раздавленныхъ копытами каменнаго стада, не для будущихъ благъ, не для счастья народовъ, не для соннаго бытія веселенькаго усовершенствованнаго космополитизма, а просто пролитая людьми чаянно и нечаянно, непонятная, святая, мучительная человѣческая кровь и жизнь. Пролитая — и больше ничего. Непонятно — для меня, для васъ, для всѣхъ... Внѣ трехъ измѣреній.

Такъ развѣ могли не изсякнуть источники слова? Кто хочетъ выкликаль мѣрныя свои мысли, пусть будетъ готовъ къ тому, что ихъ измѣрять ослиною мѣрою.

Но когда въ покинутомъ дворцѣ или въ казармѣ правится веселый — и подлинно веселый — балъ для честныхъ женъ, изящныхъ модистокъ и уличныхъ дѣвокъ, то это хорошо, какъ бы безобразно съ иныхъ точекъ зрѣнія ни было. Хорошо, ибо никогда въ жизни этихъ людей не было такихъ баловъ, и этотъ городъ никогда не видаль ихъ такъ много, и оттого, что тамъ — весело, непосредственно и свободно. Когда народами владѣеть въ теченіе часа сегодня некоронованный тутица, завтра фигляръ, послѣ завтра провидецъ, дальше желѣзный схематикъ, когда одинъ мужественный слабѣеть, а рядомъ другой находитъ безмѣрное поле для своихъ опытовъ и вдохновеній, когда взлетаетъ славной ракетой не-

годяй, представляются границы царствъ и понятій, мечутся въ невѣдѣніи столь спокойно отстоявшіеся классы, провинціи отдаются врагу за хлесткую фразу, но за этой фразой скрыты лабиринты подпольного расчета, — это хорошо, такъ надо, ибо это революція. Когда дѣти радостно рѣжутъ коньками ледъ нечищенныхъ панелей, и чувствуютъ себя хозяевами заваленной сугробами улицы, и щеки ихъ во всемъ этомъ темномъ городѣ сегодня розовѣ, чѣмъ были когда-либо до этого первого года новой эры — это тоже безцѣнное благо революціи, и надъ этимъ нельзя смѣяться.

Конвентъ устанавливаль законы республики на вѣкъ. Вѣчный видъ даетъ право требовать отъ народа соблюденія эврипидовой морали: «Богамъ мы служимъ, каковы бы они ни были».

Смѣна министерствъ, направленій, правительствъ, лозунговъ — а на фронтѣ непрерывно усиливающеся таяніе. Солдаты бросаютъ орудія и въ полномъ вооруженіи уходятъ домой.

Случаи убийства машинистовъ и начальниковъ станцій. Идутъ толпами вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ. По пути, особенно въ имѣніяхъ, и въ маленькихъ городкахъ, грабежи и убийства, не во имя, а случайно, почти въ поле сознанія, именно по пути.

Что это: народное рѣшеніе? И — по Чаадаеву — «мы всѣ имѣемъ видъ путешественниковъ... все протекаетъ, уходитъ... каждая новая идея безслѣдно вытѣсняетъ старую?»

Ни то, ни другое. Для рѣшенія не воевать — въ прошломъ необходимо было противоположное рѣшеніе. Оттого такъ безпринципенъ и нравственно — безболѣзненъ для уходящихъ развалъ армій.

Петербургъ раздоился. Та же вверху воздушная линія проспектовъ, и строго стояцій надъ ними куполь Исаакія. Тотъ же таинственный Всадникъ — навстрѣчу ѿвскимъ сфинксамъ. Тѣ же горизонтальныя дѣленія дворцовъ, сената и университетскихъ зданій; тѣ же памятки о востокѣ — мечеть и китайскіе драконы, о западѣ — Александринскій театръ и бѣлая его площадь, о морѣ, о власти, о жизни разума.

А внизу — сугробы снѣга, беззаботные безъ ученія дѣти, афиши о солдатскихъ балахъ, старухи съ санками, везущія груды хлѣба въ домовые комитеты, убывающіе числомъ и рѣзвостью извозчики, хвостящіе человѣческіе хвости, сердитые чиновники.

Люди въ такой степени проникнуты мыслью о томъ, что это — по ка, что не берутся за бытописаніе. Между тѣмъ, именно въ быту разительно перерождаются связи между людьми.

Домохозянинъ и дворникъ. Предсѣдатель комитета и до-мохозянинъ. Татаринъ, продавецъ конины, — много такихъ лавокъ открылось, съ рисункомъ борзаго коня на дверяхъ — и его потребители — христіане: онъ поучаетъ, они учатся, скрывая гнѣвъ и обиду. Баба, опрометью бѣгущая по улицѣ: съ мѣсяцъ уже Ѳла конину, впервые увидала въ лавкѣ ободранную конскую голову и хвостъ и — погибла. Извозчикъ, въ удесятеренному величинѣ своемъ — хотя не миновать коню татарина — и сѣдокъ, въ голосѣ котораго завелись смиренныя нотки. Старьевщикъ, какъ астрологъ, ушедший въ гаданья о будущемъ, рѣяно складывающей на задворкахъ Апраксина рынка тряпичныя и мѣховыя сокровища. Молочница, отъ милости которой зависитъ жизнь столькихъ-то грудныхъ дѣтей, которая и чванится, и загребаетъ печатную бумагу, и жалѣеть. Собиратели золота и серебра, новоявленные антиквары, ходатай по частнымъ дѣламъ, погруженные въ усвоеніе новыхъ законовъ. Солдатъ — наивный продавецъ вина изъ царскихъ погребовъ, солдатъ —

разносчикъ, озлобленный нищій, процесія семи торгующихъ спичками инвалидовъ всего о семи ногахъ и о девяти рукахъ, солдатъ-строитель баловъ, солдатъ — опора новой власти, солдатъ — охраняющей обѣднѣвшую господскую кухню и братски дѣлящи пакъ галетъ — съ тѣми, кто въ этой кухнѣ былъ внимателенъ къ нему, когда въ дни переворота февральского онъ стерегъ безмолвную улицу. Ночные дежурства у подворотень — своего рода школа гражданственности. И тутъ же страхъ бельэтажей передъ бандитами, гонги, электрические звонки, сирены, хитроумная сигнализациѣ. И тутъ же попытки враговъ октября учесть силы, случайное оружіе, запасъ патроновъ и связи на югѣ, куда уходятъ, уходятъ тайно и явно оскорбленные, испуганные, озлобленные, ничего не понимающіе или сознательно точащіе ножъ защитники старого.

— Каждый ожидалъ своего учредительного собранія, большинство обманулось.

Такъ говоритъ равнодушный.

— Захочеть народъ, дастъ и безъ собранія; не захочеть, не дастъ и съ нимъ — говорить фанатикъ народовластія, бывшій шоферъ; произносить «народъ», а для себя всего добьется.

Р. — крупный организаторъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ Россіи. Выбить революціей изъ колеи:

— Брошу все, пойду въ слесаря. Когда буду слесаремъ, посмотрю, что мнѣ тогда нужно будетъ —совѣтъ или законъ. А сейчасъ хочу, чтобы былъ одинъ хозяинъ у государства.

Умный и образованный инженеръ, с-д, делегать рабочихъ въ Викжелѣ:

— Учредительное собраніе — для идиллическихъ временъ. Да и то переизбрать нужно. Это какое-то петербургское учредительное собраніе, а не всероссійское. Ни одного не-знакомаго лица.

Солдатъ съ исхудавшимъ темнымъ лицомъ, одна изъ жертвъ контрастовъ войны и революціи, изъ тѣхъ, что безъ числа губили другихъ и гибли сами — на митингѣ начинаетъ при словѣ государство топать ногами и кричать:

— Нѣтъ государства!

Ему поясняютъ — по своему:

— Не имперія, а государственный строй...

— Нѣтъ строя...

Въ хорошемъ домѣ, гдѣ можно встрѣтить всѣхъ, говорятъ молодые, щеголеватые, презрительные люди:

— Вотъ соберемъ на югѣ армію, да ударимъ по учредительному собранію...

Для партій переворота собраніе — какъ воронка въ водоворотѣ: втянетъ, свяжетъ по рукамъ и ногамъ, не выбраться. Ясно, что правые ждутъ собранія не для того, чтобы присягнуть его законамъ.

Времени нельзя терять.

Ивановъ-Разумникъ читаетъ вслухъ замѣчательные отрывки изъ писемъ Герцена 1848—49 годовъ.

«Учредительное собраніе, это — Людовикъ XIV, оно прямо и наглѣе Людовика говоритъ: государство это я; ему не возражаютъ... Зачѣмъ, говорятъ люди очень добросовѣстные, — зачѣмъ соціализмомъ осложнять вопросъ? Надо было дать время упрочиться республикѣ, а потомъ начать пропаганду соціализма... Можно быть очень добросовѣстнымъ человѣкомъ и плохимъ историкомъ. У человѣчества другая экономія нежели у кухарокъ: оно починаетъ всѣ круги сыра разомъ, а не ждетъ, чтобы первый былъ съѣденъ; оно паритъ со всѣхъ сторонъ».

На созданіе этого фантома въ вѣкахъ положено столько страсти, ума и силъ, что никто не замѣтилъ и не возмутился, когда оказалось, что вопреки духу его создателей, къ нему перешли атрибуты абсолютной непогрѣшности монарха — помазанника.

Въ свое время это было не худо. Нужно было — «найти абсолютного властителя, рядом съ которымъ не устояли бы никакие другіе властители и государи», «который одинъ только даруетъ основанія права и безъ дозволенія котораго ничто не законно». Оттого-то и перенесены были на собраніе атрибуты непогрѣшимости, и рѣшенія его должны были стать столь же неподвижными, какъ неподвижны рѣшенія помазанника — за гранями его воли. Но партіи переворота рѣшительнѣе всего отвергали именно эту неподвижность. Партіи стараго режима столь же рѣшительно настаивали на неподвижности.

На митингахъ было смутно. Слушатели терялись передъ новою перемѣною — то нужно, то не нужно, въ чемъ же правда? Говорилось о томъ, что рабоче-крестьянская власть уже дала народу все, что можетъ дать собраніе. Оно не можетъ дать больше, оно можетъ только отнять, тѣмъ болѣе, что среди его членовъ столько-то и столько-то враговъ народа. И пренія партій въ немъ могутъ затянуться на годы.

Это показалось убѣдительнымъ. Пугали сроки. Митингованіе успѣло утомить. Въ памяти — неопредѣленность минувшаго полугодья. Выборы въ учредительное собраніе по твердыни спискамъ оставили многихъ неудовлетворенными. Въ немъ не было живой конкретности, въ осуществлениі его участвовали грамотныя или неграмотныя руки и немножко мозга, но не участвовали ни зрѣніе, ни осозаніе, ни непосредственная избирательная воля. Частыя смѣны власти, близость совѣтовъ къ массамъ, преодолѣніе военной дисциплины, лозунги равенства и свободы, своеоліе власти на мѣстахъ создали независимо отъ послѣднихъ митинговъ и воззваній, потребность непосредственно вліять на дѣла государства. Почти сошла на нѣть старая привычка персонифицировать власть, помѣщая ее гдѣ-то въ стороны и выше себя — царь, временное правительство, президентъ, учредительное собраніе. Въ томъ же направлениі вель людей вкусъ къ единству общественныхъ

формъ, къ тому, теперь сведенному на землю монизму, который такъ широко использовали, соединившись воедино, государство и церковь. Еще разъ въ жизни народа становилось — съ отрицаніемъ учредительного собранія — однимъ господиномъ меньше.

Февраль. Петербургъ.

Демократія жива идеей большинства. Большинство — ея плоть. Право большинства — совѣсть. Наиболѣе уродливыя явленія очищаются въ сознаніи и совѣсти демократа, если они связаны съ осуществленіемъ правъ и замысловъ объединенного большинства. Большинство правитъ и будетъ править. Но что такое большинство въ сущности своей и какъ оно движется — неясно, какъ другу его, такъ и врагу.

Иные считаютъ, что власть большинства — это власть тупыхъ и среднихъ. Ницше и Ибсенъ любили врага народа. Другіе говорятъ, что она панацея противъ соціальныхъ противорѣчій. Третыи, философы и религіозные уставники, на власти большинства строятъ истину и справедливость. Загробное воздаяніе, право личности на бытіе, какъ и все обнадеживающее въ философіи и религіи — преломленія идеи власти большинства, съ его среднимъ здоровьемъ, среднею устойчивостью и признаннымъ, неопаснымъ равновѣсіемъ между полуусознательностью и полуустрастностью.

Съ дѣтскихъ лѣтъ, еще отъ игръ, привыкаемъ мы подчиняться волѣ большинства и бороться съ нею. — Всѣ

хотятъ — а ты не хочешь, такъ уйди изъ круга и будь одинъ. Всѣ могутъ — а ты не можешь, ты трусь, баба, парій дѣтскаго міра.

Смѣшной и слабый не причиняетъ кругу особыхъ заботъ. Если останется, для него найдется и мѣсто и дѣло, хотя бы не очень почетныя. Но несогласный, отщепенецъ, богатый вымыслами, если онъ ушелъ и въ силахъ оставаться одинъ — привлекаетъ къ себѣ интересъ всего круга. Кругъ борется съ аристократомъ духа, но хотеть поглотить его, возвратъ въ себя — иначе на горизонтѣ кружковой мысли всегда будетъ торчать ненавистное пятно непонятаго и несвершенного. И вотъ почему, если ты можешь и знаешь то, чего никто въ кругу не знаетъ, и если желанія твои хоть сколько-нибудь попутны желаніемъ круга, ты коноводъ. Кругъ идетъ за тобою, ты выразитель круга, ибо воля его къ дѣйствію съ нежданною до восхищенія полнотою расцвѣтає въ твоей «геніальности».

Однако, отношенія коновода и круга не могутъ быть закрѣплены надолго. Большинство готово итти за коноводомъ даже цѣною уступки многихъ своихъ правъ. Но ненависть и недовѣrie тѣнями провожаютъ ея покорность и даже ея любовь. Вихрастый счастливецъ, постигшій психологію своей масы, играетъ ею, частью приспособляясь къ ней, частью обманывая ее, — до тѣхъ поръ пока не потеряетъ чутье къ дѣйствительности, какъ его въ концѣ концовъ теряли всѣ самостоятельные, преслѣдующіе свою мечту коноводы.

Тогда игра теряетъ свою беззаботность и клубокъ переходитъ въ руки трагической музы.

Такъ намѣчаются три стадіи въ отношеніяхъ личности и большинства. Первая — когда большинство оберегаетъ свою статику и отвергаетъ беспокойную личность. Вторая — когда большинство отказывается отъ статики и отдается движенью, слагая волю руководящей личности со своею волею. И третья, когда большинство возвращается къ статикѣ и

предоставляетъ коноводу либо расплачиваться за причиненное беспокойство, либо итти своимъ путемъ. Если въ первой стадіи движение большинству противно, то во второй и третьей оно уже не можетъ его побороть. И тогда размахъ руководящей личности далеко отстаетъ отъ размаха и инерціи разбушевавшагося большинства.

Русскій гражданинъ пронесъ черезъ всю свою жизнь благоговѣніе передъ идеей большинства — въ самомъ элементарномъ ея толкованіи. Пассивное большинство, идеалистически высчитывающее по пальцамъ голоса, представлялось ему послѣдней истиной. Въ этомъ благоговѣніи гражданинъ забывалъ, что проявленій большинства надо не ждать, а надо творить его. Демократизмъ можетъ быть творческимъ не тогда, когда онъ выдвигаетъ большинство — стадо, а тогда, когда дѣла творятся активированнымъ большинствомъ. Большинство — стадо создаетъ коновода — по преимуществу предателя: ибо послѣднему, говоря правду, и нечего больше дѣлать, какъ только продавать и стричь. Активированное большинство — аристократично по духу, и коновода оно ищетъ, какъ воплощеніе крайностей, какъ жертву во имя тѣхъ стремленій своихъ, которыя не могутъ быть до конца поняты малогибкой, тяготѣющей къ покою дѣйствительностью.

Истинный смыслъ активированного большинства первые восприняли тѣ, кого сейчасъ походя поносятъ, какъ насильниковъ надъ идеей большинства. Живая жизнь учила этихъ насильниковъ создавать формулу большинства съ его живымъ кругомъ, вместо мертваго большинства формулы.

Дѣятели оптимистичны по натурѣ. Они полагаютъ, что то, что идетъ въ міръ — лучше прошедшаго.

Я думаю, что только — иначе. И это не такъ мало!

Олучшемъ мѣшаеть думать никогда не покидающее сознаніе, что, — «всякій человѣкъ есть однократное, неповторяемое чудо».

— Говорятъ, справедливость, завѣты любви и свободы. Да, да. Но бываютъ минуты — можетъ быть, эпохи — когда надо воздерживаться отъ всѣхъ вообще завѣтовъ.

— Передъ хозяевами этихъ эпохъ?

— Нѣтъ, передъ собственною совѣстю.

— И — ?

— Терпѣть. —

— И — ?

— Ждать.

Почти ежедневно приходится говорить со старыми друзьями, теперь участниками правящихъ партій.

Въ будущемъ увѣренности мало. Но есть мужество и решимость пробовать. Начинать пробовать надо — гдѣ придется. Ибо надумать тутъ ничего нельзя. Мужество начинать ошибками, даже глупостями.

Большевики декретами какъ бы торопятъ установленіе новыхъ формъ жизни — зная твердо, что такъ скоро никакія формы установиться не могутъ. Народники кристаллизуютъ въ ретортахъ максимально-чистыя идеи этихъ формъ. У первыхъ — сѣмѧ государственного оппортунизма, у вторыхъ — возможность полного разрыва съ серединой жизни, со средними въ послѣ октябряской Россіи теченіями.

Только единицы видятъ всю ширину разлива и сознательно ждутъ, держа наготовѣ руки, когда вѣрнѣе всего перехватить его теченіе. Среди лично близкихъ таковъ — химикъ Л. Я.

Карповъ. Ученый въ немъ служитъ государственному человѣку.

...Конспиративныя привычки партійныхъ дѣятелей не забылись. Могутъ пригодиться? Нѣтъ, необходимы теперь же: ибо конспирація лежитъ въ основѣ всѣаго государствен-наго механизма.

Обиходъ все тяжелѣе. Вторую недѣлю почти безъ хлѣба, на конинѣ и на капустѣ. Утромъ слабость, трудно поднять голову. До сихъ поръ я не зналъ, что такое хлѣбъ, сахаръ, масло.

Критика государственного устроенія; критика организації производства и потребленія; критика науки, основъ семьи и, наконецъ, критика критики ихъ. Это — не анархізмъ. Во всемъ одна воля — активировать косныя массы — государства, производства, науки, литературы, семьи. Большевизмъ увидѣль очередную и гигантскую задачу современного человѣчества въ этомъ активированіи — въ многостепенномъ, одухотворяющемъ молекулы расщепленій.

Не губка, стирающая плѣсень культуры на одной трети площади всей Европы, а — ложка, которою помѣшиваются котель бывшаго государства россійскаго. Поменьше — для губерній и областей. Еще меньше — для волостныхъ республикъ. Вплоть до малѣйшей веси, до затеряннаго въ пространствахъ хутора проникаютъ эти орудія помѣшиванія со дна на поверхность, съ поверхности на дно. Куда не прони-

каеть ложка — вводятся на острів тончайшихъ иголокъ расщепляющіе ферменты — въ ячейки семьи, въ отношенія родителей и дѣтей, товарищей по дѣлу и т. д. Оттого и зунгъ власти на мѣстахъ. Оттого отдельнымъ войсковымъ частямъ предоставляется право заключать перемиріе съ непріятелемъ, оттого разслаивается деревня, перерабатываются профессіональные союзы.

Поговорите о задачахъ активированья косныхъ массъ въ общественности и наукѣ съ европейскимъ ученымъ, съ математикомъ, химикомъ, космографомъ, даже медикомъ. Онъ пойметъ ихъ и — если вы не испугаете его практическимъ коммунизмомъ — поклонится вамъ въ поясъ, какъ союзнику.

Поступаю на службу — впервые въ жизни. Въ комиссаріатъ путей сообщенія — чтобы служить вмѣстѣ съ К. А. Эрбергомъ. Канцелярія страшна, какъ щипцы и стулъ дантиста.

Воззванія къ народамъ — о мирѣ. Думаю о большихъ покойникахъ. Что сказали бы Гоголь, Достоевскій, Толстой?

Чаадаевъ. «Мы принадлежимъ къ числу націй, которыя не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ лишь для того, чтобы дать міру какой-нибудь важный урокъ». Урокъ — Бреста. Лукаво-самоувѣренный Чернинъ. Грубо-самоувѣренный Гофманъ. Биценко, Троцкій, Мстиславскій для нихъ — Иванушки-дурачки. И тѣмъ чувствительнѣе

урокъ. Точно во снѣ: ихъ полки побѣждаютъ, но все во-
кругъ нихъ рушится.

Всего бы можно добиться, если бы не война. Подъ напо-
ромъ идеи паль царизмъ и разложился фронтъ. Октябрь
данъ идеей — вопреки утвержденіямъ противниковъ. Силь-
не было. Силы зачались по слѣдѣ октября. Война же
требуетъ силъ и спокойнаго расчета.

О. Д. Форшъ-Терекъ въ религіозныхъ своихъ думахъ
ощупью подходитъ къ какому-то большому утвержденію.
Христіане и Христовы — противопоставляетъ она.
Христіане-церковники — православные. Христовы — языч-
ники, по невѣдѣнью или по искусу отвергающіе Христа, от-
щепенцы, духовные странники, еретики, но на самомъ дѣлѣ
проводники палящаго Христова духа.

Церковь отдала себя на службу государству. Еретики за-
кономъ объ отдѣленіи освободили церковь. Духовенство мо-
лилось о земной побѣдѣ, священники — и какъ разъ лучшіе
— брались за ружье, навѣщая солдатъ въ окопахъ — худшіе
никого не навѣщали — и «пострѣливали» изъ любопытства
въ сторону нѣмцевъ. Историческіе материалисты и народ-
ники выкликаютъ, какъ безумные, братство народовъ. Идея
жертвенности выплывала у духовенства только тогда, когда
государству приходилось худо и только до тѣхъ поръ, пока
оно, при удачѣ не переходило въ наступленіе — такъ было
во время Наполеонова нашествія. Нынѣ идея жертвенности
никѣмъ на словахъ не прославляется, но творится жертвен-
ное дѣло, на которомъ сгораютъ государства.

Не о современной ли Россіи сказано? «Непонятною тос-
кою уже загорѣлась земля, черствѣе и черствѣе становится

жизнь; все мельчаетъ и мельчетъ, и возрастаетъ только одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду». Но — «разнесется звонкими струнами поэтовъ, разозвѣстится благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшее — и праздникъ свѣтлого воскресенія воспразднуется, какъ слѣдуетъ, прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ» (Гоголь).

Нѣмцы заняли Двинскъ и Гапсаль. Петербургъ ждетъ рѣшенія своей участіи. Возбужденіе очень велико. Во всѣхъ кругахъ. Чувство послѣдней схватки двухъ силъ — идей. И впервые съ полною отчетливостью поняли петербуржцы, какъ раздѣлилъ ихъ октябрь.

Говорятъ, материки не неподвижны, и Америка ежегодно отплываетъ отъ насъ на нѣсколько метровъ. Негодующее удивленіе чернокожихъ и обезьянъ, сотни тысячъ лѣтъ тому назадъ, гдѣ нибудь на высотѣ Гвинейскаго залива, когда впервые обнаружились непереходимыя трещины между материками — вотъ чему подобно было чувство жителей угрожаемой нѣмцами зоны.

Для однихъ: — Они возвратятъ на шъ Петербургъ. Для другихъ: — Возьмутъ на шъ Петербургъ...

Есть нѣчто безстыдное въ разрѣшеніи гражданской войны оружiemъ пришельцевъ.

Правительство готовится къ переѣзду въ Москву. Комиссариаты, газеты партійныхъ комитетовъ и исполнительного комитета будутъ перенесены туда же. Петербургъ перестанетъ быть столицею? Значеніе Москвы возстановляется руками интернационалистовъ?

Лѣвые с.-р. противъ переѣзда — за уходъ въ подполье. Въ этомъ движениі народничество вѣрно своей природѣ. Отлагаясь пластами въ свободной общественности оно слабѣ-

еть и даетъ анархическую поросль. И вдругъ снова проявля-
етъ силу и закаль, когда надо расплыться въ стихіи и из-
нутри разжечь ее до-бѣла. Народничество конспирируетъ
противъ государства, большевизмъ — во имя государства.
Первое гипнотизируетъ, второй принуждаетъ.

Въ «Знамени Труда» напечатаны «Скиѳы» А. А. Блока.
Какую дугообразную дорогу прошель народъ отъ пушкин-
скаго «Клеветникамъ Россіи», до блоковскихъ «Скиѳовъ»!

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ —
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ, —

такъ упрощено, государственно, національно спрашивалъ
Пушкинъ. Блокъ вдвигаетъ тотъ же вопросъ въ плоскость
культуры, рафинируетъ его, доводя до напряженія едва ли не
религіознаго.

Россія — сфинксъ. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядитъ, глядитъ, глядитъ въ тебя
И съ ненавистью и съ любовью...

Пушкинъ угрожалъ Западу—пораженіемъ. Блокъ угрожа-
етъ моральнымъ отверженіемъ. «Слѣпая славы страсть, сви-
рѣлый даръ героевъ» уже не плѣняетъ Блока. Поэмы его о
Россіи глубоко-безкорыстны, въ противоположность муже-
ственной практическости Пушкина.

Тамъ — Чернинъ, Гофманъ, Людендорфъ, полки, сила
«стальныхъ машинъ», гдѣ дышитъ интеграль». Здѣсь —
оборванцы — красноармейцы, воткнутые въ землю штыки,
проданныя или покинутая орудія, Блокъ, патетическая статья
Иванова-Разумника, феерическое отступленіе на Уралъ.
Азіатская пестрота и незакономѣрность. Но въ ней...

Нѣтъ шовинизма. Нѣтъ оскорбленааго великодержавства. Есть чувство правоты и пренебреженіе ко всякому оружию, которымъ эта правота могла бы быть установлена. Есть довѣrie къ засасывающей силѣ пучины народной. Есть сознаніе непобѣдимости родныхъ пространствъ. Есть нѣжность къ своему всенародному дому. Есть жертвенность. И то, что мелькнуло, но для чего не нашлось названія, то, что рѣяло въ лиловатыхъ предвесеннихъ сумеркахъ надъ нашимъ городомъ — еще крѣпче спаяло насть другъ съ другомъ и съ постиженіями октября.

Пока мы отрекаемся за себя и за народъ отъ своихъ сокровищъ, отдавая ихъ миру, рядомъ — старые, жадные ждутъ возвращенія принадлежавшаго имъ добра. Мы, нищіе, не мѣримъ и не вѣсимъ, но вѣримъ. Они, ни во что не вѣря, до послѣдней полушки оцѣнили потерянное и ждутъ иноземныхъ рукъ, чтобы по-шайлоковски расkvитаться. Отъ тѣхъ петербургскихъ дней повелось — отвращеніе къ ожидающимъ интервенціи, презрѣніе къ эмигрантамъ и чувство неизбѣжности въ развитіи событий: — трещины не закрывались, материкъ отплывалъ. И въ тѣ же дни, по тому, какъ хозяинчиали нѣмцы въ оккупированныхъ городахъ, и по тому, какъ использовала ихъ приходъ буржуазія, впервые явилась мысль, что жестоки будутъ формы гражданской войны.

Митингъ на Охтѣ. Апатія охтенскихъ мѣщанъ. Голосъ изъ толпы:

— Вильгельмъ вамъ покажеть! Царя дастъ и работать научить. Подѣломъ вамъ.

Е. М. прїѣхаль изъ Царскаго Села, гдѣ стоять остатки его полка.

— Дѣло проиграно. Однако, въ странѣ есть военный материалъ, и его будетъ все больше, по мѣрѣ продвиженія нѣмцевъ. Пора строить армію, не то примется за это кто-нибудь съ Дона, расчетливый патріотъ или воинственный авантюристъ. Армію надо строить по классовому признаку. Органическое единство арміи. Отряды рабочихъ отдѣльно, крестьяне отдѣльно...

С., Н., А. — не уѣхали изъ Петербурга, но невидимы. Готовятъ конспиративныя квартиры, взрывчатыя вещества, одежду, паспорта, оружіе. Н., наиболѣе подвижной, исходилъ окрестности и намѣтилъ мосты, которые придется уничтожить.

— А если нѣмцы пойдутъ на Бологое?

— Тѣмъ лучше — у нихъ будетъ огромный тылъ. Партизаны намъ и другую услугу окажутъ — закрѣпленіе революціи въ деревнѣ на почвѣ патріотизма. Несомнѣнно, нѣмцы не только завоеватели, но и жандармы.

Н. — говоритъ съ холодною и жестокою расчетливостью. Баринъ по воспитанію, офицеръ, онъ пережилъ вначалѣ революціи шокъ, когда солдаты сорвали съ него погоны, нырнуль куда-то, о немъ не было долго вѣстей, и вынырнуль жесткимъ самоненавистникомъ, слугою организованного насилия, опростился, поджался — вѣяло отъ него теперь жутью, какъ раньше — духами и беззаботностью.

К. А., Р. Ф., и мн. др. изъ Петербурга не уѣдутъ. Профессоръ Р., одинъ изъ основателей лѣваго крыла русской соціаль-демократіи, смущенный и огорченный октябремъ, нѣжный и нутромъ не выносящей насилия человѣкъ, — вдругъ повеселѣлъ и оправился:

— Уйдемъ въ подпольѣ, оно привычнѣе. Въ подпольѣ другіе законы, тамъ и я знаю, что дѣлать.

Бывшій домовладѣлецъ, купецъ и фабрикантъ говорилъ:

— Пора правительству о насъ, купцахъ, вспомнить. Сорокъ процентовъ прибылей правительству, шестьдесятъ процентовъ намъ, по справедливости. Пустили бы заводы въ

ходъ. Воевать безъ товару нельзя. Самое теперь время приблизить къ себѣ купечество.

Онъ недоумѣвалъ, почему капиталъ такой силы, какъ его сословіе, не брошенъ въ оборотъ при нынѣшней нуждѣ. Вѣдь не оттого же, что правительство изъ-за принциповъ не хочетъ платить купцу проценты?

— Проценты — не существенное; расчетъ коммерческій. Существенное то, что правительство будетъ совмѣстно съ купечествомъ работать.

Пріѣзжіе изъ провинціи говорятъ о жестокости власти на мѣстахъ, не дающей верхамъ мѣстнаго населенія возможностей проявить свои чувства къ родинѣ.

— И представьте себѣ, какъ грубо отвѣчаютъ: «не нуженъ намъ вашъ патріотизмъ, дорого за него запросите».

Рабочій изъ «сознательныхъ» наотрѣзъ отказался записаться въ гвардію. Черезъ недѣлю пошелъ. Говорить, что въ городѣ страшнѣе, чѣмъ въ полѣ: здѣсь, какъ перепела сѣтью накроютъ. Одни уходятъ изъ города, потому что страшно, другіе изъ деревни. Преслѣдуемые и преслѣдователи ищутъ общественныхъ новообразованій, которыя дали бы имъ опору. Организаціи противниковъ строя связаны съ иностранными посольствами, имѣютъ зачатки транспортныхъ бюро, развѣдки и собственную почту. Разнесеніе слуховъ становится однимъ изъ способовъ борьбы. Если бы къ Петербургу приближались французскія или англійскія войска, ихъ поджидали бы съ тѣми же почти эмоціями, что и нѣмцевъ.

М. С., соціалистъ, призванъ былъ на войну, получить знаки отличія. Сняль самъ погоны — выжидаетъ благопріятной минуты итти въ новую армію.

— То, что дѣлаютъ съ нами, унизительно. Справедливо ли, не знаю. Хочу научиться думать, что справедливо. Такъ думать — надежнѣе, чѣмъ злобствовать. Пойду, куда пошлютъ, авось въяснитъся...

Изъ рабочей среды идутъ лучшіе: крѣпкіе, знаютъ, что надо. Идутъ авантюристы, сначала съ опаскою — кто побѣдить, перейти бы во время — потомъ съ долею увлеченія, — народная армія вольнѣе, больше въ ней возможности двигаться, кочевать изъ отряда въ отрядъ и мѣнять маски. Затѣмъ — беспочвенники, перекати — поле. Это опасный элементъ, легко переходитъ со стороны на сторону. Неудачники либо оправляются, открывъ въ себѣ способность сражаться, иногда даже командовать, иногда выигравъ какую-нибудь крупную ставку въ партизанской войнѣ, либо опускаются до послѣдней степени, образуя озлобленную подпочву отрядовъ. Идутъ отбившіеся отъ всякаго вообще труда за время войны. Завѣдомые преступники, съ темнымъ своимъ расчетомъ. Совсѣмъ молодые — по порыву, ради приключений, по товариществу или за легкимъ хлѣбомъ. Въ конечномъ итогѣ, к то бы ни шелъ, — что то идетъ, накапливаются силы, поддерживается на границахъ совѣтскихъ относительное равновѣсіе, продолжается расщепленіе. Вся Россія — взволнованная равнина, по которой съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ поднимаются изъ нѣдръ и волнуются живые курганы накапливаемыхъ силъ. Ни южные контрь-революціонные отряды, ни сѣверные революціонные не однообразны ни по составу, ни по смыслу своему. Классовый отборъ только намѣченъ. На югѣ казаки встаютъ за казачество, за огромные надѣлы свои, новоселы противъ староселовъ, часть послѣднихъ противъ офицерства, многіе — изъ-за грубости приемовъ новой помѣстной власти, изъ-за случайной расправы или реквизиціи. Офицерство не хочетъ, и часто не можетъ, ассимилироваться на сѣверѣ, но все же ассимилируется, но и для крестьянского, поднявшагося противъ новой власти юга офицерство не другъ, а печальная неизбѣжность. Армій нѣть ни тутъ ни тамъ, и низы этихъ беспорядочныхъ скопленій крестьянского и рабочаго люда будутъ и тутъ и тамъ, подъ какимъ бы лозунгомъ они нешли,

безсознательно производить одну и ту же революционную работу — нивелированія классовъ.

Разговоры съ рабочими: много говорится о правахъ, обостренное сознаніе правъ; совершенно бесспорное требование — все дѣлать собственными руками, отъ завода до государства; крестьяне преувеличиваютъ трудности — кто-нибудь за нихъ сдѣлаетъ; рабочие часто преуменьшаютъ; и у тѣхъ и у другихъ государство отчасти «вотчина», какъ у царей. — На толчкѣ, краснорожая баба съ краденымъ самоваромъ:

— Нѣтъ хозяевъ у самовара, скрылись куда-то; пришли бы, спросили бы, отдала-бъ, ей Богу, отдала бы; и копейки бы съ нихъ не взяла.

Поѣзда въ Шлиссельбургъ, рыбаки. Прежняя тюрьма, память о заточникахъ. Рыбаки считаютъ, что война съ нѣмцами — война за свободу. Сѣти, лодки, поѣздки на озеро — не терпятъ ограниченій; превосходное крѣпкое сознаніе — «наше, чужихъ здѣсь не надо». Не локальный патріотизмъ, а право быть у себя, быть по своему. Чувство народной судьбы, своей тропы — по мимо и въ судьбы государства. Самосознаніе стихіи, для нея государство нѣчто вродѣ Эйфелевой башни: умно, затѣйливо, wysoko, но жить нельзя, хотя желѣзо и дорогой матеріаль. Это — въ теоріи. На практикѣ же государство...

Часто тупыя и крикливыя бабы, чиновники съ трясущимися головами, сѣрые, какъ паутина, сидѣльцы, востроносые точно изъ гуттaperчи сдѣланныя мѣщанки, опустившіеся провинціальные доктора роняютъ такіе перлы сосредоточенной, противъ человѣческаго естества прущей мудрости, что и Сведенборгу въ опору. И вдобавокъ — своимъ умомъ отлито, нѣтъ риска проглотить цитату.

Государство въ корнѣ — неправедно. Какъ же можетъ быть праведна революція?

Никогда я себѣ не представляль и никогда не представлю, чтобы въ моихъ рукахъ была власть надъ свободою, жизнью и смертью человѣка. Хотя легко представляю себя въ чьей-то власти. Не давая на это санкціи. Какъ дурную неизбѣжность.

Нѣтъ зависти къ тому, кто хочетъ и можетъ властвовать. Лишь любопытство — въ чемъ находитъ онъ санкцію для своихъ рѣшеній, — и недовѣріе къ интимному сознанію имъ своихъ правъ. Мой отказъ отъ права на власть ощущается такъ, какъ будто онъ твердо и свободно вписанъ мною въ декларацио правъ человѣка и гражданина. Отказаться добровольно отъ права на безвластіе для меня то же, что для властующаго отказаться отъ права на власть — т. е. паденіе. При томъ паденіе той глубины, котораго я даже не представляю себѣ.

Убить можно въ припадкѣ бѣшенства, или — пусть — кто-нибудь убьетъ по расчету. Но не по праву. Ordo Спинозы звучитъ возвыщенно въ философіи, Шиллеръ, кажется, назвалъ въ дифирамбѣ — *heilige Ordnung*, но дѣйствительное воплощеніе этой святости — ужасно.

Смѣна личинъ — въ революціи. Богатый сталъ бѣднякомъ, сильный въ тюрьмѣ, безправный править, убивавшій другихъ — убитъ. Это грубыя формы измѣненій. Тонкимъ — нѣтъ числа. Наиболѣе простое объясненіе — Немезида. Но не слѣдуетъ останавливаться на наиболѣе простомъ. Не менѣе реально — любезное желаніе боговъ поближе познакомиться со смертными. Молитва доброго христіанина и пытливаго человѣка должна бы звучать такъ:

— Господи, пошли намъ голодъ, моръ, землетрясеніе и всяческую муку. Дабы не обезсилѣль я отъ нихъ, даруй мнѣ въ Тобою положенный чередъ часы отдыха и веселья. И потомъ снова веди меня на святую Твою дыбу, Господи, ибо

много во мнѣ разноликихъ силь, и самъ я не знаю ни ихъ
числа, ни мѣры, и грѣхъ передъ Тобою, что не всѣ они поютъ
Тебѣ осанну. Господи, удесятери силу Твоихъ ударовъ,
удлини время Твоихъ мукъ, углуби бездну униженій и пошли
мнѣ безславную смерть, о какой я и помыслить не смѣю...

Мартъ. Петербургъ—Москва.

«Двѣнадцать», поэма А. А. Блока, напечатана въ «Знамени Труда». Ивановъ-Разумникъ на-дняхъ мнѣ вскользь сказалъ о ней, какъ о замѣчательной. Но это совсѣмъ не то, чего я ждалъ. Такого въ русской литературѣ еще не было: это не только поэма, это — постиженіе. Равное тому, которое посѣтило Гете, когда онъ переставлялъ слова миѳа о матеряхъ во второй части «Фауста», исполнивъ ихъ жуткимъ и тревожнымъ соблазномъ. Но у Гете была готовая форма высокаго миѳа. Блокъ не построилъ и не заимствовалъ свой миѳъ, а точно вырвалъ его изъ живой плоти космоса, не обезкровивъ его и не обездушивъ литературностью. Въ основу легла — частушка. Постиженіе его необычайно динамично. Онъ точно спопъ своею поэмой перевязалъ — спопъ, среди колосьевъ котораго: 1. космическое («вѣтеръ, вѣтеръ на всемъ Божемъ свѣтѣ»); 2. народное (революція); 3. личное (Ванька и Катька); 4. осознанно-религіозное, въ историческомъ аспектѣ христіанства («Христосъ, въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ») и — 5. — самое сложное — надо сказать: таинственное — взаимныя переплетенія всѣхъ этихъ подземныхъ, земныхъ, надземныхъ и внѣпр-

странственныхъ рѣкъ. И послѣднее не въ словахъ, а въ музыкаль и въ архитектурѣ поэмы.

Когда принесли газету, я прочелъ поэму, и отнесъ листъ Е. П. Черезъ полчаса вторично пришелъ къ ней — она еще читала, очень серьезная.

— Ну, что? — спросилъ я и понялъ, что не слѣдовало спрашивать.

— Хорошо, конечно.

Такъ и осталось. Только съ чужими говорили, сколько полагалось, о «Двѣнадцати». Когда пришла О. Д. Форшъ-Терекъ и начала толковать поэму, стало непрѣятно. Говорится, главнымъ образомъ, о деталяхъ. Всѣ, вѣроятно, на девять десятыхъ ускользнетъ отъ современниковъ... Но что будетъ Блокъ писать, что будетъ онъ дѣлать послѣ «Двѣнадцати»? Вѣдь уже послѣ потрясеній 1905 года онъ сказалъ:

Есть нѣмота — то гулъ набата
Заставилъ заградить уста,
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота.

Значитъ, и тогда онъ уже зналъ, что «роковые минуты» не въ двухъ измѣреніяхъ, какъ утверждаетъ Шестовъ, и не въ трехъ даже, а въ четырехъ, и ощутилъ печать этихъ минутъ на всемъ своемъ существѣ.

«Матери» Гете — о нихъ можно думать — трудно говорить. Но то напряженіе, которымъ достигается Блоковская ясность взгляда въ «Двѣнадцати», отбрасываетъ именно къ пустотѣ, отъ которой по очереди содрогаются то Мефистофель, то Фаустъ. «Я неохотно открываю тебѣ эту высокую тайну. Богини правятъ среди одиночества. Вокругъ нихъ нѣть ни пространства, ни времени. Лучше не говорить о нихъ. Это — матери»... Когда-то Блокъ не только о прекрасной дамѣ, но и Россіи думалъ восторженно.

Но судьба в з м а н и л а его на путь тернистый, къ Руси пьяной и оголтѣлой, къ нищему, къ чьей-то усмѣшкѣ изъ окна тюрьмы — къ областямъ, гдѣ прекращается право оцѣнивать и выбирать, гдѣ все глухо, разорвано, безнадежно, гдѣ кабакъ — поставленъ выше возвышенного страданія и восторженности.

Ванька убиваетъ Катьку. Катька измѣняетъ Ванькѣ. Прострѣленная голова. Погасшій свѣтъ жемчужныхъ зубокъ. Разбитые «этажи», буржуй, летящій воробушкомъ. И страхъ, навѣянный выюгою, вѣтра свистомъ, сугробами, врагами, пальбой, невѣрною побѣдою, углами проспектовъ. Въ страхѣ и во выюгѣ все смѣшивается — личное, соціальное, міровое, умное, страстное, злое, раздумчивое — и, смѣшившись, сворачивается, приподымается, точно края корки при сохшей на животномъ тѣлѣ раны. Вѣдь все подъ этой коркою — не такъ, кровь ала — струпъ черенъ, кровь міра жива — струпъ гноится. Все не такъ. Ванька не изъ ревности убиваетъ веселую, простую и милую Катьку, а несетъ его «вѣтръ ночной», залетѣвшій къ намъ отъ отца-хаоса, творящаго исторію. И снѣгъ — не снѣгъ петербургской лихой метели, а космическая ледяная пыль, вдругъ завившаяся столбомъ на точкѣ земного шара, именуемой Петербургомъ, Россіей. И грабежъ — не грабежъ. Все — не такъ, не то, рвется изъ предѣловъ постигаемаго, и тѣмъ мучительнѣе его первоначальное и все же въ дняхъ непобѣдимое — то, факты, вещи, плакать, проститутки, сѣрыя гетры, — такъ есть, такъ было, не увернешься, не смоешь, не забудешь, не простишь. «Кругомъ огни, огни, огни». Двѣнадцать апостоловъ этихъ огней, безъ креста, задыхающіеся въ смертной тоскѣ полета, котораго они сами не разумѣютъ до конца, его жертвы — сгорятъ раньше, чѣмъ остановится Знаменоносецъ, огромный, скользящій надъ міромъ, вы筠ный, въ бѣломъ вѣнцѣ, не вѣнчикѣ, изъ ледяныхъ — чуть теплѣющихъ — розъ. И такъ больно, что милый кабакъ остался позади въ сугробахъ, и не отдохнуть уже подъ его

кровлею. И не стало Катькиныхъ ножекъ, забита въ землю и буйная ихъ, несказанная прелесть. Гоголевское — «МИМО, МИМО».

Вѣтеръ, вѣтеръ —
На всемъ Божьемъ свѣтѣ.

Брестскій миръ. Расколъ среди большевиковъ. Расхожденіе съ лѣвыми с.-р. Теорія передышки. Попытка путемъ мира войти такъ или иначе въ обиходъ европейскихъ государствъ и вліять на нихъ.

Теорія передышки рождена трезвымъ го сударственнымъ началомъ. Можно было бы установить даты: въ мартѣ—апрѣлѣ 1917 года, несмотря на существование временного правительства старое государство россійское перестало быть; въ мартѣ 1918 года новое государство россійское начало свое бытіе. Революція перестаетъ быть стихійною, къ ней приложена человѣческая рука. До сихъ поръ все было — безошибочно, теперь — сѣть ошибокъ, отступленій, компромиссовъ, ибо — сознаніе. Одно дѣло — метать подъ ноги правителямъ Европы беспокойныя идеи и волновать народы. Другое дѣло — ковать реальная силы, которые должны стать независимыми отъ прихотливыхъ измѣненій настроенія внутри страны.

По отношенію къ Западу передышка — сомнѣніе въ непосредственномъ, безъ борьбы и усилий, приходѣ міровой революції: лучше имѣть за пазухой два камня, чѣмъ одинъ. По отношенію къ странѣ — передышка обязываетъ отказаться отъ максімализма идей и искать береговъ. Они — усиленіе личного, направляющаго, сознательного начала. Фиксируются и отбираются не способы установить новыя формы жизни, а способы непосредственно получить возможно дѣйствительные результаты революціонной работы.

Къ Бычьеи площадкѣ подали поѣздъ Комиссаріата путей сообщенія. Сказано было погрузиться къ шести часамъ вѣчера, но грузились до поздней ночи, утромъ и еще въ полдень. А потомъ сѣли и ждали. Никто не зналъ, когда отойдетъ поѣздъ.

Ночь была холодная и звѣздная. Не спалось въ вагонѣ. Потрескивали, никого не беспокоя, выстрѣлы, то въ отдаленіи, то близко. Чиновники вереницею шли за чаемъ къ казенному кубу и брали начальство, точь-вѣ-точь ~~какъ~~ двадцать, пятьдесятъ и сто лѣтъ тому назадъ. Шелъ споръ о дорожномъ пайкѣ, когда и чѣмъ будутъ кормить, и о казенныхъ квартирахъ въ Москвѣ, какую гостиницу реквизи-руютъ. Кругозоръ быль суженъ еще петербургскимъ голодомъ и пустыми страхами, страхами случайныхъ людей, одиночекъ, полумѣщанъ — полуинтеллигентовъ, смутно понимающихъ, что происходитъ вокругъ. Боялись сниматься съ мѣста, боялись нового города, — всего. И тоже, какъ встарь: мечтанія о казенныхъ благахъ были радужны — но ничего не оправдалось, паекъ доспѣль только къ вечеру слѣдующаго дня, въ гостиницѣ было тѣсно, и многимъ пришлось около недѣли прожить въ поѣздѣ — должно быть, чтобы пуще закипѣла беспокойная желчь и чтобы злобою разнообразилось чиновничье суетливое бездѣлье.

Слово федерація въ устахъ украинца, бѣлорусса или грузина звучитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ устахъ великоросса. Среди великороссовъ едва ли не одинъ Бакунинъ имѣлъ право звонко и открыто произнести это слово. Правда, онъ при этомъ прибавлялъ: «у насть нѣтъ отечества»...

Апрель. Москва.

Небо надъ Петербургомъ посвѣтлѣло, воздухъ чище — стоять заводы. Тоже отчасти и въ Москвѣ. Винять рабочихъ. И забываютъ о томъ, что заводы стали закрываться болѣе чѣмъ за полгода до октябрьского переворота при первыхъ же вѣяніяхъ революціи.

Фабрикантъ Е. разсказываетъ:

— Не выдержалъ братъ придиrokъ отъ рабочихъ, огорчился и повѣсился...

Со стороны же я знаю, что братъ перепродалъ сырье, испортилъ машины, перевезъ капиталы за-границу, но когда самъ собрался туда же, оказалось — поручилъ деньги ненадежному человѣку, его и слѣдѣ простыль.

Такихъ много. Еще больше такихъ, что бросили свое дѣло и отсиживаются, какъ на островѣ, въ уголкахъ когда-то обширныхъ и хорошо обставленныхъ квартиръ, продавая за стопы печатной бумаги носильное платье и вещи. Есть и приспособившіеся — въ канцеляряхъ. Неспѣша, съ опаскою — какъ бы не замараться — врачаютъ совѣтское колесо. Суть вращенія — отписка. И правильно — съ ихъ точки зрењія: по существу разрѣшить дѣло и двинуть его быстро — помочь заклятому врагу.

А рабочіе, дѣйствительно, нетерпѣливы и своевольны. Да какъ же имъ и быть иными? Свобода для тѣхъ, кто не имѣлъ ея, рождается раньше всего и полнѣе всего, какъ ощущеніе власти материальной.

Вчерашие господа сердятся на вчерашихъ рабовъ, когда тѣ не слушаютъся, «хотя бы послушаніе было нужно для пользы дѣла». Но дѣло не такъ скоро станетъ кровнымъ дѣломъ, воплощеніемъ желаній вчерашихъ рабовъ. Поэтому случайное желаніе, случайный волевой актъ или опытъ отдѣльного рабочаго пока выше всего дѣла въ цѣломъ. Изъ этихъ желаній, актовъ и опытовъ вырастаетъ либо наглый бездѣльникъ — расточитель, либо растетъ сильный рабочий, сильный классъ, сильное человѣчество, которое съ легкостью ограничитъ себя для своего и всеобщаго дѣла, когда мускулы тѣла и души позовутъ къ работе.

Въ своеволіи и дерзости, какъ бы тяжело отъ нихъ ни приходилось, лучшій залогъ, что новое, идущее въ міръ, дѣйствительно, ново; что не захочеть человѣкъ снова подпасть подъ молотъ экономической закономѣрности; что свою волю онъ полюбитъ упорной любовью и ради нея подыметъ тяготы, идущія со всѣхъ сторонъ.

Еслибы революція уже теперь пропиталась уваженіемъ къ порядку, — тѣмъ, кто любить не материальный моментъ смѣны хозяина въ дому, а преображеніе единаго человѣчества, она представилась бы исторической неудачей. Жертвы были, жертвы будутъ — и втунѣ? И снова раскинется отъ Вислы до Татарскаго пролива несправедливая Россія, пусть процвѣтающая, пусть богатѣющая, но тѣмъ больше отвратительная съ мертвымъ своимъ грузомъ жадности и эгоизма. И вырождающаяся. Ибо — такъ есть — страсть къ накопленію теряетъ свою созидательную силу. Она перестаетъ вдохновлять людей широкаго почина. Процессъ концентраціи производства усиливается съ механической неумолимостью, но дѣлается и по психологіи своей и по сущности безличнымъ. Служитель этой концентраціи перестаетъ быть носителемъ даже однобокой эгоистической свободы, духа предпріимчивости, духа торгового и производительного могущества...

Что бы намъ ни было суждено — одного нельзя понять: какъ интеллигенція, особенно же связанная съ наиболѣе демократическою стихіей, съ техникой, не опьянилась одною только возможностю иныхъ взаимоотношений въ мірѣ? Быть можетъ запоздалый націонализмъ интеллигенціи — только расплата по старымъ счетамъ, балансъ, который сводить ненумолимый счетоводъ — міровой законъ неуничтожаемости энергіи.

А все-таки: почему интеллигенцію не заражаетъ размахъ міровой катастрофы, ее присяжную любительницу міровыхъ масштабовъ? Или дома теплѣе? И міровое не такъ ужъ прекрасно, когда ради него приходится перестраивать маленький свой бытъ? Міровой котель долженъ раскаляться и закипѣть для того, чтобы всѣ стали лицомъ къ лицу со свободою. Свобода же личности, закрѣпленная въ буржуазномъ быту, возведенная наукой и искусствомъ, стала силою консервативною и занята даже теперь однимъ лишь самосохраненіемъ. Она загородила путь своеvolію народному потому, что она глубоко по существу своей корыстна. Ей есть что терять, и она боится потерять, боится холода и труда, какъ купецъ, какъ кокотка или маленький избалованный домашній звѣрь. И если она пассивно терпить голодъ, нищету и трудъ — это не оправданіе ей. Начать, начать klaсть новые срубы — вездѣ, гдѣ освобождается земля, безъ надежды на признаніе, безъ благодарности, часто — безъ плана. И, главное, принять въ другихъ и въ себѣ своеvolіе, со всѣми вытекающими изъ него опасностями.

Быстро обрастаетъ бюрократическимъ мясомъ совѣтскій скелетъ. Своихъ мало. Больше враги не придутъ, да и нѣть мужества договориться съ ними. Плетутся безразличные или ползутъ на худомъ брюхѣ хорьки. Ненадежные. Полупредатели.

Партійные верхи замкнуты, они умъютъ иной разъ указывать, но рѣдко умъютъ дѣлать. Около нихъ нарастаютъ другіе верхи — пониже. Сановники дѣла. Очень рѣдко дѣловые. Но слаженные и заведенные такъ, что безъ нихъ не обойтись. Партійные верхи скромны: вѣдь только врагамъ мерещится будто власть сладка. Въ прошломъ — тюрьмы, въ настоящемъ — опыты, государственная учеба, т. е. ошибки, хвалиться нечѣмъ. Не то сановники дѣла. Они достойны страницъ исторіи уже сегодня, на шестомъ мѣсяцѣ революціи.

Впервые идею исторіи генераловъ встрѣчаемъ мы въ «Мертвыхъ душахъ». Геніальный проныра Чичиковъ родилъ ее экспромтомъ и второпяхъ и, по прирожденному лукавству не досказалъ, что, какъ ни занимателна исторія генераловъ въ лицахъ — исторія генеральства, стихія генеральства — есть и такая, вполнѣ самостоятельная — еще занимателнѣе.

Генералы и сановники — два передовыхъ колеса великой отечественной колесницы. Чичиковъ, несомнѣнnyй славянофиль и патріотъ, правильно оцѣнилъ значеніе сановника въ русской исторіи. Гоголь подхватилъ идею Чичикова и орелигіозилъ ее въ «Перепискѣ съ друзьями». Щедринъ исказилъ ея романтическій паѳосъ. Чеховъ далъ намъ генерала-упадочника. Но не надо думать, что корни генеральства не глубоки. Формы его бренны: но сущность безсмертна.

Только наивные люди могутъ утверждать, что огонь революціи пожралъ прекраснѣйшія формы сановничества. Революція сняла у сановника гербы съ кареты, скормила согражданамъ породистыхъ лошадей, управлениe государствомъ предоставила временно курьерамъ, а имъніями — хозяйственнымъ мужичкамъ. Однако, по мнѣнию оптимистовъ, — а оптимизмъ сейчасъ въ силѣ — сановникъ въ состояніи длить свое священное бытіе и безъ герба, и безъ многоколонного зала и безъ челяди. Правда, генераль проигралъ въ личной импозантности вслѣдствіе этихъ потерь. Но стихія гене-

ральства выиграла количественно. Качества приложатся при благоприятныхъ обстоятельствахъ — поскольку они не съѣдены и не превращены въ звонкую монету.

Старорежимнаго сановника было легко увидѣть, оцѣнить, даже осязать. Сановникъ новаго времени не столь ярокъ; онъ поддается осязанію, но очень трудно — оцѣнкѣ. Онъ — бѣглая тѣнь устанавливающагося быта. Его надо искать не на свѣту, а во тьмѣ, за стѣною творящихъ исторію массъ. Но преемственность его облика по отношенію къ старому генералу уже явна для насъ. Правда, современному генеральству чужда поэзія трясущихся колѣнъ, голой главы многодума, золотой челости и трости съ золотымъ набалдашникомъ; правда, современный генераль менѣе изященъ въ подхалимствѣ и не такъ красно, какъ прежній говоритъ — но много и сходствъ, и сходствъ разительныхъ, которыми могъ бы въ упоръ заняться современный Дарвинъ съ еще большимъ, чѣмъ Щедринъ, правомъ.

Когда я вхожу въ комиссариатъ (имя рекъ) и меня встрѣ чаютъ крикомъ: «не знаю, не знаю, не знаю» — хотя я и не успѣль спросить еще о томъ, чего мнѣ здѣсь надобно — я уже чувствую, что предо мною крупинки тучнаго суперфосфата, на которомъ прозябаютъ новые генералы.

Когда руководитель обширнѣйшаго въ республикѣ вѣдомства проявляетъ живой вкусъ къ широчайшимъ творческимъ схемамъ, не зная ни мѣры, ни такта, ни метода, ни материала — я понимаю, что предо мною родоначальникъ генеральской династіи, и что бѣлые камергерскіе штаны стали мечтательно задумываться въ лавкѣ старьевщика, а курульное кресло со столономъ преждевременной гибели догораетъ въ печкѣ ночного сторожа.

А талантъ быстро и радикально перекрашиваться въ защитные цвѣта! Красный превосходно ложится на бѣломъ и не просвѣчиваетъ. А упоеніе личною властью, столь умѣстное въ демократичнѣйшей изъ республикъ? А пристрастіе къ умопомрачительнѣйшимъ приказамъ? А любовь къ по-

рядку, изъ-за котораго останавливается все въ комиссариатѣ или отдѣлѣ — ибо благоговѣйно ликуетъ? А установлениѣ идеальнѣйшаго изъ календарей, съ семью пятницами на недѣлѣ, благодаря которымъ въ нашъ материалистической вѣкъ, и гдѣ же? — въ Совѣтской республикѣ — такъ полно торжествуетъ евангельскій принципъ: довлѣть дневи злоба его — и злоба каждого дня безъ остатка отмется злобою слѣдующаго?..

Новый сановникъ изъ соображеній экономіи отказался отъ традиціонной граціи. Не тотъ, что прежде, у него зрителъ, не тотъ рискъ, не тѣ блага, и ритмъ сановнической жизни въ земномъ раю нарушенъ беспокойной революціей. Никто не станетъ окомъ мэтра слѣдить за клоунадой его превращеній, никто не пощметъ сочувственно руку. Новый сановникъ огрубѣль, рубить съ плеча, работаетъ локтемъ, глоткою, горбомъ и подхалимствомъ. Онъ бываетъ беззастѣнчивъ, какъ уличный грабитель, жаденъ, какъ приказный въ случаѣ, и не даетъ себѣ труда быть умнымъ.

Новый сановникъ въ такой же степени не вѣрить въ прочность и необходимость режима, которому онъ служить, въ какой старый вѣриль. У старого не было перспективъ, было же — вѣчно-дляющееся мгновеніе настоящаго, которое слѣдовало ловить, ловить. У новаго тоже нѣтъ перспективъ, но нѣтъ и настоящаго въ его прелести; чѣмъ болѣе онъ тупъ и своекорыстенъ, тѣмъ больше пропастей и срывовъ чудится ему вокругъ. Вотъ-вотъ все рухнетъ и сорвется. При подобной готовности къ крушеніямъ душа нового сановника интенсивно поддѣльетъ, аппетиты же разгораются по-волчьи. Кто корыстнѣе, старый сановникъ или новый — про то знаютъ развѣ только въ аду, гдѣ корысть цѣнятъ наравнѣ съ предательствомъ. Но и тамъ нового сановника отсадятъ по дальше, не въ ряды звѣздной палаты, а въ кругъ первобытныхъ обжоръ, прижимистыхъ поповъ и склонныхъ къ kle-

ветъ журналистовъ. Кругъ, который даже на языкъ подземныхъ жителей зовется кругомъ недостигнутой человѣчности.

Почти не поддается передачѣ одна уличная встрѣча, а разсказать о ней надо.

Налетчики ограбили магазинъ на Арбатѣ. Пока они собирали добычу, кто-то изъ приказчиковъ метнуль гирей въ зеркальное окно; окно дало трещину. Приказчика ранили. Но уже неистово свистѣли милиціонеры. Домъ былъ окруженъ. Нѣсколькихъ налетчиковъ убили, другихъ арестовали.

Это происшествіе отдаленно прошло мимо меня. Строго говоря, я все видѣлъ и слышалъ, но нѣкто разсѣянный во мнѣ по расчету отвлекъ вниманіе сначала къ книжной витринѣ, потомъ къ стайкѣ голубей на углу Денежнаго переулка. Къ тому же солнце слѣпило глаза, и раздражающе дребезжали по арбатскимъ камнямъ пролетки.

Двѣ минуты спустя я шелъ по переулку. Вновь загремѣли пролетки — двѣ, одна за другой. На днѣ лежали по двое на каждой — убитые бандиты. Ноги свѣшивались, головы были откинуты, изъ ноздрей одного изъ нихъ капала кровь. Милиціонеръ сидѣлъ, умѣстивъ ноги и прикладъ ружья на груди верхняго изъ убитыхъ.

За пролетками двое вели шофера того автомобиля, на которомъ собрались на утекъ налетчики. Онъ былъ блѣденъ, дрожалъ крупной дрожью и молилъ. Молилъ — пустыми, вздорными, почти смѣшными во вздорности своей словами. Не было никакой надежды. Не стоило выбирать слова. Онъ зналъ это всѣмъ нутромъ своимъ. Но молить надо было — въ мольбахъ разрывались нити жизни — она выходила изъ него въ этихъ тщетныхъ мольбахъ.

А милиціонеры? Тѣ, что тряслись на пролеткахъ съ тѣлами, были унылы и устало равнодушны. Тѣ, что вели, дро-

жали, какъ и онъ, крупною дрожью — хотя и не тою дрожью, что его сотрясала. Заяцъ былъ онъ, а они — охотники.

Меня затошило душевною и физическою тошнотою. И уйти бы на край свѣта, и — смотрѣть, смотрѣть, ибо не смѣешь ты, не смѣете всѣ вы не знать этого. Это — иная, не наша жизнь. Тѣ, что грабятъ, и тѣ, что охраняютъ отъ грабежа. Вонъ оно что. Вонъ оно какое. — И въ лихорадкѣ, полубольной, побрель я дальше — за уголъ, еще за уголъ, еще.

А вечеромъ, когда полустерлись черты невѣдомаго, но столь реальнаго — реальнѣе другихъ, ибо въ немъ борьба, охота и смерть — тошнотворнаго міра, я думалъ, гипнотизируя себя:

— Все случайно, все бываетъ, надо быть готовымъ. Если бы довелось и тебѣ, какъ тому шоферу, итти по тѣмъ нагрѣтымъ апрѣльскимъ солнцемъ камнямъ, — не бойся, не ропщи, не говори объ ошибкѣ, не моли. Такъ надо. Это — революція.

Въ тотъ вечеръ мнѣ казалось, что я готовъ ко всему и спокоенъ. Но чередою пришелъ разсвѣтъ, начался новый день, и я понялъ, что мнимая готовность была отъ усталости, что снова кто-то расчетливый во мнѣ ввелъ меня въ заблужденіе, чтобы сберечь силы, что страшное — всегда страшно, и нѣтъ для него санкцій, и что жизнь дороже всего на свѣтѣ.

Б. съ семьей и С. уѣзжаютъ на Украину. И дальше, конечно, — на Западъ. Я говорю Б.:

— Хорошо, уѣдете, но здѣсь-то, дома, лучше отъ этого не станетъ?

— За то мы уцѣлѣемъ. Если бы вась новая власть не кормила, а гнала въ палки — вы бы тоже иначе разсуждали. Человѣкъ человѣку волкъ. Этому меня научила ваша революція.

— Научила? А когда цѣла была фабрика, розыпи, дача въ Кіевѣ — не знали?

— Не зналъ, честное слово. Такой порядокъ быль... естественный. Теперь — знаю.

— И соотвѣтственно — ?

— Соотвѣтственно.

Крупный типографъ К. Порученія отъ правительства. Румянъ, бодръ. Карманы набиты шеколадомъ.

— Держаться надо, держаться. Чтобы ихъ пересидѣть. Кто здоровъ останется — дѣль-то какихъ надѣлаетъ! Оттого родного отца не пожалѣю за жратву и на лѣкарство.

У Л. Я. Карпова. Рядъ крупныхъ дѣятелей Совѣта Народнаго Хозяйства. Ш., К., Г. То, что дѣлается въ народномъ хозяйствѣ — внѣ ихъ плана. Рѣчь о необходимости рѣзкихъ ударовъ въ началѣ и о практической осторожности на ходу. Х о з я й с т в е н н о с т ь , — которая ежедневно сталкивается съ безхозяйственностью политическихъ акцій, и отступаетъ.

Рѣзкая критика происходящаго. «Готтентотская мораль». Тонъ, который я давно уловилъ. Среди своихъ — просторъ сомнѣніямъ и неувѣренности. Лицомъ къ лицу съ чужими — маска побѣдительности. Военная психологія — опасность, маскировка — недостатокъ въ вѣрныхъ людяхъ — численная незначительность правящихъ группъ — двуличность на все готовой чиновничьей массы, цементируемой лишь незначительнымъ процентомъ представителей рабочаго класса — создаютъ стиль новой русской государственности. Широкое всенародное дѣло, и тутъ же повадка заговорщиковъ. Роль личныхъ связей въ революціи — старые, выросшіе въ подпольѣ, вдоль и поперекъ знающіе другъ друга товарищи.

Старые пріятели — К., Р., новые Б., М. По комиссаріатамъ. Устрашающее количество холоповъ. Вина на правя-

щихъ группахъ. Насколько верхи ихъ — думаютъ и пробуютъ и, поэтому, цѣнить независимое слово, настолько среднее ядро ихъ, сановники и полусановники посредничающіе между холопами и творческими верхами, органически не выносятъ независимости. Съ ихъ точки зрѣнія, лучше принанять холопа и продажную бездарность, чѣмъ впустить въ домъ независимаго союзника.

Ростъ и засилье чиновничества — симптомъ органическаго порока въ организації.

Въ распадающемся государствѣ дѣйствующія силы каждой волостной республики могутъ непосредственно вліять на жизнь. При преждевременномъ — подъ напоромъ обстоятельствъ — собираніи государства, когда нѣть еще ни одной застывшей формы, когда максимализмъ идеи враждебно сталкивается съ практическими заданіями — является потребность въ слѣпыхъ исполнителяхъ. Эта потребность — брешь въ революціи. Въ нее бросаются полки безразличныхъ или враждебныхъ наймитовъ, притягиваются себѣ подобныхъ и консолидируются въ злокачественную опухоль. Партійные верхи принимаютъ эту опухоль — за аппаратъ. Бюрократическимъ верхамъ — она удобна, ибо бездѣлье безопаснѣе дѣла.

Борьба на Украинѣ — съ нѣмцами. Крестьяне возстаютъ. Расправы — примѣненіе удушливыхъ газовъ. Водвореніе и охрана помѣщиковъ. Экзекуціи. Извѣстный полтавскій либералъ С. призвалъ нѣмецкій отрядъ для расправы и взысканія контрибуції съ крестьянъ. Первое нѣмцы выполнили, выполнить второе отказались.

Въ дни — 18 марта—28 мая 1871 года часто произносилось слово право. К. Мендесь писалъ: «я надѣюсь по

прежнему, что эта революція провозгласить дѣйствительно полезную и высокую идею». Ф. Піа, въ газетѣ «Коммуна»: «Власть, ничѣмъ не обязанная ни обаянію великихъ именъ, ни авторитету слова, ни престижу вождей, ни искусству партій, но обязанная всѣми своими достиженіями праву». Если бы слово это не было такъ безнадежно дискредитировано во время войны, вѣроятно, имъ злоупотребляли бы и у насъ. На самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о силѣ. Въ методахъ своихъ соціализмъ неизбѣжно является наслѣдникомъ деспотіи. Какъ формулировалъ это Ницше — so viel Staat wie mglich, что вызоветъ со временемъ реакцію подъ лозунгомъ — so wenig Staat wie mglich.

Близко, подъ лупою, разглядѣть серьезнѣйшія события личной жизни: они отвратительны. Рожденіе, ростъ, болѣзни, пробужденіе полового влеченія, первыя проявленія страсти, борьба за существованіе, паденія, старость, смерть — во всемъ ихъ реализмъ, въ плотскихъ деталяхъ, въ подноготной моральной и физической сложности — иного эпитета не подыскать. Не большее ли право на отвратительность деталей въ отправленіяхъ своихъ имѣеть государство, особенно же новое, срывающее съ себя трупныя пелены?

Май. — Москва.

Л. Шестовъ прочелъ въ «Знамени Труда» статью — мою же, безъ подписи — о томъ, что въ переходное время свобода печати невозможна.

— Что за нововременцы стали у васъ писать? — спросилъ онъ меня — и я слышалъ негодованіе въ его голосѣ.

Возражать не хотѣлось. Развѣ можно сомнѣваться въ правѣ на свободу слова и печати? И развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что всякая группа, политическая или соціальная, отмѣнить свободу печати, если она опасна дѣлу, которое она считаетъ всенароднымъ дѣломъ? Тутъ не спросятъ, нравится или не нравится. Расчетъ, сила.

Проглядѣль явленіе русскаго анархизма.¹ Идеалисты-теоретики, тупая паства и бандиты. Когда-нибудь это явленіе станетъ огромнымъ. Чѣмъ совершеннѣе государственная организація, тѣмъ неуклоннѣе будетъ накапливаться горючій матеріаль на этомъ южномъ полюсѣ общественности.

Ночью, въ типографіи, надъ версткою номера «Знамени Труда».

Метранпажъ говорить:

— Хотя бы разными шрифтами набирать — декреты, которые напоказъ, и декреты, которые для исполненія.

Наборщикъ И. И. смѣется:

— Да развѣ не всѣ для исполненія?

— Куда всѣ! На это и наверху не расчитываютъ. Декреты — на подобіе вѣнчанія жениха и невѣсты въ церкви. Платье бѣлое, цвѣты, а лиллу йя и да прильпятъ ся. Кажется на всю жизнь радости станетъ. А тамъ глядишь, тѣсто мѣсить надобно, работа, пьянство, колотушки, нищета, дѣтей рожать, да кого-нибудь Богъ къ себѣ заберетъ. Снести-то все можно, — только бы любовь была.

Не были озлоблены ни въ мартѣ ни въ октябрѣ рабочіе. Сознаніе единства цѣли и справедливости.

Крестьянство — длительно добродушно, вспышками жестоко. Страхъ обмана, чувство полуслѣпоты, множественность цѣлей, неотвлеченность правъ и справедливости, стихійный мятежъ противъ ига, противъ собственной нищеты и — разгулявшаяся жадность мѣщанина. Народничество прекрасно порывомъ — преобразовать эту жадность въ нѣчто высшее.

Жестока была солдатчина, уходившая отъ кнута и смерти. И не менѣе жестока, и вдобавокъ презрительна, была и есть — интеллигенція, бросившая кнутъ и тоже, въ своемъ родѣ, уходившая отъ смерти.

Пріѣхалъ крестьянинъ изъ имѣнія Х. Курской губерніи. Крестьяне зовутъ семью Х. на лѣто. Домъ разобранъ на бревна. Садъ запущенъ. Часть земли не вспахана.

У О. — Д. домъ — музей. Когда-то прадѣдъ и дѣдъ привезли изъ Италіи цѣлымъ обозомъ — картины, скульптуру,

много драгоценной резьбы по дереву. Картины частью увезены въ губернскій музей, частью погибли. Дерево пошло на хозяйство. Гдѣ закрываетъ щель въ хлѣву, гдѣ служить заслономъ у печки. Мнѣ вспомнилась Греція — чудесная Элевзина. Глиняныя стѣны хлѣвовъ держатся на корахъ храма Деметры. И поставлены коры лицами внутрь, въ глину, спинами наружу: поверхность спины ровнѣе и приличнѣе.

Въ имѣніи С. сгорѣлъ домъ, съ архивомъ и картинной галлереей, видавшими Пушкина. Надгробные памятники въ паркѣ опрокинуты и разбиты. Я видѣлъ С., семидесяти трехлѣтнюю старуху, какъ разъ въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о сожжениі дома. Она крѣпилась и все повторяла:

— Что домъ, когда вся Россія въ пожарѣ.

На Украинѣ земли имѣній польскихъ магнатовъ лежать необработанными. Не подъ силу. И война мѣшаетъ. Количество хлѣба въ странѣ падаетъ.

У Г. разорѣнъ образцовый фруктовый садъ. Крестьяне не могли его подѣлить и перессорились. Часть деревьевъ порублена, другіе зачервились, скоро одичаютъ. Скотъ ходитъ по саду, ломая вѣтви и уталтывая землю вокругъ корней.

Въ имѣніяхъ гр. П. въ Волынской губерніи, у Г. въ Псковской губерніи, вблизи знаменитой С. въ Киевской губерніи порѣзанъ племенной скотъ, загнаны лошади, сожжены оранжереи, дичаютъ огороды и фруктовые сады.

Хорошо? Нѣтъ, худо. Но откуда же крестьянину знать цѣну предметамъ — онъ никогда не владѣлъ ими, а въ имѣніяхъ на его голодный глазъ, ихъ было слишкомъ много. Кулакъ, богатѣй, шинкарь — уже научился беречь; бѣднякъ же не умѣетъ. Какъ варваръ, растаскиваетъ онъ чужія сокровища, не потому, что они ему нужны, а потому, что они — предметы. Испорченный фильтръ, фисгармонія, изразцы отъ разобранной узорной

печки, статуэтка, часы, глобусъ — покоятся въ столь же, какъ и раньше бѣдныхъ избахъ, ожидая фантастического какого-нибудь примѣненія. Частью гибнутъ. Не жаль? Нѣтъ, очень жаль. Но то, что предметы гибнутъ, не означаетъ, что слѣдуетъ возвратиться къ временамъ господъ, имѣній, черкесской стражи и гнуящихъ спины крестьянъ, для которыхъ существовалъ особый судь и особая паспортная система. Дѣло сдѣлано. Послѣдствія же надо нести.

Вечеръ и поль ночи — у С. Н. Булгакова. Онъ вносить въ религіозность дурные навыки двойного профессорства: профессора политической экономіи и профессора протестантской теологии. Ограниченніе мистического переживанія — дурной цѣлесообразностью.

Возможно, что соціальная борьба призвана замѣнить войну между народами — этотъ вѣчный, по Ницше, источникъ обновленія культуры. Война выродилась — ибо механизирована снизу до верху. Соціальная борьба переняла у войны ея добродѣтели — «jene rauhe Energie des Feldlagers, jenen tiefen unpersönlichen Hass, jene Mörder-Kaltblütigkeit mit gutem Gewissen, jene gemeinsame organisierende Glut in der Vernichtung des Feindes, jene stolze Gleichgültigkeit gegen grosse Verluste, gegen das eigene Dasein und das der Befreundeten, jenes dumpfe erdbebenhafte Erschüttern der Seele...

Основною добродѣтелью войны стало — сознаніе братства трудящихся. Основною добродѣтелью мира — непримиримость.

«Сумма частныхъ проявлений лѣни даетъ такъ называемое общественное мнѣніе». Никто не хочетъ перестраивать жизнь — одни общественные низы. Лѣнь и страхъ временной необеспеченности. Послѣдняя же все равно неизбѣжна.

Механизированіе въ теоріи. На практикѣ — необычайное усиленіе волевого начала.

Июнь. Москва.

Въ частномъ домѣ читали стихи — современныхъ поэтовъ о современности. Читали люди неизвѣстные, любители. А пьесы принадлежали большимъ поэтамъ — тѣмъ, кого въ интеллигентномъ обществѣ знаютъ всѣ. Пьесы были, какъ на подборъ: хорошо написанныя, рѣзкія, злые, и всѣ о послѣ октябряськомъ строѣ. Особенно выдѣлялись ядовитыя строфы одного поэта, которому казалось, что онъ говоритъ самое послѣднее, самое глубокое слово о происходящемъ.

Онъ сравнивалъ современныхъ дѣятелей съ декабристами. Конечно, декарбисты казались ему святыми, нынѣшніе — негодяями. Онъ разсказывалъ о томъ, что интеллигентные, образованные и любящіе свободу люди брошены въ подполье и связаны по рукамъ и ногамъ. Говорилъ объ убийствахъ, о грабежахъ, о «матросскихъ плевкахъ». Самочувствіе оскорблennаго, выбитаго изъ колеи человѣка было передано вѣрно. Видимая бѣзцѣльность происходящаго была выдвинута на первый планъ.

Когда чтеніе стиховъ было окончено, всѣ на перебой начали рассказывать разные ужасы, происходящіе въ странѣ и въ городѣ. Ужасы были дѣйствительные, люди, говорившіе о

нихъ не лгуны, возразить на дѣйствительные случаи было нечего. Но чѣмъ гуще накладывались краски — тѣмъ легче становилось ихъ нести. Точно смрадъ страховъ самъ себя убивалъ, точно холодный сквозной вѣтеръ прошелся по комнатѣ. И не только мелкая хроника грабежей и государственныхъ неустройствъ оказалась вдругъ преодолѣнной, но великое уничтоженіе государства и большая боль поэта.

Что же произошло со слушателями? Вотъ что: за покровомъ дурной и тлѣнной обыденности они почуяли дыханіе вѣчной преобразующей силы. Если существуетъ эта сила, то нѣтъ страшныхъ частностей. Или вѣрнѣе ихъ нѣтъ въ той плоскости общественнаго дѣланія, въ какой ихъ рассматривалъ преклоняющійся передъ декабристами поэтъ. Если же частности существуютъ реально, и преобразующей силы за ними нѣтъ, если, стало быть, все происходящее въ общественности надо перевести изъ плоскости соборнаго дѣланія въ плоскость личнаго совершенства — тогда и декабристы не святые, а лишь преступники помельче, и христіанскіе праведники, къ которымъ тяготѣть поэтъ, — проходимцы съ дурною нравственностью, и всѣ историческая движенія — не цѣльны, и слѣплены изъ безсвязныхъ метаний слѣпыхъ жертвъ рока. Ибо среди революціонеровъ, мучениковъ и новаторовъ-еретиковъ всегда бывали и мелкіе люди, и грѣшники, и человѣколюбцы; ибо всегда историческая движенія шли въ разрѣзъ съ частными желаніями и вкусами; всегда требовали жертвъ и казались непонятными — современникамъ и дурными — слоямъ, обреченнымъ на гибель. Не слѣдуетъ пытаться произвести измѣреніе несоизмѣримыхъ величинъ.

Вспомнился Верхарнъ, его «Зори», его «Возстаніе» и «Толпа». Вотъ поэтъ — связанный съ культурою болѣе кровными узами, чѣмъ язвительные и во многомъ, съ европейской точки зрѣнія, еще «дикіе» русскіе поэты. Верхарнъ не ищетъ въ дѣлахъ возставшей толпы ни цѣлесообразности, ни плана, ни ясно очерченныхъ граней. «Толпа разъярен-

ная черни бездомной — какъ море», но отъ валовъ этого моря —

Я горю, мое сердце встревожено

Словно расширено, словно размножено.

Поэты русскіе, тѣ, что такъ прилежны въ хуленіи, и вы горите? Ваши сердца расширены? Вспомните, Пушкинъ и Тютчевъ говорили о расширенномъ сердцѣ, какъ о сердцѣ вдохновенномъ.

Верхарнъ говоритъ о безумьѣ, о мщенніи; о томъ, что падаетъ всякий расчетъ; о томъ, что только чутается что-то и нѣтъ осознанной цѣли и мысли глубокой.

Поэты русскіе, вы становитесь расчетливы, боитесь убытокъ? Не сказалъ ли одинъ изъ васъ: «звуковъ хотимъ, но созвучій боимся, празднымъ желаніемъ предѣловъ томимся» (З. Гиппіусъ). Не жаловался ли другой: «мы плѣненные звѣри, голосимъ, какъ умѣемъ, глухо заперты двери, мы открыть ихъ не смѣемъ» (Ѳ. Сологубъ). Не призывалъ ли третій: «гдѣ вы, грядущіе гунны, что тучей повисли надъ міромъ, слышу вашъ топотъ чугунный по еще не открытымъ Памирамъ» (В. Брюсовъ). «Чтобъ разбудить раба, его я раню болѣно, хоть самъ душой нѣжнѣй рѣчного тростника» — напѣвалъ десять лѣтъ тому назадъ Бальмонтъ. Кто же теперь — рабъ? Кто раненъ и въ чьей рукѣ ножъ? И что вы можете противопоставить верхарновскому — «чутается властная мощь у мгновенья и къ созиданію и къ разрушеннію?»

Легко говорить о мощи созиданія и разрушенія; поднять ихъ — кости трещатъ.

Вѣдь надо дать себѣ отчетъ: революціонная фразеология, попытки отбросить въ сторону тягости и преступленія разрушительныхъ эпохъ такъ же понижаютъ культуру, какъ

легкомысленное или корыстно-злобное отношение къ этимъ эпохамъ.

Вожди и агитаторы имѣютъ право молчать о тѣняхъ и усиливать свѣты въ своихъ рѣчахъ и предсказаніяхъ: воля ихъ направлена къ побѣдѣ и недоговаривать всю правду подчасъ приходится ради экономіи силъ. Но самосознаніе эпохи должно нести печать трагического. И тотъ, кто говоритъ — все хорошо — говоритъ иногда затѣмъ, чтобы легче было нести тяжелую ношу. Все хорошо обязательно — въ области мучительного и проблематического. Побѣда же революціи — одна изъ величайшихъ проблемъ исторіи. Революціи всегда побѣждаютъ — но не въ той мѣрѣ, въ какой ждутъ зачинатели ихъ; революціонныя побѣды реализуются въ живыхъ, пышно разростающихся формахъ — но не въ тѣхъ, о какихъ мечтаютъ зачинатели. Революціонные эпохи трагичны, хотя и по разному, и для побѣдителей и для побѣженныхъ. Кладбища культуры все-таки кладбища, а не залы комедійного театра. Задачи же новаго со-зиданія такъ велики, что каждый мѣсяцъ жизни созидателей гонитъ ихъ назадъ и назадъ отъ позицій авангарда.

То, что очень немногіе знаютъ: скромность вождей революціи. Слова: опытъ; быть можетъ, если мы не погибнемъ; руководители будущей революціи исправятъ наши ошибки.

Декреты — вѣхи. Вѣхи должны быть высоки и пріимѣтны. Въ нихъ — поискъ чистыхъ формъ, а не самоувѣренность.

Упорство борьбы на фронтахъ увеличилось. Быль у меня В. А. К. — поговорить о конспиративной квартирѣ на слу-

чай катастрофы. Послѣ октября никакія конспиративныя квартиры не помогутъ, всѣ мы — мѣченныя.

— Ваши связи въ буржуазномъ мірѣ — спрашиваетъ К.

— Порваны, конечно.

— Можетъ-быть, литераторы? Или какое-нибудь имѣнья-ице подъ Москвой? Въ рабочіе, напримѣръ, наняться?

Я недоумѣнно гляжу на него. Мы оба начинаемъ смѣяться.

— Плохо? — спрашиваетъ онъ меня, сузивъ по кошачьи глазки.

— Да чего лучше. Такъ выстригли жизнь, что и скрыться негдѣ. Ни кустика.

— Да, на плѣшь похоже стало, — соглашается К., прощаясь. — Ничего, поживаемъ — отрастетъ. А мы-то еще поживемъ, — убѣжденно говоритъ онъ. Онъ не хмуръ, но очень серіозенъ.

Прѣѣхалъ изъ Петербурга К. А. Эрбергъ. Стихи его. Новый трудъ — объ эстетикѣ. Исходаль еще больше; благородны тонкія очертанія лица и слабый, слегка вялый голосъ. Онъ тоже изъ тѣхъ, что выбрали себѣ право на безвластіе. Въ стихахъ его — воля къ свободѣ, воля къ сопротивленію законамъ природы, воля къ страданію при отрицаніи этого же страданія. Юношеская нѣжность — въ схемахъ Эрберга, въ шутливомъ эстетствѣ. Онъ прикрываетъ мыслительною сухостью. Сгорающій Блокъ и нѣжный Эрбергъ уловили музыкальное начало революціи. И никогда не передадутъ въ словахъ того, что слышать, когда —

Настанетъ ночь и звучными волнами

Стихія бѣть о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудить насть и проситъ,

Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ,

Приливъ растетъ и быстро нась уносить
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены...

Я знаю, что Тютчевъ писалъ не о революціи. Онъ умѣлъ видѣть космическое лишь въ природномъ. Русская литература слѣдовала за нимъ, несмотря на возраженія «Войны и Мира» и карамазовщины. Но вотъ случилось «возстаніе рабовъ». Оно осуществило больше, чѣмъ смѣли мечтать Л. Толстой и Достоевскій. Оказалось, что не только природное, не только личное въ глубинахъ своихъ, но и общество-человѣческое — космично и четырехмѣрно. Въ эти мѣсяцы природа какъ бы отодвинулась отъ нась. Разъ вдыхалъ я сладкий запахъ распускающихся тополей у бѣлой церкви на Левшинскомъ, разъ радовался хору стройныхъ сosenъ въ Серебряномъ бору подъ Москвой-рѣкой, разъ заглядѣлся на стрижей изъ окна и — ушелъ въ озабоченность человѣческимъ. Оно детальнѣе, концентрированнѣе, мучительнѣе и — оно не успокаиваетъ. Оттого-то и Блокъ и Эрбергъ строятъ свое творчество на контрастахъ. Оттого-то они усиленіемъ контрастовъ разрушаютъ литературу.

Шестовъ говорилъ:

— Нельзя все валить на стихію. Нельзя желать ея. Тяжелая болѣзнь можетъ принести человѣку благо, но никто не желаетъ болѣзни...

Приблизительно въ тѣ же дни рабочій-анархистъ говорилъ:

— Мы — здоровье міра, они — болѣзнь его. Зачѣмъ же міру болѣзнь! Отъ нихъ — неравенство, зависть, система униженія девяти десятыхъ человѣчества. Говорять, — нашъ терроръ преступенъ. Но — ихъ терроръ? Ихъ терроръ — медленный, замаскированный, вѣковой. Жертвы его неисчислимы. Онъ проникаетъ до мозга костей, сжимаетъ умъ нашъ, коверкаетъ совѣсть, убиваетъ поль, дѣлаетъ насъ жадными. И онъ никогда не прекратится, пока власть у нихъ въ рукахъ. Нашъ терроръ — страшный, но быстрый. Онъ не система, онъ — случайность. У нихъ есть исходъ — къ намъ. У насъ — когда они у власти — нѣть никакого исхода.

Положеніе, видимо, серіозное. Декретъ о комитетахъ бѣдноты — который не можетъ не разбиться о круговую по-руку мелкихъ собственниковъ. Отряды рабочихъ въ деревню — для сбора излишковъ. Подготовки возстаній въ центрѣ Россіи и на сѣверо-востокѣ. Пріемы власти неизбѣжно грубѣютъ отъ этихъ взрывовъ. Хмеля революціи все меньше, строгости — такъ много, что, кажется, старѣешь отъ недѣли къ недѣлѣ.

Были С. Д. М. и Т. говорить объ устройствѣ квартиры, о пересадкѣ ихъ въ другую, имъ незнакомую среду, — о приготовленіяхъ на случай какой-нибудь катастрофы. Впервые послѣ нѣмецкой угрозы Петрограду опасенія, что все можетъ рухнуть. Но реакція на опасенія не прежняя, не петербургская. Приходятъ бодрыя и совсѣмъ новая мысли:

— Что в се можетъ погибнуть? Власть? Для того и существуетъ революціонная власть, чтобы погибнуть и возрождаться. Люди? Но они шли на это. Землю отберутъ у крестьянъ? Пусть попробуютъ. Вся Русь встанетъ, и не новая, а старая, упорная, крестьянская, неорганизованная. Рабочее законодательство? Соціализированная промышленность? Все это опыты. Можно и съ начала начать, можно

и передѣлать. За то — какія перспективы открываетъ реставрація! Сколько масокъ и масочекъ упадетъ... Сколько погибнетъ ультра-революціонныхъ репутаций... Сколько негодяевъ откроется и въ нѣдрахъ и на выставкахъ...

У М. О. Гершензона. Историкъ — и тонкій — который хочетъ стать философомъ, лирикомъ. Лирическое начало вошло въ эпосъ. А. Бѣлый, С. Есенинъ, Н. Клюевъ даютъ полулирику, полуэпосъ.

Гершензонъ видѣтъ неизбѣжность происходящаго. Но формы онъ хотѣлъ бы декретировать другія. О цѣломъ почти не говоритъ. Много сердится за частности.

Шестовъ проходитъ мимо исторіи. Гершенzonъ деспотически судитъ ее. Шестовъ — такой не-идиллическій въ философіи — здѣсь склоненъ къ идилліи. Онъ и раньше проходилъ мимо несчастій быта только потому, что кровь не брызгала ему въ глаза, какъ она брызнула сейчасъ. Шестовъ видѣлъ личное, но не видѣлъ массового. У Гершензона есть пониманіе массового но не въ настоящемъ, а въ прошломъ, когда оно обовьется вокругъ отдѣльныхъ личностей и обогатить ихъ застывшими обломками исторической лавы. Но Гершенzonъ твердо знаетъ, что судьба «жертвъ искупительныхъ проситъ», и, можетъ быть, потому такъ упорно молчитъ о цѣломъ.

Гершенzonъ въ современности — непокладливый ворчунъ, но не противникъ. Шестовъ — противникъ. Но не потому, что онъ взошелъ на библейскія высоты. Чувство рока посѣтило только писателей, впавшихъ въ огневую купель октября. Послѣ нея возможно недѣланіе, экстатическая пѣсни Есенина и Бѣлага, полныя горечи міровыхъ и личныхъ катастрофъ постиженія Блока, гимны народу Клюева, смиреніе, отшельничество, отказъ отъ литературы — возможно все, что угодно, но только не утвержденіе правды въ

полуудиллическихъ, полуприковенныхъ грѣхахъ прошлого и не раздражительное супротивничество.

— Я не выношу насилия, — говоритъ Шестовъ. Я вижу какъ онъ думаетъ, мучается и не спитъ по ночамъ. Но во мнѣ нѣтъ сочувствія, и я холодно спрашиваю:

— Какъ же выносили вы его раньше? Отчего вы не кричали такъ, какъ теперь кричите? Отчего вы молчали во время войны?

Онъ считаетъ, что и раньше не выносиль насилия. Большль безправиемъ еврейства, и, страстно любя Россію, скитался по ней, какъ изгой. Война состарила его. Но для меня все это — не то; у него нѣтъ отвращенія къ предательской современной культурѣ въ ея цѣломъ, онъ не знаетъ того, что любыя преступленія лучше сохраненія ея подлаго позолоченного быта.

Онъ говоритъ о правахъ, о с о и хъ правахъ. А по мнѣ сейчась о правахъ надо молчать, правъ нѣтъ, и все равно, какія у него могутъ быть и есть права. Я знаю, что такое революція. Раньше всего, забвеніе всякихъ правъ — право забвенія правъ. Ибо восходятъ новыя права — которые не только закрѣпить, но и назвать не легко. И я считаю, что мы должны быть готовы ко всему. Если бы меня оскорбили и прогнали отъ того станка, за которымъ я стою — я долженъ спокойно переждать, встряхнуться и стать за другой станокъ, не ожидая ни похвалы ни отличія.

Июль. Москва.

«Отчаяніе» Андрея Бѣлого написано въ 1908 году; «Родина» въ 1917 году; «Христосъ Воскресе» въ 1918 году. Интонаціи различны, но тема одна: сожженіе коснаго, распыленіе коснаго.

Когда для Андрея Бѣлого наступаетъ успокоеніе, онъ, вѣроятно, перестаетъ быть — согласно съ вихревой гипотезой о сущности матеріи. Движется, слѣдовательно — существуетъ. И не просто движется. Взлетаетъ, разрывается, распыляется. Если измѣрять пространства по Мережковскому, онъ пылитъ и въ безднѣ нижней и въ безднѣ верхней.

Въ «Отчаяніи»:

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея,
Исчезни въ пространство, исчезни
Россія, Россія моя.

Въ «Родинѣ»:

Не плачьте: склоните колѣни
Туда, въ ураганы огней,

Въ грома серафическихъ пѣній,
Въ потоки космическихъ дней.

Что бы ни было дано Андрею Бѣлому, міръ, идея, Россія, самъ онъ, Андрей Бѣлый, — онъ не пріемлетъ статики данного. То, что уже есть, не нужно, не вкусно, Андрей Бѣлый ходить въ кругу, какъ хлыстъ, и заставляетъ кружить все, что знаетъ, все, что любитъ — міръ, идеи, Россію. Пуще круженіе, растетъ инерція, огневое ядро явленія занимаетъ фосфорически-бурно — и разлетается прахомъ, что бы гдѣ-то въ пространствахъ слиться со свѣтоносною сферою высшаго порядка.

Я знаю: огромная атмосфера
Сіяніемъ
Опускается
На каждого изъ насъ, —
Перегорающимъ страданіемъ
Вѣка
Омолнится голова
Каждаго человѣка...

У Блока — «двѣнадцать», «міровой пожаръ», «вѣтеръ на всемъ Божьемъ свѣтѣ» — частности складываются въ стремящееся въ вихряхъ цѣлое, которое можетъ быть преображенено, но не распылено. Поэтому и миѳ о воскресеніи Блокъ береть не въ оторванности своей, какъ воскресеніе единственнаго, замкнутаго въ себѣ явленія богочеловѣка, а какъ одно изъзвѣньевъ воскресенія космоса, какъ огромнаго напряженія зажигающей символической актъ внутри этого космоса. Бѣлый быстро минуетъ «перегорающее страданіе вѣка» и фиксируетъ омолненную «голову каждаго человѣка». Пылинка отталкивается отъ пылинки, соборнымъ быль только первый шагъ — преодолѣніе данного. Дальше головокружительный индивидуализмъ, летящій, летящій отъ звѣзды къ звѣздѣ, отъ схемы къ схемѣ.

Когда я вижу Бѣлаго — я вѣрю только его волѣ къ сожженію и распыленію коснаго. Въ этомъ его очарованіе. Это — даетъ ему стиль. Оттого у него неловко разставленные локти, наклонъ тѣла впередъ, улетающіе отъ черепа волосы, фосфорическій блескъ въ глазахъ. Отсюда — вся манера читать, ладъ стихотвореній, оккультность романовъ. Но схемы Бѣлага — безразличны. Онъ залетаетъ на звѣзду, какъ путникъ въ гостиницу, — на ночлегъ, пообѣдать, записать, что надумалось. Штейнеръ соблазнилъ его — эклектизмомъ. Вкуса у Андрея Бѣлага, меныше чѣмъ таланта. Онъ слишкомъ легко нарекаетъ свои гостиницы — Іерусалимами и медлить съ ними разстаться. Летѣть — такъ летѣть, пятачами вверхъ. Этого — А. Бѣлыи стѣсняется, и портить собственный стиль.

На дняхъ, у Шестова, Бѣлыи говорилъ о совѣтахъ, какъ о началѣ радостной соборности. Ивановъ-Разумникъ — о максимализмѣ, о самосожженіи революціи — Бѣлыи поддерживалъ. Я — о строительствѣ, о долгѣ, — онъ былъ моимъ союзникомъ. Въ чужихъ и своихъ мысляхъ онъ видѣть не отображенія происходящаго въ маломъ и въ большомъ мірѣ, а пристани отъ которыхъ легче всего отплыть, трамплины для разбѣга и прыжка, поводы проявить еще разъ свою безудержную протейность. Я всегда вѣрю уходящему А. Бѣлому, но не вѣрю ни тому, который приходитъ къ данной формѣ, ни тому, который въ ней временно пребываетъ. О Блокѣ говорять, что онъ сгорѣлъ. Эрбергъ истончился до крайности. Ивановъ-Разумникъ на моихъ глазахъ уходитъ отъ позитивнаго народничества къ самосожиганію, къ революціонной «марійности», къ духовному максимализму. Клюевъ и Есенинъ втягиваются, какъ въ водоворотъ, на самое дно революціи, благодаря своему миѳотворчеству.

Три огненныхъ дуба на пупѣ земномъ,
Отъ нихъ мы три желудя — солнца возьмемъ:
Лазоревымъ — облачный хвостъ спалимъ,

Павлинъимъ — грядущаго даль озаримъ,
А красное солнце — миллионами рукъ
Подымемъ надъ міромъ. печали и мукъ.
Пылающій китъ взбороздить океанъ,
Звонарь преисподній ударить въ Монбланъ,
То — колоколь нашъ — непомѣрный языкъ,
Изъ рѣкъ бичеву свиль Архангеловъ ликъ.
На каменный зыкъ отзовутся міры,
И демоны выйдутъ изъ адской норы,
Въ потиръ отольются металловъ пласти,
Чтобъ солнца вкусили народы — Христы.
Мы — рать солнцесцевъ, на пупъ земномъ
Воздвигнемъ стобашенный, пламенный домъ,
Китай и Европа, и Съверъ, и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороводомъ подругъ,
Чтобъ Бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать
Имъ Богъ — Воспреемникъ, Россія — же мать.

Клюевъ остановится раньше, Есенинъ дальше учителя уйдетъ въ хаосъ, нестроенія, преступленіе. Но основной тонъ заданъ для всѣхъ — кромѣ индивидуалистического А. Бѣлаго — и заданъ не по сознательному выбору, а по со впаденію: принять роковое, какъ бы оно не жгло, какъ бы ни ломало — какъ радость. Ибо придумать можно и болѣе чистая и болѣе стройная радости чѣмъ тѣ, которыми мы нынѣ живемъ. Желать можно и другихъ высотъ. Надѣяться на совершенствованіе дѣйствительности никому не заказано. Но въ дѣйствительности дано намъ было только одно — то, что есть. Отъ него некуда уйти.

Четвертаго и пятаго юля работа въ редакціи «Знамени Труда» шла, какъ всегда. Можетъ быть, менѣе, чѣмъ обыч-

но, было на лицо членовъ редакціи. Это было понятно: начинался очередной Съездъ совѣтовъ.

Пятаго іюля, сговорившись съ выпускавшей номеръ С. П. Мстиславской о встрѣчѣ въ ночной редакціи, я шелъ домой по Денежному мимо дома Берга, гдѣ помѣщается германское посольство. У крыльца стоялъ необычный для этого дома простой открытый автомобиль, украшенный двумя зелеными вѣтками. Не отошелъ я и двухъ минутъ отъ дома Берга, какъ позади раздался глухой волнующій ударъ. Медленно пошелъ я обратно къ посольству — это мѣсто вообще было чѣмъ-то непріятно. И домъ, и рѣшетка, и стражи.

Быстро проѣхалъ автомобиль съ вѣтками. Переулокъ быль по прежнему пустыненъ. И вдругъ изъ воротъ выбѣжали двое — возбужденно говорящій въ пространство нѣмецъ и красногвардеецъ съ ружьемъ. Увидавъ меня, они двинулись ко мнѣ. Я быстро пошелъ имъ навстрѣчу, они же — прочь отъ меня.

— Убить Мирбахъ, — подумалъ я. Но кѣмъ. Еще часа полтора въ городѣ было спокойно. Я заѣхалъ въ редакцію — часть быль поздній, пустота. На обратномъ пути увидѣлъ уже на углу Арбата и Денежнаго посты. Промчался черный блестящій автомобиль по Денежному — за нимъ громыхали грузовики, переполненные солдатами. Прилегающіе къ Денежному переулки были забиты тупою, испуганною толпою. Говорили объ одномъ: убить Мирбахъ. Ни радости, ни коментарій. Я не ошибусь, если скажу, что городской толпѣ нѣмцы внушали страхъ, здѣсь никто не хотѣлъ новой войны съ ними.

Ночью не спалось. На зарѣ тихонько заговорили московскіе колокола — вполноголоса, важно, медленно, протяжно гудѣла старая мѣдь; розовѣль востокъ; стрижи чертили круги надъ куполами бѣлой церкви на Левшинской въ раскрытое окно тянуло свѣжестью и запахомъ тополей; городъ

быть безмолвенъ; черезъ три дома лежалъ убитый Мирбахъ; дремалъ красный флагъ надъ Кремлемъ — забуду видѣнное, забуду слышанное, забуду мысли свои, но этого ранняго совѣта столѣтнихъ колоколовъ московскихъ — не забуду. Днемъ я ушелъ въ Серебряный Боръ: тяжело томила неясность городскихъ событий. Прошла недѣля, двѣ. И до сихъ поръ я не знаю, что случилось въ тѣ дни въ городѣ. Быть убитъ гр. Мирбахъ — это точно. Но остальное. Въ возстаніе я не вѣрю. Ибо Александровичъ, умирая сказалъ: «Да здравствуетъ власть совѣтовъ». Изъ устъ въ уста передавались его слова. Имъ радовались не только революціонеры, но и обыватели: люди любятъ, чтобы и въ смерти сохранялся стиль эпохи. Въ сохраненіи стиля хоть нѣчто разрѣшающее.

Въ позапрошломъ году на Кавказѣ я много писалъ. Приготовилъ переводъ Рабле. Закончилъ книгу о Лѣвѣ Толстомъ и справочный указатель темъ у Толстого. Подготовилъ къ печати книгу очерковъ о Монтэнѣ, Ницше, Достоевскомъ и Шестовѣ — о разрушителяхъ по совѣсти и по вѣрѣ. Отъѣзду на сѣверъ былъ внезапенъ,ѣхать пришлось налегкѣ, рукописи остались въ Криницѣ. Я просилъ прислать ихъ, или привезти.

Мѣсяцъ тому назадъ я узналъ, что рукописи привезетъ Л. Прошли недѣли — Л. не было. Сегодня извѣстіе — возвратился въ Криницу, въ Ростовѣ былъ обстрѣленъ его поѣздъ погибли вещи и мой чемоданъ съ бумагами. Почти шесть лѣтъ труда. Кромѣ законченного, юенскіе и берлинскіе наброски о Лютерѣ, отдѣльныя главы о Гейне, рукописный словарь къ Рабле, и груды замѣтокъ, которыми писатель дорожитъ иногда больше, чѣмъ законченными книгами.

Я прочелъ письмо и ждалъ — ничего не шевельнулось въ груди, сердце билось ровно. Наша жизнь такъ полна и тревожна, что въ ней нѣть мѣста сожалѣніямъ.

Августъ. — Москва.

Библіотекарь изъ Нижняго. Восхищенъ обиліемъ революціонной литературы. Коллекціонеръ. По его мысли, революціі отражаются только на литературѣ. Основы жизни не мѣняются.

Маяковскій нашелъ слово. Только тотъ, кто «в с е г о
с е б я в ы т р я с ъ» —

Достоинъ

Новыхъ дней принять причастіе.

На рынкахъ. Крестьяне, матросы и потемнѣвшія отъ обиды лица баръ. Продаютъ бѣлье, бронзу, шелка, часы. Униженіе — и голодъ воочію. Вещи просачиваются въ деревню. Крестьяне начинаютъ за ними охотиться. Новая страсть. Культура?

Тошнить отъ воблы. Голодъ. Вмѣсто масла — подсолнечное, какао, рыбій жиръ, пережаренная съ лукомъ кастрюка.

Профессоръ Г. прячетъ банку какао отъ брата больного язвою желудка. У Р. родители в е с е л о голодаютъ чтобы не смущать дѣтей. Полувзрослыя дѣти участвуютъ въ тру-дѣ, но не участвуютъ въ голодѣ.

Вчера были гости. Ёда показалась вкусной, — особое оживленіе насытившихся, обогрѣвшихся людей. А когда сообразили: — лошадиная нога на коноплянномъ маслѣ и пирожки изъ картофельной шелухи, сладковатой морковки и свеклы.

Въ «Метрополь». У Л. Я. Карпова. Въ государственномъ издательствѣ — съ В. Брюсовымъ, В. В. Вересаевымъ и И. Грабаремъ. Въ московскомъ отдѣлѣ народнаго просвѣщенія. Лихорадочная съ перебоями работа. Театръ, просвѣщеніе, агитационные пункты, новыя школы — шалый ростъ, сочетаніе широты и фанатизма. Тоже — въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ. Усиливающееся вліяніе государства, которое позволяетъ строить планы, но затрудняетъ осуществленіе. Война, заговоры, голодъ, потеря Волги, неустойчивость на Западѣ, недостатокъ рессурсовъ, изоляція правящей группы — трудно придумать болѣе тяжелыя условія. Для временъ грядущихъ — сказка о роли личности въ исторіи, разсказанная устами историческихъ материалистовъ.

Противники говорятъ, что классовая борьба презрѣнна: братоубийство. Но — понявшиѣ это пусть первыми положать оружіе.

Паскаль, французъ, приватъ-доцентъ Ліонскаго университета. Познакомился съ нимъ у Аскольдовыхъ. Говорить по русски, превосходно знать русскую литературу, наивно-печаленъ, какъ это бываетъ у хорошихъ французовъ.

Былъ членомъ французской военной миссіи. Теперь — большевикъ, хотя и правовѣрный католикъ. У Паскаля страсть къ централизації, создаваемой на почвѣ духовныхъ отличій. Во главѣ — орденъ, каста, церковь. Паскаль находитъ эти черты въ новой российской государственности. «Католическое начало» въ совѣтской власти.

Прѣхалъ съ Урала мальчикъ — ни за чѣмъ. Такихъ много слоняется теперь на Руси великой. Съ юга на сѣверъ везеть, минуя всѣ заставы, листовой табакъ. Съ сѣвера на югъ — кожу для подметокъ и сахаръ.

Разсказываетъ о звѣрствахъ бѣлыхъ. Голубоглазый, не разучился улыбаться.

— Все хорошо, только бы не война, — «все хорошо» сказано по старчески. — И чего имъ? Поставить за плугъ — поймутъ. Отецъ мой, дѣячекъ, ушелъ съ бѣлыми, меня оставилъ домъ стеречь. Поголодаль я, пошелъ къ сосѣдямъ на работу. Потомъ думаю: зачѣмъ мнѣ домъ, безъ отца-то? Былъ въ Казани. Внизъ по Волгѣ на пароходѣ бѣгалъ — едва ледъ прошелъ, большая Волга, эхъ, большая. До Нижнаго дошелъ пѣшкомъ. Обносился. Спасибо, дали въ Нижнемъ пару сапогъ, штаны и портняки. Послужу въ Москвѣ, море теплое еще посмотреть хочу, а то — назадъ. Лучше Пермской губерніи нѣту...

Докторъ Н. беззастѣнчиво говорилъ:

— Мобилизуютъ, уйду на передовыя позиціи и передамся — не хочу быть въ красныхъ.

Былъ убитъ на фронтѣ бѣлыми. Говорятъ, жестоко отъ нихъ отбивался. Что произошло съ нимъ? Или, просто, не повѣрили?

Учителя медленно становятся на работу. На дняхъ сидѣль въ кабинетъ завѣдующаго отдѣломъ единой школы В. М. Познера. Приходитъ учительница — тяжелая, съ черными бровями — гусеницами, вальяжная, съ лѣнивыми, умными, черными глазами и лѣнивымъ баскомъ. Въ глазахъ усмѣшка — надѣ собственнымъ положенiemъ.

- Что вамъ?
- Мнѣ бы мѣсто.
- Служили?
- Въ Н-ской гимназіи.
- А теперь?
- Пауза.
- Теперь — съ растяжечкой — саботажница.
- Что же, передумали?
- Да-а, передумала. И ёсть нечего.

Адвокатъ В. Могъ бы стать народнымъ судьею. На чёмъ свѣтъ стоитъ бранитъ народные суды — а самъ спекулируетъ харьковскими леденцами, халвою и сахаромъ.

Благородную формулу слушенія, занесенную Э. Реклю въ дневникъ въ дни парижской Коммуны, никто нынѣ въ Россіи не повторилъ и не создалъ за-ново.

Реклю не былъ ни среди дѣйствующихъ, ни среди ихъ до-вѣренныхъ. Онъ называлъ себя «термометромъ, по-вшеннымъ въ углу». Этотъ термометръ 4-го мая отмѣчаетъ: «Я далекъ отъ восхищенія Коммуной. Я часто даже браню ее, хотя не подозрѣваю, должно быть, о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми ей приходится бороться. Иногда я упрекаю ее за то, что она заходитъ слишкомъ далеко, иногда за то, что она бездѣятельна... но я чувствую, что если погибнетъ Коммуна, то и мы погибнемъ съ нею. Я лишь наполовину удовлетворенъ нашими вождями и направленіемъ кампаниі, но — победа ли, или пораженіе суждены нашей арміи — я хочу быть въ ея рядахъ. И такъ какъ я не военный, и въ этомъ отношеніи бесполезенъ — я отдаамъ

то, что у меня есть, всю энергию, все заботы, всю ответственность»...

Начинаю работу въ отдѣлѣ реформы школы въ Комиссариатѣ Просвѣщенія. Огромный залъ въ зданіи Лицея. У оконъ столики. Столъ реформы словесности, эстетического воспитанія, естественныхъ наукъ, гигіены, первоначального обученія. Въ углу сдвинуто нѣсколько столовъ — тихо жужжатъ старые и молодые отвлеченнаго вида люди—комиссія физиковъ вырабатываетъ новые методы преподаванія. Азбучная комиссія дѣлится на двое: враги и защитники азбуки. Спорятъ гнѣвливо — видно давно. Отъ стола къ столу переходитъ формула — трудовыѣ процессы — нарастаетъ на школѣ огромный горбъ этихъ процессовъ, къ горбу пригоняются хилья ноги, руки и голова. Здоровая практика умѣреннаго Запада тонетъ въ сектантскихъ преувеличеніяхъ.

Суеты мало. Но нѣтъ и единства: Время отъ времени Лепешинскій, завѣдующій отдѣломъ, сзыываетъ къ себѣ весь синклитъ реформаторовъ. Сходятся, садятся кругомъ. Неторопливая бесѣда. Это — лучшіе часы работы. Бывають вздорныя рѣчи — но бываетъ и вдохновеніе. Въ бесѣдѣ преувеличенія совсѣмъ не то, что за выработкою программъ: благодаря преувеличеніямъ, рѣзко выськаются очертанія, творится сказка о школѣ. Эта сказка можетъ стать закономъ. Въ этомъ — прелесть нашей работы, въ этомъ же и опасность. Вѣдь осуществленіе человѣческихъ замысловъ подчинено особымъ законамъ, которыми владѣютъ лишь немногіе избранные.

Дѣти въ революції. Имъ легче жестокость и легче лишенія. Элементъ игры въ революціи — когда она пытается творить.

Помните исходъ французовъ изъ Москвы въ «Войнѣ и мирѣ» Л. Толстого. Среди плѣнныхъ — Пьеръ Безуховъ. Итти далеко, опасностей много — а надо дѣлать свое жизненное дѣло. И онъ не глядитъ по сторонамъ. Не видить московского пожарища. Онъ замкнулся въ себѣ, какъ замкнулась бы, если бы была живая стрѣла въ моментъ спуска тетивы.

Тетива спущена — нельзя оглядываться.

Въ твоей жизни, Христосъ, есть минуты, которыя меня глубоко смущаютъ.

Я люблю Тебя, когда Ты говоришь: такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду. Какъ нѣжнѣйшая въ мірѣ музыка, какъ Твоя улыбка — заповѣди блаженства, заповѣданныя нищимъ духомъ и никѣмъ не разгаданныя донынѣ. Ты свободно радовался на пиру у мытарей. Исцѣленіями и преломленіемъ хлѣбовъ научилъ насъ Ты, что на землѣ не должно быть калѣкъ, голодныхъ, умирающихъ, нищихъ. На крестѣ — Господи, зачѣмъ Ты меня покинулъ! — Ты упалъ въ средоточіе земныхъ печалей, какъ проснувшаяся въ ночи птица падаетъ въ пастушій костеръ и сгораетъ. Но какъ могъ Ты сказать: да минуетъ Меня чаша сія? Вѣдь этимъ словомъ Ты погубилъ свое дѣло! Молитва человѣческая исполнилась корысти, церковь стала обманщицей, объясняющей тщету молитвъ, обѣщающей, примиряющей, туманяющей сознаніе.

Или будутъ еще разъ ясли, и звѣзда на небѣ, и волхвы, и еще разъ выйдетъ въ мірѣ мудрый отрокъ? И уже отрокъ, а не мужъ, легко взойдетъ на скорбный камень въ саду Гефсиманскомъ и скажетъ:

— Чаша Моя, — чаша моя, сладко мнѣ терпкое вино твоей скорби.

Человѣкъ бѣденъ, молитва его корыстна. Возьми то, дай это. Человѣкъ забылъ о томъ, что значитъ полнота ми-

н у т ы и протягиваетъ, вмѣсто созерцанія этой полноты, нищенскія свои ладони за подаяніемъ. Религія будущаго встанетъ послѣ многихъ лѣтъ скорби — когда люди разучатся просить, и узнаютъ, что нѣтъ ничего выше полноты созерцанія каждого преходящаго мгновенія.

Въ посмертныхъ бумагахъ Ницше (1880—1881 г.) есть десять заповѣдей одной изъ многочисленныхъ его «Religions Nouvelles». Эти заповѣди внушены отвращеніемъ къ корысти христіанства. Гениальное чутье Ницше къ пробуждению человѣка сдѣлало ихъ примѣнимыми къ современности.

Основныхъ заповѣдей — три. Остальная не такъ больно, какъ первая, ранятъ совѣсть. Между тѣмъ, современный человѣкъ на изломѣ культуры обязанъ итти туда, гдѣ больно, дѣлать то, что больно, и обязанъ бередить свои раны такъ, что бы не осталось живого мѣста.

Ницше совѣтуетъ беречь религію лишь для исключительныхъ моментовъ.

Загляните въ московскія церкви. Онъ пустуютъ. Или вдругъ наполнятся истомленною, нервною толпою, и снова пусты. Да и какъ быть иначе? Мольбы о хлѣбѣ, о покоѣ, о возвращеніи земной силы и почета остаются безъ послѣствій. Только мольбы этого рода — утѣшительны, согрѣвателны и не требуютъ напряженія. Молиться о дарованіи смысла, значитъ думать. И какъ думать! Этого никто не хочетъ. Лучше подъ бичемъ плестись въ упряжкѣ презрѣнною клячею, чѣмъ думать. И пока такъ безнадежны покой, хлѣбъ, почеть и сила — не стоитъ и молиться. Въ церковь приводятъ только большія несчастья когда уже нельзя не думать. Но эти думающіе люди уже не вѣрющіе.

Ни Бога, ни потусторонняго міра, ни награды, ни кары — говоритъ Ницше. Что же остается? Поискъ и холода. Одни гибнуть отъ холода, другіе крѣпнуть. Всеноарное воздержаніе отъ корыстныхъ молитвъ и утѣшительныхъ словъ.

Видѣніе голаго факта; готовность обречь свой умъ на созерцаніе голаго факта; готовность поклониться этому голому факту, какъ божеству. И втайнѣ — напряженно-безмолвное собираніе совсѣмъ иныхъ силъ, совсѣмъ иного замысла.

Въ оптимистической душѣ человѣка много женственаго, суевѣрнаго, промирительнаго. Современность либо вытравляетъ эти черты, либо усиливаетъ ихъ до степени мани. Сжигается все, что поддается сожженію. Можетъ быть, это убиваетъ душу? Никогда. Ибо житейскій пессимизмъ, безвыходность, черный трудъ, близость гибели — какъ могучій котель, въ которомъ заперты человѣческая мысль и совѣсть. Въ мирной жизни мысль и совѣсть рѣдко испытываютъ давленіе. Накоплялись пары, открывался тотъ или другой клапанъ, — пары вырывались наружу, то въ видѣ слова, то въ видѣ дѣла, то въ видѣ художественнаго творчества. А теперь? Клапанъ захлопнулся. Нѣтъ выхода парамъ. Слово, дѣло, молитва, творчество размалываются и перестаютъ существовать тамъ внутри. Тамъ существуетъ только одно — постиженіе. И только. Ступай-же, постигай, нагой человѣкъ, въ раскаленномъ котлѣ, подъ давленіемъ десяти — ста — тысячи атмосферъ. Не догадался ли ты о томъ, что впервые въ твоей жизни настала жестокая минута — вмѣстѣ со всѣмъ народомъ учиться быть человѣкомъ?

Раненъ Ленинъ. Говорятъ смертельно.

Встрѣтился на улицѣ съ М. О. Гершензономъ. О покушеніи.

— Въ городѣ, у всѣхъ, даже у враговъ, сознаніе — что поднятая рука на вождя.

И, прощаясь, повторилъ:

— Другое — не то. Но съ нимъ всегда связано — вождь.

Сентябрь. Москва.

Подробности о пыткахъ и о смерти Бориса Донского, убившаго 30-го іюля Эйхгорна. Жуть, смятеніе, слабость передъ явленіями этого рода. Слѣпитъ, какъ огромный, быстро вертящійся блестящій кругъ въ тѣхъ металлическихъ, машинныхъ кошмарахъ, которые посъщаются сонъ современного человѣка.

Ядро и масса любой партіи такъ же далеки отъ своего героя, какъ и мы, обособленные, не бросающіе вызова судьбѣ въ дѣлахъ и любящіе длить свое бытіе. У героя партіи — не особая мораль, не расчетъ — но вѣроятно, каждый разъ осознавая, своеобразная, обреченность. Товарищи по партіи у д и в - л я ю т с я своему герою — точно онъ созданъ изъ другого, чѣмъ они, матеріала. Это удивленіе было особенно сильно послѣ Каляева.

Есть въ террористическомъ актѣ анархическое начало: личность противопоставляетъ свои силы силамъ государства и побѣждаетъ. Есть желаніе унизить. Чѣмъ пышнѣе обставляетъ себя носитель власти и чѣмъ больше бережется, тѣмъ соблазнительнѣе уничтожить его. Пролетарское государство однимъ упрощенiemъ быта сведетъ терроръ къ преступленію... Есть воля къ испытанію себя, къ саморазъятію:

какой я, глиняный или золотой — и, вотъ, весь хочу прокалиться на огнѣ, гибельномъ до послѣдняго волоска. Есть великая нѣжность къ братьямъ и жертвоприношеніе за нихъ — оно отзывало когда-то въ прелестныхъ предсмертныхъ письмахъ, казненной царскимъ правительствомъ Р а г о з и н - н и к о в о й . И есть темная воля къ самоуничтоженію — инстинктъ гибели — пушкинское упоеніе гибелю —въ которомъ самоутвержденія больше, чѣмъ въ жестокости Карамазовыхъ или чѣмъ въ остроумной страстности Донъ-Жуана. Но все это — не то. Та огненная точка — въ мозгу ли, въ сердцѣ ли, въ совѣсти ли — отъ которой то начинается — неуловима. И тотъ, кто до конца не погибъ, неувидѣлъ и конечнаго значенія этой точки. А кто погибъ — не расскажетъ.

У меня страхъ передъ терроромъ — какъ страхъ передъ жестокостью вообще. Здѣсь все — концы и концы. С е р е д и н ы нѣтъ. Нѣть даже началъ. И когда все кончено — эта безпощадная ясность и простота материальнаго явленія: бездыханность, трупъ, молчаніе. В с е кончено, в с е кончено — мефистофелевской усмѣшки:

Vorbei! Ein dummes Wort.

Vorbei und reines Nichts — vollkommenes Einerlei!

Da ist's vorbei. Was ist daran zu lesen?

Es ist so gut, als wär' es nicht gewesen,

Und treibt sich doch im Kreis, als wenn es wäre.

Ich liebte mir dafür das Ewig-Leere.

Письмо изъ деревни — докторъ А. на сыпномъ и возвратномъ тифѣ. Къ нему ни газеты, ни письма не доходятъ. Кругомъ — грязь, вши, умирающіе. «Вообще живемъ по прежнему. Ёдимъ сносно, но духовной пищи — никакой. Читаль ли ты когда-нибудь «Островъ доктора Маррея» — кажется Уэльса. Этотъ докторъ — хирургъ производилъ операциі надъ дикими животными и обращалъ ихъ въ людей. Они населяли островъ, жили со смутнымъ воспоминаніемъ

ужаса, который пришлось перенести въ операционной, и изо всѣхъ силъ старались не нарушать законовъ, которые даровалъ имъ О нъ, живущій въ домѣ и господствующій въ операционной. Но вечеромъ они твердили эти законы, и каждое четверостишіе заканчивалось словами: развѣ мы не люди? «Нельзя ѿсть сырого мяса, нельзя ходить на четверенькахъ, нельзя кусаться и лягаться, — развѣ мы не люди?» Такъ твердили они, сидя вокругъ костра и раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Такъ твердимъ теперь мы и разница только въ томъ, что мы сидимъ не передъ костромъ, а передъ коптилкою. И все-таки я не хотѣлъ бы быть теперь нигдѣ, кроме Россіи».

Рабочій — объ интеллигенції.

— Крику-то сколько, крику! Небось, отъ народа столько крику не было. А народъ тоже страдаль...

Дальше — непечатное.

Литература русская создала известный шармъ около словъ скита лецъ, скитанія. Особливо, если прибавить: духовныя. Не то — безъ шарма — питерское название для бродягъ: Спиридоны — солнцевороты. Скитаются — но поэзіи въ нихъ мало.

... Былъ кнутъ — молчали. Пришелъ 1905 годъ попросили: довольно. Началась война: пріяли. Стали патріотами. И въ то же время — пацифистами: говорили о послѣдней войнѣ. И соціалистами. И обновителями міра. Мартъ: обрадовались и пріяли. Надо было кончить войну: звали воевать. Война кончилась: прокляли. Самоопределеніе народовъ: пріяли. Народы стали самоопределяться: прокляли. Народную волю: пріяли. Пришелъ октябрь:

прокляли и заговорили о великой Россіи. И ушли къ тѣмъ, кто торговаль єю по частямъ и полностью.

Что это: духовныя скитанія или Спиридоны?

Западъ строилъ, строилъ и достроился: душно стало отъ равномѣрного труда и стѣнъ. Достоевскій заговорилъ — о кладбищѣ. Умерли эти именно зданія и эти именно созидающія руки, но не стихія созиданія.

Люди, даже обладающіе вкусомъ, легко говорятъ о разрушеніи культуры, но гибель отдѣльныхъ вещей для нихъ — трагедія. Вещи, подобно живымъ существамъ, имѣютъ лицо, и оно не повторяемо. Въ разлукѣ съ неповторяемымъ не утѣшаетъ память о томъ, что мірь перемѣнилъ много личинъ за одно лишь время существованія писанной исторіи.

Вокругъ сыпной тифъ. Страха нѣть.

Тяга на востокъ. Персія, Индія, Китай. Я быль — поль года тому назадъ — знакомъ съ человѣкомъ, начавшимъ работу пропаганды на Востокѣ. Это — скромный журналистъ, влюбленный въ Индію, почти маніакъ. Онъ издалъ небольшую книжку объ Индії. На голубой ея обложкѣ были нарисованы въ рядъ наивные бѣлые слоны. Онъ собирался въ Персію, и съ радостью говорилъ о томъ, что не расчитываетъ возвратиться живымъ.

Я неувѣренъ въ томъ, что онъ знакомъ съ географіей и исторіей странъ Востока. Онъ не заботился ни о внѣшности своей, ни объ языкахъ, ни о связяхъ. Онъ не ладилъ съ руководителями соотвѣтствующаго вѣдомства — его изгоняли,

но черезъ недѣлю онъ возвращался къ своему столу и долбилъ, и долбилъ. Со стороны образъ этотъ могъ казаться смѣшнымъ. Р. и М. избѣгали даже встрѣчаться съ піонеромъ соціальной и религіозной революціи на Востокѣ, до такой степени надоѣль онъ имъ своей Индіей. Когда революція разразится, и вновь чудеснымъ садомъ зацвѣтутъ древнія культуры — его не будетъ уже въ живыхъ, имя же его сохранится лишь въ канцелярскихъ архивахъ да на обложкѣ голубой ослоненной книги. И не ему будетъ поставленъ памятникъ въ столицѣ Восточно-Азіатскихъ Штатовъ.

Работа моя разрастается. Вмѣстѣ со мною служатъ — издатель С., знатокъ и любитель фарфора М. В., педагогичка А., педагогъ Г., поэтъ М., режиссеръ Д. Однако, радостей отъ ихъ службы не много.

С. и В. сидятъ въ издательской секціи. Оба интеллигентны и знаютъ работу. Иногда я получасами наблюдаю за ними. Оба — не торопятся. Если бы такъ, какъ у насъ, велась работа въ ихъ частныхъ препріятіяхъ, они бы сочнали виновныхъ съ мѣстью. Я ихъ согнать не могу, ибо лучшихъ нѣть. Миролюбивые враги, пытающіеся приспособиться.

А. властолюбива, и потому дѣлаетъ только то, за что можно взыскать съ другихъ. Задавъ работу сотрудникамъ, усаживается за столь и мечтає.

— О чёмъ? — спросилъ я ее однажды.

— О томъ времени, когда васъ всѣхъ не будетъ на свѣтѣ, — очень спокойно отвѣтила она.

Г. не столько педагогъ, сколько чиновникъ. Его влекутъ двѣ цѣли: исполнить волю начальства и прибрать секцію къ рукамъ. Онъ покорливо въ теченіе мѣсяцевъ приспособляется, чтобы затѣмъ перейти въ наступленіе. Г. — превосходный исполнитель, но интересъ къ существу работы онъ похоронилъ подъ осколками старого строя.

М. — талантливый поэтъ и — предатель по натурѣ. Въ работѣ онъ не участвуетъ, только въ засѣданіяхъ. Онъ сладокъ, когда ему худо, небреженъ, когда добьется желаннаго, и холодно-тихъ, полумертвотицъ, когда въ маленькой некрасивой головѣ его слагаются новыя стихотворенія. Если бы онъ сдѣлалъ еще больше гаденькихъ дѣль, чѣмъ дѣлаетъ здѣсь — все равно на него нельзя сердиться. Не оттого, что онъ — большой поэтъ. Онъ — тонкій, неувѣренный и не большой. Но — поэтъ. И я думаю, наединѣ съ собою онъ либо спить животнымъ сномъ и видеть во снѣ женщинъ, либо томится презрѣніемъ къ себѣ. И въ первомъ и во второмъ случаѣ возможность осужденія отпадаетъ.

Такими-то руками строится новое государство россійское. И все же строится — иногда подъ бичемъ, иногда въ охотку — хотя, принося кирпичъ, эти интеллигентные лемуры тутъ же подъ шумокъ пытаются вырыть ему могилку —

Wer hat das Haus so schlecht gebaut
Mit Schaufeln und mit Spaten?..
Wer hat den Saal so schlecht versorgt?
Wo blieben Tisch und Stühle?...

Дѣти торгуютъ на улицахъ сахаромъ и папиросами, ростъ преступности, но и ростъ самостоятельности. Ухватки матераго удачливаго купца, цинизмъ, великколѣпное знаніе темныхъ сторонъ жизни. Страсти, — картечная игра и очень рано женщины.

Четырнадцатилѣтній купецъ остритъ:
— Бабы нынче подешевѣли.
— Хвастаѣтъ — дразнить сосѣдъ, не больше его годами — ловокъ, и на бабахъ зарабатываетъ.

Говорятъ, подростки развратничаютъ.
Старикъ курьеръ разсказываетъ о племянникахъ.
— Малыши, и въ штанахъ-то еще ничего нѣтъ, — туда же, дѣвченокъ портятъ.

На Срѣтенкѣ былъ трактиръ — дюжіе крючники, ломовые и извозчики да порченные приказчики наслаждались здѣсь любовью одиннадцати и двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ. Такой же трактиръ — одинъ изъ многихъ — былъ въ Петербургѣ на Клинскомъ проспектѣ. Дѣвочекъ брали люди, пришедшіе отъ земли, по весьма земнымъ расчетамъ: дешевле, занятнѣе. Нѣкоторые же, наскучивъ бабами своими, находили въ незрѣлыхъ прелесть. Теперь эти трактиры — или панель около нихъ — опустѣли. Дѣвчинки перекочевали къ подросткамъ-торговцамъ почти одного съ ними возраста. Они богаче деньгами, тароватѣе, веселѣе, психологически, да и физиологически ближе.

Подростки изъ интеллигентскихъ семей частью придавлены нищетой и недоѣданіемъ и развиваются медленнѣе нормального, частью же вовлечены въ ускоренный темпъ жизни, внезапно и жутко созрѣваютъ, теряютъ устойчивость и начинаютъ жить, волнуя сверстниковъ и сверстницъ похотью, безпочвенностью и цинизмомъ.

Но какъ всегда въ жизни, за тяжелымъ и удушливымъ туманомъ нестроенія тянетъ свѣжимъ вѣтромъ странъ дальнихъ и чудесныхъ. Гибнутъ дѣти. На убийство похоже ихъ растлѣніе. Многіе останутся порченными. Падаетъ — семья — которая давно перестала быть патріархальной и даже не прикрываетъ уже рубищемъ свои пороки. Но многіе, очень многіе — закалятся. Передвигается довѣре — отъ бытового, плотскаго, упорядоченного — къ силѣ и выносливому упорству духа. И эти многіе внесутъ въ общественность неподдающейся учету сдвигъ. То, что въ прежнемъ быту казалось само по себѣ страшнымъ, независимо отъ того, что оно принесло человѣку — стыдъ, или боль, или радость, или расцвѣтъ, или такъ называемое паденіе, теряетъ свое значеніе и надѣнимъ встаетъ, покрывая его, воля, молодость, веселье внутренней нетронутости. И еще: любовь — остается любовью, глубина пола — глубиною. Только для лучшихъ, можетъ быть, и только

при удачѣ — сохраняется этотъ законъ, но среди тяготы осложненной жизни, среди смертей, эпидемій, переселеній, войнъ, нищеты — эта ранняя любовь другъ къ другу, или только торопливыя сближенія, выращиваются губительные, тонкіе, яркіе, странные цветы любви и опустошенности, какіе не снились ни одному изъ художниковъ, кроме развѣ Байрона, Лермонтова и Розанова. Достоевскій приближался къ этой темѣ. Онъ указалъ на связь ея съ трудностями вѣнчанной жизни — съ нищетою и униженіемъ. Но въ немъ болѣзняенного въ корнѣ, больше чѣмъ болѣзняенного по послѣдствіямъ.

На улицѣ, на лекціяхъ, въ театрѣ, во время посѣщенія школъ можно подмѣтить взгляды, незнакомые намъ, людямъ мирнаго времени. Въ нихъ мало радостнаго. Много пытливаго. И вѣщая какая-то, пустая, прозрачноглазая обреченность. Острота и ненависть преждевременного чувства — упадокъ его, безочарованіе, и отвращеніе къ полу вообще. Тихая сестринская, братская другъ къ другу нѣжность и тоска: отгорѣло; странно, что было что-то и будетъ, но какіе потерянныя всѣ на землѣ! Крѣпко-на-крѣпко сѣпленныя руки двухъ преждевременно нашедшихъ себя, чующихъ огромность своей встрѣчи и неумѣющихъ закрѣпить ее — и рана въ сердцѣ навсегда, если одинъ изъ двухъ отойдетъ. Изощренная, безпощадная наблюдательность юности, аналитической ея дарь, самоѣдство — и потому вѣчная неудовлетворенность, мучительство, скитанья отъ души къ душѣ, отъ любовницы къ любовницѣ, при юношеской прямолинейности, при склонности къ отчаянію — черты сложнѣйшаго изъ Донъ-Жуановъ, Донъ-Жуана ранней юности, и тутъ же черты оголтѣлаго, охлажденнаго, разрушающаго другихъ савраса — въ сложныхъ пропорціяхъ, иногда же въ чистѣйшихъ кристаллизаций. Дарь игры — ибо дѣти еще. Дарь смѣха. Дарь слезъ. И надъ всѣмъ мучительный призракъ общаго культурнаго перелома. Оттого — одиночество, обрщенность. Иная, не вчерашняя, не отцовъ нашихъ забота.

И мы иные. И любовь иная. И никто не можетъ помочь; свой путь, свой рокъ. Милая, чистая, хрупкая, сильная, окрыленная юность.

Г., умная дѣвушка, много поработавшая съ порочными дѣтьми въ судахъ для малолѣтнихъ, говоритъ:

— Есть факты. Массовый человѣкъ убиль. Это было. И не смыть. И не только въ соціалистическомъ раю, въ старой нашей жизни, научившемуся убивать человѣку — не жить. Жить будутъ слѣдующіе. Такой же фактъ — растлѣніе дѣтства. И дѣтямъ этимъ не жить...

Г. говоритъ:

— Какіе пустые глаза у этихъ дѣтей — никогда раньше такихъ не бывало. Если бы у нихъ не пустѣли такъ глаза, можетъ быть, они и перешли бы черезъ все это ...

— Передъ вами — ребенокъ. Но развѣ это — ребенокъ! Что я передъ нимъ — я никогда не буду знать такъ много, какъ онъ знаетъ ...

— Объ этомъ нельзя говорить. Объ этомъ нельзя писать. Подумайте, если бы это были ваши родные братья и сестры — пытались ли вы вы объяснить, что можетъ изъ нихъ выйти?

— Мальчики — тѣ еще вынесутъ, быть можетъ. Но — дѣвочки. Онъ всѣ становятся проститутками. Обыкновенными маленькими проститутками. И воруютъ. Какъ расточительна революція.

— Дѣйствительность у нихъ совсѣмъ другая, чѣмъ у насъ. Страшно замкнутая. Должно быть, — какъ у шайки воровъ: украсть, скрыться, напиться, продать ... Ихъ дѣйствительность хуже настоящей. Это — искусственная темнота ...

—Для тѣхъ подростковъ, которыхъ я видѣла, уже стерлись грани между дномъ и интеллигентскимъ кругомъ. Сестринство . . . Братство . . . И этого нѣтъ. Для нихъ не стало ничего того, что мы такъ цѣнимъ: нѣтъ ни матери, ни сестры. Одна борьба за жизнь — волчья — и полюбовницы. На это нельзя смотрѣть. Отъ этого надо бѣжать.

Многіе жалуются на утомленіе.

Л. Я. К. пьеть отъ утомленія. Б. запирается дома и спить безпробудно днями. Обѣ Н. говорятъ, что онъ умеръ отъ утомленія. Въ Петербургѣ, будто бы, часты случаи — ляжетъ старикъ или старуха въ постель, полежитъ два-три дня и безболѣзно умираетъ.

Я по себѣ знаю обѣ этомъ утомленіи. Все никнетъ, нѣтъ мыслей, нѣтъ воли. Лишь тихая тлѣТЬ нѣжность къ людямъ и хочется жаться къ нимъ. Или — раздражительность, отъ которой нѣтъ спасенія, кромѣ одиночества.

Когда приходятъ такія минуты — иногда дни — я думаю:

— Революція слишкомъ расточительна? Все назадъ? И снова прежнее — арміи, министерства, заводы, хозяева, кабала? Намъ, интеллигентамъ, можетъ быть, и есть куда уйти, но рабочимъ — некуда. Не расточительнѣе ли отступать, когда извѣстно, что черезъ десять-двадцать лѣтъ придется тою же стезею карабкаться на ту же гору, и, быть можетъ, съ большими, чѣмъ сегодня, потерями? То — худо. Это — преступно. Тутъ — ошибки. Но дѣло начато. И пусть нась не станетъ. Еще утомительнѣе, чѣмъ нести нашъ крестъ, подумать о томъ, что напрасны усиленія и напрасны жертвы. Нельзя терять присутствіе духа, надо держаться . . .

Инстинктивное недовѣріе рабочаго къ интеллигенту: интеллигенту есть куда уйти. Свободныя профессіи, руково-

дительство техникой, умъренно-соціалистическія или радикальныя группы. Нельзя отъ рабочаго требовать вкуса къ эволюціи. Рабочій не скажеть, что революція расточительна. И не будетъ подсчитывать потерь. Онъ глядитъ впередъ.

Октябрь —Ноябрь. Москва.

Записей почти нѣтъ. Силы уходятъ на работу. Литературѣ не остается мѣста въ жизни — она существуетъ лишь постолько, поскольку дѣятъ свое существованіе писатели.

Въ отдѣлѣ реформы школы — издательство и литературная секція. При гигантской централизаціи трудно перейти отъ замысловъ къ исполненію. Это — главная наша бѣда. Сколько начато — и не плохо начато. И — повисло въ воздухѣ. Часть выковыванія государства.

Въ государственномъ издательствѣ — засѣданія, редактированье выпусковъ писателей-народниковъ, соціальныхъ романовъ и драмъ. В. Я. Брюсовъ пересматриваетъ Пушкина. Печатаютъ двѣсти тысячъ экземпляровъ. Популярныя книжки, сборники — по сто тысячъ. Это — капля въ морѣ.

У государственного издательства мало силь. Писатели, кромѣ В. Вересаева, В. Брюсова и меня, не идутъ. Да и вправду, трудно здѣсь. Писатель свободолюбивъ. Воли же здѣсь нѣтъ. Тѣсно. Иду домой съ засѣданій и думаю: хоть бы стало силь вынести, нельзя уходить. А надо бы.

Не правильно отношеніе государственного издательства къ частнымъ издателямъ. И можно издавать, и нельзя. Никто не смотритъ въ корень: все равно какъ — нужны

книги, море книгъ. Революція — это дѣло и книга. Преслѣдованія «Колоса». Мои прошлые бесѣды съ Витязевымъ и съ Постниковымъ. Теперь — съ Лебедевымъ - Полянскимъ. Лавровъ, Герценъ, Михайловскій — не направленіе, они — жизнь наша, они — наша революція. Революція же не сжимаема: нельзя забывать, что Герценъ въ ней — въ такой же мѣрѣ, въ какой и резолюціи вчерашняго съѣзда совѣтовъ.

Бесѣда съ Г. Г. Шпетомъ. У него планъ исторіи русской философской мысли, въ монографіяхъ. Гуссерліанецъ Шпеть, написавшій статью противъ мудрости, тонетъ въ романтизмѣ русской философіи. Я вижу, какъ легко идетъ на этотъ планъ «Колосъ», и какъ немыслимо преодолѣть косность государственного изданія.

Бесѣда съ И. Д. Сытинымъ обѣ изданіи учебниковъ. Старый умный барсукъ говоритъ:

— Я первый коммунаръ — если народъ учить надо.

Устраиваю собраніе издателей въ отдѣлъ реформы. У насъ нѣтъ на это права, все дѣло можетъ закончиться постыдно для насъ — но надо пробовать. Мнѣ грезится мощный синдикатъ издателей съ участіемъ государства — взамѣнъ неповоротливаго казеннаго аппарата. Пришли Сытинъ, кто-то отъ Думновыхъ, Дживилеговъ, Сабашниковъ, Эфронъ, Кнебель. Молчатъ — и жмутся. Высчитываютъ прибыли. Требуютъ гарантій. И никто не понимаетъ того, что, начать работу во что бы то ни стало — лучшая гарантія. Время уходитъ, потерянь осенний сезонъ, бумага на рынкѣ таетъ, типографіи изнашиваются. Только Сытинъ, къ досадѣ сосѣдей, лукаво поетъ, глядя изподлобья на секретаря, протоколирующаго рѣчи:

— Мнѣ прибылей не надо. Мнѣ бы только работать . . .

Торгуются издатели — будешь торговаться и государство. И, конечно, запретитъ. Будутъ пробы, проекты, неудачи и чуждающіеся государства писатели. Сто книгъ, свободно и быстро изданныхъ государственнымъ изданіемъ или

синдикатомъ, примирили бы писателей со многимъ. Но — руки связаны.

Существованіе стало легче, чѣмъ осенью. Установилось равновѣсіе — хватаетъ хлѣба, есть картофель, зелень, немного конины, рыбій жиръ. Домъ протапливается, запаса дровъ хватить до января.

Требованія наши къ быту все скромнѣе. Нѣть зелени — есть чечевица. Тошнить отъ рыбьяго жира — побольше луку. А подсолнечное масло, даже вкусно пахнетъ. Не надо усилій надѣя собою — намъ легче голодать и холодать: на ше дѣло нынче — печаль, будетъ и радость. Но какою безмыслицею представляются эти ограниченія — врагамъ и равнодушнымъ. Праздность, или служба поневолѣ — и голодъ. Праздность, распродажа прежнихъ богатствъ, страхъ и голодъ, оттого и радуются бѣдамъ — чѣмъ хуже, тѣмъ лучше . . .

Вчера О. Д. Форшъ-Терекъ — живеть она на одной площадкѣ съ нами — съ торжествомъ привезла лошадиную голову. Будутъ варить, хватить дня на три, на четыре: супъ, жиры, мозгъ. Терекъ — дальше, чѣмъ мы, у нея дѣти, но пока легко и шутливо несетъ она тягости дня. И кипитъ: христовы и христіане, призванные и неприванные. И все одна выходитъ у нея правда: тотъ, кто мнитъ себя призваннымъ, не призванъ; тотъ, кто отрекается отъ призванности, — призванъ.

Все ничего. Но страшны вереницы саней, въ которыхъ развозятъ по больницамъ больныхъ сыпнякомъ. Красныя лица. Тѣла едва прикрыты одѣяломъ или попоной. Вещи стали дороги — ихъ берегутъ и иной разъ больного прикрываютъ лохмотьями — все равно, жаръ, вторично не заболѣтъ.

Это не совсѣмъ такъ, конечно, не до конца т. о. Въ веселой легкости Е. П., въ беззаботности Л. Я. К., въ покорности судьбѣ И. — Р., въ общей нашей готовности нести крестъ

и отвѣтить за него, въ этой облеченности духа и плоти, есть нѣчто отъ завѣта Достоевскаго: «Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы, какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться... Бѣгите, дѣти, сего унынія! Одно тутъ спасенье себѣ: возьми себя и сдѣлай себя же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и вправду такъ, ибо чуть сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтственнымъ искренно, то тотчасъ же увидишь, что оно такъ и есть на дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виноватъ».

Не совсѣмъ такъ. Не совсѣмъ то. Но именно изъ такихъ родниковъ истекаетъ эта веселость при вѣчно обостренномъ сознаніи происходящаго. Оттуда же эта твердость, въ выборѣ при взволнованной и отдающей себѣ отчетъ совѣсти. Оттуда же свобода отъ обнаженности и отъ безнадежности при неумолкающей душевной боли, боли и боли.

Конечно, ходимъ на службу, говоримъ, Ѳдимъ, спимъ, сердимся. Но вотъ-какъ бы легче и гибче стала костякъ. Какъ бы просвѣтило плоть полдневнымъ свѣтомъ, какъ просвѣчиваетъ брызжущее соками лѣтними наливное яблоко. Какъ бы подѣзала ночью рука — и не злая — семь корней изъ всѣхъ двѣнадцати, связывающихъ древо жизни съ темною землею...

Это было въ минувшемъ апрѣль. И.-Р., Е. П. и я прощались на углу Театральной площади. И.-Р. шелъ въ «Метрополь», мы — на симфонический концертъ въ театръ Незлобина. И вдругъ — пули. Градомъ. Была одна изъ схватокъ ликвидируемыхъ анархистовъ съ милицией. Зашелкали по камнямъ — какъ капли металлическаго ливня. Бѣжать? Спрятаться за уголь? Нѣтъ. На секунду все сущее — мы, Москва, булыжники, углы домовъ, революція — выдвинулось изъ матернихъ гнѣздъ своихъ на одну линію выше, чтобы съ несомнѣнною несомнѣнностью показать намъ,

что оно — сущее. Мигъ — было, есть, будетъ. То, что люди зовутъ чувствомъ вѣчности. И такая легкость отъ мысли — въ этой вѣчности утонуть. Даже, если ея нѣтъ.

Потомъ была музыка. О ней я разсказать не умѣю. Но этотъ часъ — отъ холоднаго утра подъ пулями до конца концерта — былъ высшимъ часомъ всей моей жизни. Я это знаю. Именно въ этотъ часъ чья-то рука пересѣкла семь изъ двѣнадцати корней древа моей жизни, и одинадцать изъ двѣнадцати корней жизни Е. П. Это случилось за краткій отрѣзокъ времени, пока милиція безсмысленно сражалась съ анархистами, пока въ «Метрополѣ» шло совѣщаніе главъ республики, и пока отдѣлившійся отъ насъ И.-Р. лежалъ посреди сквера Театральной площади, ожидая конца перестрѣлки.

Декабрь. — Москва.

Программы умъренныхъ группъ, можетъ быть, когда-нибудь, на склонѣ революціи, и пригодятся, но духъ, диктавшій эти программы — никогда.

Пока все были — шутки, правда, подчасъ кровавыя. И бунтъ декабристовъ, и 1905 годъ, и мартъ 1917 г. Вѣтеръ рябилъ поверхность. Октябрь упалъ, какъ раскаленный болидъ и прошелъ по вертикали отъ поверхности до дна. И все не можетъ остыть.

Вдругъ на недѣлю опостылѣла будничная работа. Всю жизнь вѣдь жилъ бродягой на вольной волнѣ.

Равноденственная метели. За ними — солнечные яркіе дни. Иду въ Серебряный Боръ — вѣдь солнце на весну поворотило. На березахъ тоненькия почки. Не тѣ, что бывали раньше. — человѣческое закрыло полгоризонта.

Въ религіозныхъ кружкахъ говорятъ о возможности соединенія католической и православной церкви. Лишенное поддержки государства, православіе становится уступчивымъ.

Видимо, ждутъ рѣзкаго ухудшеннія условій существованія. У Э. сносятъ въ домъ мѣшечки конопляннаго сѣмени. Г. и Ш. скупаютъ крупу, сушать сухари, гдѣ-то добыли и прячутъ сало. Какъ правило: на томъ берегу — запасливость, поїытки предвидѣть, осторожность; на нашемъ берегу — большая беззаботность.

Какъ часто, обсуждая революціонные годы, будутъ ссылаться на Достоевскаго и упоминать слово предвидѣніе.

Раньше всего — «Бѣсы» и уравненіе, «шигалевщина».

На дѣлѣ не равенство, не уравненіе, а расчлененіе и двойная диктатура. Во-первыхъ, диктатура класса. Во-вторыхъ, диктатура партіи или ордена. Правильнѣе сказать — ордена. Ибо и правящая партія не едина, а расчленена. Уравненіе касается лишь одного: труда и накопленія имущества. Оно производится грубо — ибо не выработаны формы уравненія. Въ основѣ же его нѣтъ ничего нарушающаго нормальную жизнь индивидуума.

«Нѣтъ у насъ соціализма, совсѣмъ нѣтъ» — писалъ Достоевскій въ предсмертномъ дневникѣ. И у насъ его нѣтъ. Но будетъ. Какой — никто не знаетъ. И никто не говоритъ, что знаетъ. То же, что онъ будетъ, можно знать, ибо онъ будетъ данъ не силами природы, а волею человѣка. И эта воля крѣпнетъ. И не только одна эта воля. Крѣпнетъ сознаніе права желать и сознаніе права осуществлять свои желанія. Ростъ этихъ правъ не рус-

ское только, но міровое явленіе. И это было осознано въ Россіи. Россія вошла въ октябрьскую революцію съ философскимъ эпиграфомъ того же Достоевскаго: «Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно всемирно. Много было великихъ народовъ съ великой исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность въ семірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисханы, пролетѣли, какъ вихрь, по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую великую потребность человѣчества ко всемирному и всеобщему единенію». И врядъ ли въ міровой исторіи было явленіе такъ полно воплотившее идею этого эпиграфа, какъ октябрьская Россія. Ея революцію противопоставляютъ Петру Великому. Но методы Петра Великаго немногимъ отличаются отъ нынѣшнихъ революціонныхъ методовъ. То же стремленіе — нетерпѣливое и деспотическое — немедленно, въ одинъ день перекроить міръ — та же увѣренность, что это будетъ — и то же сомнѣніе, граничащее съ отчаяніемъ, въ томъ, что это случится не въ данный исторический день.

Отчего у Петра Великаго было такъ много силъ? Оттого ли, что онъ реформу задумалъ? Задумаль перекроить Россію на европейскій образецъ? Нѣтъ, оттого — что въ однодневномъ перекраиваніи Россіи на европейскій образецъ онъ видѣлъ первую ступень къ всемирному соединенію людей. Атеистиченъ онъ былъ по той же причинѣ, да изъ экономіи и по нетерпѣнію — національная религія стала ему поперекъ дороги. И при Петрѣ всѣ въ государствѣ были рабы, и въ «рабствѣ были равны», но не потому, что Петръ, желалъ рабства, а потому, что онъ не могъ ждать. И какъ раскольники предвидѣли конецъ міра передъ обновительнымъ Петровскимъ потрясеніемъ, такъ Достоевскій и Соловьевъ предвидѣли конецъ міра, передъ по-

трясенiemъ нашихъ дней. «Конецъ міра идетъ, — писаль Достоевскій въ послѣдніе дни жизни своей — конецъ столѣтія обнаружится такимъ потрясенiemъ, какого еще никогда не бывало»...

Достоевскій ошибался, когда утверждалъ, будто «соціализмъ есть не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистический вопросъ, вопросъ современного воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской Башни, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю». Это утвержденіе — одно изъ принятыхъ въ Россіи преувеличеній проблемы. Соціализмъ не посягаетъ на небо. Онъ — всего на всего скромная рабочая гипотеза наиболѣе цѣлесообразнаго устроенія человѣческаго быта на землѣ. Если бы была возможность съговориться о томъ, какъ построить теплый, удобный, свободный и всѣхъ до единаго вмѣщающій домъ для человѣчества — и затѣмъ начать свободно и по своему жить — тогда бы отъ соціализма отлетѣли высокіе эпитеты и остался лишь разумный планъ да наказъ для работниковъ человѣчества. Высокіе же эпитеты были бы перенесены выше — къ предвѣстіямъ новой культуры. Но сговориться нельзѧ — идетъ борьба. Борьба же требуетъ торжественности. Борьба — это гибель и героизмъ. И оттого лозунги, флаги, литавры, жертвоприношенія. Они не сущностью обусловлены, а трудностью и длительностью достиженія. Такъ короткій переходъ изъ дома въ домъ люди просто зовутъ — переходомъ. А переходъ изъ страны въ страну, съ материка на материкъ зовутъ пышнѣе путешествіемъ или странствіемъ, встрѣчные въ океанѣ корабли салютуютъ другъ другу, на палубѣ толпятся люди, и оркестръ играетъ встрѣчу.

Борьба на насущный хлѣбъ и философія. Расцвѣтъ ея пять — десять лѣтъ спустя.

Вся критика соціализма у Ницше построена на ложномъ представлениі Достоевского о «шигалевщинѣ».

5

... Защищаютъ, подъ видомъ религіи — церковь. И не понимаютъ того, что въ иные исторические моменты отказаться отъ религіи выше, чѣмъ долбить о ней дни и ночи, подобно дятлу.

Отказъ отъ религіи не предательство передъ нею. Ея не лѣзя предать. Отказъ отъ церкви — съ точки зрѣнія церкви — предательство: она — временная и отъ отказа разсыпается прахомъ.

Въ союзѣ писателей. Никогда не жили мы такъ дружно. Готовность мириться съ особенностями характеровъ, даже не сладкими. Бережливое другъ къ другу отношеніе. Гершензонъ раздражается — всѣ ласково терпятъ, кто-нибудь съостригть, и хорошо. Осоргинъ бранитъ за соглашательство — никто не споритъ, говорятъ о дѣлахъ. Одни болѣе приспособлены къ жизни, другіе менѣе, это несоответствіе надо выровнять, оттого и союзъ начался.

Вѣроятно, не всѣ члены правленія другъ другу одинаково пріятны. Но само собою стало такъ, что антипатіи отступили передъ союзнымъ духомъ. Правда и то, что всѣ давно знаютъ другъ друга и — вѣрятъ.

Тѣсная комната въ издательствѣ М. В. Сабашникова на Никитскомъ бульварѣ. Звонокъ испорченъ, приходящіе заглядываютъ въ низкое надъ панелью окно и стучатся: такъ вѣ деревнѣ сосѣди другъ къ другу въ гости стучатся. Да вѣдь и, дѣйствительно, одеревенилась Москва — кто санки съ продуктами за собою тащитъ, на дняхъ видѣлъ на Арбатѣ Бальмонта съ мѣшкомъ картофеля на плечахъ, а на

Новинскомъ бульварѣ собаки съ ласковымъ урчаніемъ подъѣдаютъ остатки околѣвшей лошади...

Члены правленія дѣлятся на житейски-мудрыхъ, подвижныхъ и исполнительныхъ и беспомощныхъ. Кромѣ того, отдельно, суперъ-арбитръ по вопросамъ общественной морали, онъ же и предсѣдатель, М. О. Гершензонъ. И для вѣнчанийъ сношеній, для поѣздокъ къ властямъ, товарищъ предсѣдателя союза, угрюмый, гордый, молчаливый — Ю. К. Балтрушайтисъ.

Приходятъ усталые. Чтобы быть сытымъ, надо очень много и — главное — равномѣрно работать. Всѣмъ безъ извѣстія. Не знаю, что видятъ другіе, но для меня каждый приходъ въ союзъ — тихая долгая боль о томъ, какъ голодъ и холодъ разрушаютъ писателей.

Не всѣхъ жалко. Петербуржцы — Ивановъ-Разумникъ, Блокъ, Эрбергъ — на особомъ положеніи. Они вѣбрали свой путь, имъ и горѣть, и сгорѣть. Не жаль Эфроса — онъ бодрый, борется со вкусомъ и злостью. Держится на поверхности Лидинъ — пишетъ рассказы и радуется имъ. мнѣ и себя не жаль, хотя и чувствую, какъ падаютъ силы — я всегда, тоскуя о литературѣ, находилъ вещи, которыя увлекали меня больше, чѣмъ она, теперь расплата за измѣну. Но тихій К. Зайцевъ — особенно отчетливо выбирающей сей-часъ слова и шаги, чтобы не ошибиться ни житейски, ни морально. Но И. А. Новиковъ, — съ его привычкой къ благолѣпію, къ простору полуразрушенныхъ павильоновъ, декоративныхъ террасъ и разбитыхъ фонтановъ старой кїевской выставки, съ годами, проведенными въ провинціальной Тулѣ и еще гдѣ-то, съ потребностью непосредственно освѣтлять происходящее — онъ отяжелѣлъ, слегка осунулся. Въ Гершензонѣ нарастаетъ раздражительность. Физически онъ — сохнетъ, худѣеть, чернѣеть, морально онъ — въ кризисѣ: онъ не можетъ — и въ этомъ есть внутренняя правота его — оставаться только историкомъ, онъ пробуетъ философствовать, нетерпѣливо и не-исторично относится къ дѣйствительному

ности, разбрасывается, теряетъ накатанную колею. Къ пятидесяти годамъ это не легко. И только дома, въ полупустомъ кабинетѣ съ аскетическою койкою и съ цвѣтными квадратами Малевича на стѣнѣ, становится онъ снова чуть-чуть важнымъ и учительнымъ. Стороною, мимо современности проходитъ Балтрушайтисъ. Онъ не слѣпой, онъ видитъ, но такъ крѣпко сшить его литовскій остовъ и такъ твердъ постановъ его отвлеченной, тяжело-молитвенной поэзіи, что его не смутить. А. Н. Чеботаревская, съ измученными глазами, худѣющая, всегда въ безотчетной тревогѣ, Кассандра, съ недремлющею совѣстью, съ неожиданными поворотами мысли — то заботлива, то гнѣвлива, то вдругъ исчезаетъ куда-то, и ей, женщинѣ, вѣришь больше, чѣмъ всѣмъ, — она за себя болѣеть не столько сколько за другихъ. Съ нею я люблю говорить о старомъ религіозномъ обществѣ въ Петербургѣ и о Федорѣ Сологубѣ. Въ ней — изъ нѣдръ идущій пытливый религіозный порывъ. А нѣжнаго, одинокого, сидящаго въ подпольѣ Сологуба она чувствуетъ, какъ никто. И она могла бы его сберечь отъ укововъ чуждой ему и столь милой жизни... Сутулится на отоманкѣ блѣдный, похожій на больную, съ взлохмаченными перьями птицы Г. И. Чулковъ. Есть что-то непрочное въ немъ: не то онъ тяжело боленъ, не то грозить ему какая-то бѣда. Я мысленно пробѣгаю видимый мнѣ кругъ его жизни — вдругъ вспоминаю, что дома у него ребенокъ, и сердце сжимается тревогою за чужого: такъ трудно сохранить теперь дѣтей въ Москвѣ, и нѣтъ въ человѣкѣ болѣе уязвимаго, чѣмъ любовь къ ребенку. Вотъ минувшимъ лѣтомъ у В. В. Вересаева погибъ голодною смертью лишившіяся матери пріемышъ; какъ потерянный, ходилъ Вересаевъ по комнатѣ засѣданій въ государственномъ издательствѣ, замыкался, сгибался, — и уѣхалъ въ Крымъ... Все острѣ становится насмѣшливый профиль Г. Г. Шпета и крѣпче сжимаются его злые и въ то же время неподдѣльно — нѣжныя губы. Иногда онъ словно гаснетъ, нѣть блеска, тяжелѣеть умъ, шутки смѣняются бранью. И тогда мысль:

выдержить ли, онъ изъ ломкихъ, не умѣя гнуться, стальной, не оловянный.

Дѣла много: защита квартиръ, библіотекъ, рукописей; хлопоты у Каменева о продовольствіи; кого-то откуда-то надо извлекать, кто-то попалъ не туда, куда слѣдуетъ. Много проектовъ: издательство, литературные вечера, литературный отдѣлъ при Комиссаріатѣ Просвѣщенія — хотя въ осуществимость послѣдняго никто не вѣритъ. Борьба за существованіе, и невозможность печататься угнетаютъ творческую способность. Невольное воздержаніе, — что оно дастъ литературѣ? Писателямъ оно даетъ боль, и только. Но литературѣ? Можетъ быть, оттого, что я отошелъ отъ нея и тихое, молчаливое «умное дѣланіе» люблю больше словъ — я здѣсь чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, заставляю себя смотрѣть поверхъ сегодняшняго и думаю: это — ничего, это — ничего; надо любить неизбѣжное...

1 9 1 9

Январь—Мартъ. Москва.

Записей нѣтъ. Все ушло на личное и на ежедневный трудъ. Одна жизнь пришла въ міръ, другая — ради нея — ушла изъ міра. И пришедшую надо сохранить. Это — не легко.

Въ домѣ холодно. Я дрожу за ночную работую. Въ со-сѣдней комнатѣ едва-едва слышное дыханіе. Тамъ тепло. И увѣренность въ томъ, что тамъ тепло, наполняетъ меня ти-химъ и робкимъ удовлетвореніемъ. Я прорѣзаль узкое от-верстіе изъ сосѣдней комнаты въ ванную. Провелъ трубу и умѣстилъ чугунную печь. Когда у меня нуль или градусъ тепла, — тамъ семь и восемь градусовъ. Для рожденныхъ во второй годъ революціи этого достаточно. Дыханіе за дырою чистое, кашля нѣтъ, свѣча жизни горитъ ровно. Пока. Пока — слово, отъ котораго можно сойти съ ума или окаменѣть.

Топить нечѣмъ. Я жгу лыжи, стулья, столы и старые га-зеты профессора Б. А. Кистяковскаго, въ квартирѣ котораго случайно живу. Библіотеку его охраняю. Рукописи тоже. Ну, а вещи. Мнѣ нужно, чтобы тамъ было тепло. Пытаюсь обмѣнять на дрова профессорскій вер-стакъ. Если не удастся — придется расколоть на щепы. Что

же, когда-нибудь дамъ ему отвѣтъ: профессоръ любить вещи. На дняхъ онъ прислалъ Г. Г. Ш. письмо, въ которомъ просить сберечь все, до послѣдней ветошки. Есть и философское обоснованіе этой заботливости. Революція прошла мимо него. П о к а . Кто знаетъ, что случится завтра съ нимъ, и съ нами.

Апрѣль — Май. Москва.

Потеплѣло. Московскіе зелено-хрустальные апрѣльскіе вечера. А за день солнце ощутимо согрѣваетъ комнаты.

Работа, работа. Она беретъ весь день и часть ночи. Но стала она — вездѣ — совсѣмъ иною, чѣмъ годъ назадъ. Стало больше житейскихъ заботъ, меньше крови въ жилахъ. Отлетѣла внутренняя возможность — придумывать и начинать. Нужны осуществленія. Они нужны — а ждать ихъ скоро нельзя, ибо придумано такъ много, что одинъ ростокъ мѣшаетъ другому, и наиболѣе стойкіе среди нихъ могутъ прорости лишь черезъ десять-пятнадцать лѣтъ.

Мозгъ усталъ, и ищетъ закрѣпленныхъ мастерами образовъ, чтобы на нихъ опереться. Все читаю «Фауста». И какъ мой давній пріятель дѣячекъ изъ села Большая Лепетиха прикладывалъ къ каждому по складамъ вычитанному изъ книги слову «с о от вѣ т с т в у ю щ і е» ему события «изъ жизни» — такъ я пользуюсь «Фаустомъ», чтобы думать и думать о происходящемъ.

Быль Фаустъ старъ, сталъ молодъ. И на что бросиль мудрецъ и алхимикъ возрожденныя силы? На Гретхенъ, на преступленія, на игру. Когда много силъ — нѣть имъ мѣры. Но вся трагедія Фауста и спасеніе его — пролетѣвъ надъ десятилѣтіями приключеній, мудрствованій и ошибокъ, сомнулась на Гретхенъ. Кто она ему? Не Елена, не волшебница, не вѣнчанная жена. Вѣчная женственность, которой онъ восхитился и, восхитившись, ведомой рукой судьбы, разбиль безпощадно, безпощадно. Гретхенъ въ тюрьмѣ. Гретхенъ на лобномъ мѣстѣ. И зарытый гдѣ-то въ полѣ трупикъ беззаконнаго ребенка. И полетъ на черныхъ коняхъ двухъ погубителей — любящаго и презрѣннаго. И этотъ конецъ первой части трагедіи — въ его огромной значительности.

М е ф и с т о ф е л ь : — Она осуждена.

Г о л о съ : — Спасена.

Я, какъ дьячекъ лепетихинскій, прилагаю событія изъ жизни къ соотвѣтствующимъ словамъ. Это ничего, этого ничего — что стало такъ трудно. Росами и летучими опаловыми туманами носилась весна революціи нашей надъ землею. Свѣтоносящая, хмельная, легкая. А теперь — пришла пора, обращается въ дождь туманъ, падаетъ на землю, съ пылью смѣшиивается и уходитъ въ мертвую глубь. Проростаніе зерна болѣзнь. Влага жжетъ его медленнымъ огнемъ разложенія. Въ его мѣняющихся формахъ — уродство. Отмирающая шелуха — грязь. И смерть его живой сущности. Да будетъ. Гретхенъ спасла большого разумнаго бурнаго Фауста — ея отвлеченная мысль, ея неприспособленные къ землѣ лозунги. И лозунгами ея, и ничѣмъ инымъ, кончается трагедія:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichenis ...
Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan.

И еще — «Фаустъ». Домъ Филемона и Бавкиды. Онъ мѣшаетъ Фаусту — ему надо созидать. Некогда. Забота

грызетъ сердце. Свершеніе за свершеніемъ — жажда неутолимая. И зажженъ грубыми исполнителями и злобновеселымъ духомъ-поспѣшникомъ домъ старииковъ, сгорѣли въ его развалинахъ мертвяя ихъ тѣла. Это — терроръ. Фаустъ говорить:

Mein Türmer jammert; mich im Innern,
Verdrießt die ungeduldige Tat.
Doch sei Lindenwuchs vernichtet
Zu halbverkohlter Stämme Graun,
Ein Luginsland ist bald errichtet
Um ins Unendliche zu schaun...
... Geboten schnell, zu schnell getan...

По дѣламъ въ Петербургъ. Городъ — какъ сонъ, чистый, тихій, опустѣвшій. Иду пѣшкомъ, оставивъ вещи на вокзалѣ, какъ въ былые годы. Людей мало, такъ бывало лѣтомъ, въ бѣлые ночи, около двухъ или трехъ часовъ. Окна магазиновъ заколочены; ворота закрыты; лица утомленныя, съ синевою подъ глазами; взгляды ушли въ себя; походка разсѣянная; нѣть смѣха; опущены руки, и точно пыль забвенія сбѣется съ голубого неба — такъ бывало въ бѣлые ночи. Но равномѣрно бѣгутъ полупустые трамваи, и солнце полуденное на панеляхъ, на облупленныхъ домаахъ, на ряби пустынной Фонтанки, на гривахъ Клодтовыхъ коней и на блестящемъ куполѣ новой мечети.

Я былъ въ Петербургѣ въ дни натиска Юденича. Изрѣдка слышались пошечные удары и дѣлали городъ и маски людей еще болѣе призрачными. Я заторопился обратно въ Москву, чтобы не быть отрѣзаннымъ.

Иванова-Разумника убѣждаю уѣхать. Если Юденичъ войдетъ въ Петербургъ, Иванову-Разумнику не сдобривать. Онъ молчитъ, и я знаю уже, что уговоры тщетны. Цѣлую его исхудавшее, постарѣвшее лицо. Слова шутливыя — и мои, и его. Но — Богъ вѣсть суждено ли увидѣться.

За часъ до отхода поѣзда у Эрберга. Онъ еще тоныше сталъ, еще гибче — фигура юноши, съ немолодымъ, нѣжно-

насмѣшилымъ лицомъ. Но въ худобѣ, въ морщинахъ, въ спокойно и красиво сложенныхъ рукахъ та же хрупкая, чистая, не-явная сила, что и въ стихотвореніяхъ его. Сегодня онъ чѣмъ-то взолнованъ.

— Что съ вами? — спрашиваю его.

Онъ молча киваетъ головою въ сторону сына. Сережа счастливъ сегодня — и я не знаю, почему? Но вижу: счастливъ.

— Мобилизуютъ восемнадцатилѣтнихъ, — спокойно говоритъ Эрбергъ, — на защиту Петрограда. Сережѣ — восемнадцать лѣтъ.

Я внимательнѣе гляжу на обоихъ. Сережа — его я долженъ запомнить. Это — наше, это — новое, это — счастье взять ружье и стать на защиту Петербурга. Нашъ — Петья Ростовъ — привычно цитирую я, и мнѣ стыдно въ душѣ передъ Сережею, что я — цитирую. Онъ не Петья Ростовъ, онъ самъ по себѣ. Будущее, не прошлое.

Эрбергъ провожаетъ меня. Но сказать вслухъ — не скажешь ничего. Тревога въ немъ, конечно; онъ взолнованъ и самъ по себѣ и отраженно — Сережей. Хорошо имѣть сына, который такъ берется за ружье. Хорошо быть съ тѣми, за кого можно такъ сражаться. Это — нашъ эпосъ, но не мы, старшіе, можемъ создать его.

— Я радъ, что онъ идетъ, — говоритъ Эрбергъ. — Но, конечно, его могутъ убить.

— Онъ хорошо идетъ, — отвѣщаю я.

Мы расходимся — поѣздъ сейчасъ отойдетъ. На перронѣ увѣряютъ, что это — послѣдній поѣздъ. Къ вечеру Петербургъ будетъ отрѣзанъ.

Іюнь. Москва.

Одна изъ бѣдъ нашихъ, та, что никто, сверху до низу, не можетъ сосредоточиться на своемъ дѣлѣ и довести его до конца. Начатое разваливаемъ скорѣе, чѣмъ стала видна его цѣлесообразность или нецѣлесообразность. Наиболѣе сложное изъ перекрещающихся вляяній — столкновеніе бунтарскихъ антигосударственныхъ силъ начала революції съ подсобнымъ и времененнымъ національно-государственнымъ строительствомъ.

.Ни голодъ, ни холодъ не мѣшаютъ мнѣ работать и вѣрить. Но гипертрофія «кастового» начала и связанное съ нимъ недовѣріе къ стоящимъ внѣ мѣшаетъ такъ, что нужна вся любовь къ революції, чтобы не бросить весла. Я не хочу недовѣрія къ себѣ за то, что я не перекраиваюсь въ защитные цвѣта. Неумѣніе считаться съ независимостью. Неумѣніе беречь людей.

Случайность привела меня къ осколкамъ разбитыхъ революціей аристократическихъ семей. Старое русское барство, которое презирало дворъ и не умѣло кланяться Столыпину. В. П. В., дочь извѣстнаго консерватора гр. Г. Семья С., Ш. и др.

Женщины, особенно старыя, въ ихъ средѣ очень хороши. Умны, смѣлы, обладаютъ зоркостью и чутьемъ къ правдѣ. Убийственны ихъ характеристики нашихъ дѣлъ, но не менѣе убийственны и отзывы о прошломъ. Превосходные администраторы. Съ презрѣniемъ нескрываемымъ относятся къ неспособнымъ своимъ мужьямъ, братьямъ и сыновьямъ. Конечно, хотѣли бы вновь обладать прежнею независимостью — но безкорыстны, умѣютъ любить дѣло.

Мужчины же мелки. Нѣть чувства дѣйствительности. Фальшивы, эгоистичны, узки, избалованы — и дорожатъ правомъ быть избалованными. Мысли распределены по полочкамъ, полочки охраняются тщательно, въ неумѣніи думать, въ вѣрности традиціи видятъ признаки своего аристократизма. Вѣковые гербы — но психологія и гнующіяся спины проходимцевъ въ случаѣ.

Сравниваю явленія холопства въ нашей новой демократіи съ готовностью къ холопству среди этихъ титулованныхъ. Не тѣ формы, но то же обоготвореніе власти. Власть — послѣдній судъ, замѣна справедливости, источникъ благъ и преимуществъ.

Вчера утромъ, когда шелъ въ Книжный Центръ — внезапно почувствовалъ, что замля уходитъ изъ-подъ ногъ. Прилонился къ столбу — минута ли, четверть ли часа протекли, не знаю. Я понялъ, что живу изъ послѣднихъ силъ. Надо спасаться: либо отдыхъ, либо калѣчество.

Уѣзжаю на шесть недѣль на хуторъ, на Украину. Нелѣгко оторваться отъ Москвы. Бхать жутко. Но — надо. Съ того дня, какъ вышелъ изъ упряжки — апатія и сонь. Сижу въ углу. Кто-то за меня рѣшаетъ. Кто-то меня повезетъ. Ну, въ упряжкѣ я бы еще походилъ...

· · · · · · · · · · · · · · · · ·

Въ пути. Начало іюля. Ст. Казатинъ.

Чѣмъ дальше въ глубь Украины, тѣмъ хуже. Къ тому же мы продвигаемся не въ глубь, а къ западной окраинѣ, наиболѣе темной и наиболѣе пострадавшей отъ войны. Да и сейчасъ здѣсь война — самый худшій ея видъ, гражданская война съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Въ Великороссіи и другъ и врагъ видѣли, не могли не видѣть, одно: огромнымъ напряженіемъ воли глыба народная поднята вверхъ, на доселѣ недостигнутую высоту. Упадетъ — будетъ хаосъ. Разрѣшится это напряженіе по законамъ архитектурнымъ — будетъ новое зданіе. За частностями проглядывалъ цѣльный стальной стержень. На Украинѣ стержня нѣтъ, есть стремленіе множества не покрытыхъ единою волею желаній. Украина — въ хуторахъ, менѣе компактна, ее нельзя метнуть, какъ дискъ. Неуклонность Москвы ей чужда. Она либеральна. Торговцы, чиновники, помѣщики, спекулянты, офицеры, крестьяне — все это сочнѣе, чѣмъ на Сѣверѣ, упорнѣе, самоувѣреннѣе, и все это нескладно, сердито, эгоистично рветъ ткань въ свою сторону, перекраиваетъ совѣтскій фасонъ на свой ладъ, отмалчивается, поддѣлывается.

На вокзалъ вповалку бѣженцы, красноармейцы, перебѣжчики — отъ красныхъ къ бѣлымъ и отъ бѣлыхъ къ краснымъ. Тревожно оглядывается по сторонамъ изможденный юнецъ — бѣжалъ изъ Черниговской тюрьмы, пробирается стороною въ Москву — тамъ безопаснѣе. Красивая сѣдая женщина — ѳдетъ на югъ разыскивать пропавшихъ безъ вѣсти сыновей. Подозрительного вида человѣкъ, въ гусарской курткѣ, съ кривыми ногами, безъ устали говоритъ о значеніи краснаго фронта — и что-то фальшивое есть въ его голосѣ; послушавъ, люди отходятъ, а гусарь волнуется все больше и больше.

Поѣздъ поданъ — просторно. Въ насъ узнаютъ москвичей, вагонъ примолкаетъ, вражда.

Хуторъ.

Докатились. Поистинѣ — пропасть, хотя и лишенная тишины. Въ двѣнадцати верстахъ отъ насы банда громитъ Теофиполь. Много убитыхъ. Евреи прячутся въ поляхъ. Мѣстечко горитъ. По направленію къ Антонинамъ — артеллерійская пальба: отступаютъ петлюровцы, готовя гдѣ-то въ сторонѣ прорывъ. Хуторяне шестой годъ подъ рядъ слышать пушечную пальбу и ждутъ смѣны хозяевъ.

Крестьяне прежніе — друзья, лукавцы, безпринципники и немножко дѣти. И въ то же время не прежніе — появились гражданскіе интересы (приспособить къ своимъ нуждамъ политическую дѣйствительность), опытъ (не въ лозунгахъ дѣло, а въ томъ, кто что дастъ) и есть небывалая тяга къ лучшей жизни. Подвижности тоже стало больше, грамотности, кругозоръ шире. Кто побывалъ въ плѣну, кто чудомъ какимъ-то возвратился изъ Франціи и съѣть самую непримируемую ненависть къ ея порядкамъ. Была нѣмецкая оккупациѣ — съ ея прямолинейною строгостью, фасадомъ законности, безпощаднымъ, подъ шумокъ, грабежомъ и внезапнымъ уходомъ, навѣки погубившимъ репутацію нѣмецкой непобѣдимости въ глазахъ хуторскихъ бабъ и ребятъ. Потомъ — гетманщина, карательные отряды, грубость — уроки

классовой борьбы. Потомъ — национальные лозунги, раздумье надъ связью съ метрополіей, комитеты, комбѣды, воззванія, гражданская война, учеты и переписки полей, фруктовыхъ деревьевъ, скота, ульевъ — равновѣсіе деревенского быта нарушено, а выборъ не сдѣланъ, и врядъ ли когда-нибудь будетъ въ дѣйствительности сдѣланъ. Но пассивная сила упора велика, очень велика. И глубоко вросли въ землю корни старыхъ мечтаний: земля и свобода. Крестьяне и вѣрять и не вѣрять до сихъ поръ въ то, что оно пришло. Кто знаетъ, что будетъ завтра?

— Панъ, гетманъ, комиссарь, польскій жандармъ? Надо лавировать. Но одно для нихъ несомнѣнно: оно — не миѳъ, почти далось въ руки въ 905 году, дается сегодня, значитъ, когда-нибудь да будетъ. Оттого такъ смѣшиваются рабость и напоръ, оглядка и крестьянская революціонность. Оттого сельскіе комитеты и комбѣды, хотя ихъ понемногу и захватываютъ въ свои руки кулаки, тянутся въ общемъ къ чисто-крестьянскому самоуправлению.

Августъ. Хуторъ.

Нашъ домъ разбитъ проходившею черезъ село бандою. Крестьяне дали намъ избу посреди села — поближе къ людямъ — туда собраны остатки вещей. Мы ждемъ.

По утрамъ и вечерамъ надъ полями тянутся глухіе отзвуки далекой канонады. Десятки мѣстныхъ фронтовъ вскакиваютъ, какъ пузыри на водѣ. Иногда они смыкаются вокругъ насъ кольцомъ. Неспокойно. Лучше бы на съверъ, домой, за работу. Но здѣсь, отъ праздности и лучшаго питанія, вскрылись нажитые недуги, истощеніе, упадокъ воли. Чуть ли не каждый вечеръ происходитъ въ пустомъ амбарѣ — нашъ клубъ — бесѣда. Я лежу съ книгой на охапкѣ сна, громогу читать и, закрывъ глаза, вслушиваюсь въ далекій грохотъ. А. — въ разбитой качалкѣ. М. обложился книгами и читаетъ запоемъ.

— Не время ли уѣзжать обратно?

А. — врачъ — хочетъ выгадать для насъ хоть двѣ недѣли лишняго отдыха.

— Погодите до середины августа.

М. — молчитъ. У него расширено сердце, страшно налиты кровью жилы на лбу, онъ знаетъ — еще одна голодная зима, и конецъ.

— А если отрѣжутъ?

— Не отрѣжутъ, — легко и увѣренно говоритъ А.

Возражать нѣтъ силъ. Бесѣда обрывается до слѣдующаго вечера.

Сообщеніе съ сѣверомъ и съ Кіевомъ прервано. Петлюровцамъ удался ихъ прорывъ. Что будетъ? Положеніе вокругъ таково, что чудятся не недѣли, а мѣсяцы деревенскаго заточенія. Въ зыбкомъ междуфронтовъ невозможна ни личная, ни политическая, ни культурная работа. Мы уже привыкли къ далекому грохотанью пушекъ. Но близкое такатанье пулемета волнуетъ. И еще больше волнуетъ — одинаково и насъ и крестьянъ — смѣна враждующихъ частей.

Тѣхъ безчинствъ, что были весною, судя по разсказамъ теперь нѣтъ. Одинъ изъ красныхъ полковъ разгромилъ Теофиполь и округу — виновныхъ переловили подоспѣвшія регулярныя части и тѣхъ, на комъ были найдены крупныя суммы денегъ или золотыя вещи, разстрѣляли. Петлюровцы, расчитывая на успѣхъ, прекратили въ нашемъ районѣ еврейскіе погромы — да и не могли не прекратить: чуть появится отрядъ, евреи бросаются дома и скрываются въ рожь. И красная и петлюровскія части проходятъ чинно, долго не стоять на мѣстѣ и не сводятъ политическихъ счетовъ съ населеніемъ. Но и для крестьянъ и для солдатъ есть что-то непереносно-фальшивое именно въ этомъ фазисѣ петлюровско-большевистской войны.

Когда начальство уснетъ, делегаты враждующихъ сторонъ сходятся гдѣ-нибудь на углу или за выселками и говорятъ, говорятъ... На завтра ползутъ слухи о соглашеніи между солдатами. Начальство бѣть тревогу, отряды разводятъ, между фронтами образуется пустота. Безвредно стучать въ спины уходящимъ съ обѣихъ сторонъ пулеметы. Рѣдко-рѣдко столкнутся со страннымъ осторвенѣніемъ конные разъезды.

Бои коротки и не кровопролитны. За то жестоки расправы, когда врагъ попадется въ плѣнъ. Безпомощность ожесточаетъ.

И красные и петлюровцы упрекаютъ крестьянъ въ нерѣшительности.

— Да кто вы такіе? — чуть не плача, кричалъ мальчикъ — сѣчевикъ въ нарядныхъ алыхъ шароварахъ. — И намъ въ спину палите, и краснымъ. За кого вы, такіе-растакіе?

Волынскіе лисы-патрикѣвичи жмутся и кряхтятъ. Какъ бы чего не вышло. Республика ничего, не плохо. Возвратится царь — опять войны начнутся. И пановъ не надо. Земли надо. Свободы надо. Но «коммуны» не надо. Порядка надо. Но начальства не надо. Поляковъ совсѣмъ не надо — они угрожаютъ панциною и отбираютъ церкви. Украинцы — сами по себѣ народъ, и языкъ, конечно, и религія. Однако и галичане тоже сами по себѣ, съ Богомъ пусть домой уходятъ, свои поля берегутъ. Воевать же за «самостійную» не надо, и, пожалуй, самой «самостійной» не надо, если москалей уберутъ и дадутъ жить по своему.

— Какъ не надо! — реветъ галичанинъ. — Что это вы насъ живьемъ ляхамъ продать хотите?

— Не надо? — грозится полтавецъ. — «Коммуны» захотѣли?

А волынскій хуторянинъ кряхтитъ и жмется. — Я васъ всѣхъ пересижу, — практически думаетъ онъ и отнѣкивается.

Иду на хуторъ В. въ шести верстахъ отъ насъ. А къ вечеру между нами и В. пролегъ фронтъ. Ни впередъ ни назадъ.

Старосту петлюровцы обвинили въ шпіонажѣ. Увели съ собою, напугали и нещадно выдрали шомполами. У него же спина еще не зажила отъ такой же порки, учиненной красными.

Возлѣ нашей хаты петлюровцы пристрѣлили прохожаго. Говорили, шпіонъ.

Павло-воръ. Быль за панибрата съ красными, теперь съ петлюровцами. Выдаєтъ односельчанъ, у кого оружіе, у кого деньги. Пока не трогаютъ ни вооруженныхъ, ни состоятельныхъ.

Лозунги, само собой разумѣющіеся въ центрахъ, здѣсь теряютъ всякое значеніе. Что волостные республики! Каждый хуторъ — республика. И каждый — за право собственности. Здѣсь — просто.

Приходитъ Денисъ, говорить:

— Хоть бы большевики пришли скорѣе на-крѣпко. Будетъ вся земля одна. А то ходятъ — ходятъ, силь моихъ нѣть больше.

Приходитъ Тимофей:

— Поляка видѣлъ у петлюровцевъ. Красивый, какъ картина. Говорить, скоро придутъ поляки, будетъ порядокъ.

Владимиръ — архаический мужикъ:

— Пришелъ ко мнѣ петлюровецъ, взялъ табаку полъ фунта, далъ сорокъ карбованцевъ. А ему цѣна — двадцать. Хорошіе люди петлюровцы, дай имъ Богъ здоровья...

...Чтобы не было ни крестьянъ, ни рабочихъ, чтобы были — работники. Они не хотятъ быть работниками. Они — хозяева. Окликаютъ, здороваясь, почетнымъ — хозяинъ.

Сентябрь. Хуторъ.

Прекратилась борьба, нѣтъ близкихъ фронтовъ. Нами пра-
вить Директорія — вѣрнѣе, украинскія уѣздныя земства.
О Директоріи крестьяне острятъ: подъ вагономъ —террито-
рія, въ вагонѣ — Директорія, но, пренебрегая валютными
тонкостями, собираютъ петлюровскія деньги и дополняютъ
ими завѣтную кубышку.

Съ юго-востока близится Деникинъ. Съ запада — поляки.
Верстъ семьдесятъ-девяносто до аванпостовъ красной арміи.
Отъ Проскурова и Хмельника идутъ слухи о мѣстныхъ бан-
дахъ. Крестьяне настороженны и недовѣрчивы. Наше положеніе — незавидное. Если придутъ деникинцы, намъ грозитъ
гибель. Для поляковъ мы — русскіе, москвичи, съ опредѣ-
ленной репутацией. Петлюровцы на насъ косятся — дер-
жимся прочными связями съ крестьянствомъ.

Уйти бы хоть пѣшкомъ отсюда — да опоясаны мы, какъ и
вся Россія, поясомъ сыпного и возвратнаго тифа. Всякій
почти, пришедшій со стороны Кіева или Коростеня, заболѣ-
ваетъ. «Деникинскій тифъ» знаменитъ своей жестокостью
— выживаютъ рѣдкіе. Сколько людей падаетъ въ пути, на
вокзалахъ, на пунктахъ, въ домахъ случайныхъ благодѣ-
телей.

И у насъ тифъ растеть съ каждою недѣлею, растеть и народный страхъ передъ нимъ, но растеть и опытъ. Довѣріе къ знахарямъ пока не падаетъ, но все чаще зовутъ нашего доктора и принимаютъ лѣкарства, сколько бы они не стоили. Крестьяне увѣровали въ вспрыскиванья камфоры и кофеина. Просятъ о нихъ, обижаются, если не дѣлаютъ. Учатся изолировать больныхъ. Начинаютъ слѣдить за чистотой. Но въ вошь не вѣрятъ. Развѣ безъ вши можно? — говорятъ одни. Другие же, кишащіе насѣкомыми: — Да гдѣ же она, вошь? Я ее никогда и не видѣлъ...

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не замѣчаютъ. Какъ воздухъ.

Вымираютъ старики и сорока — сорока-пятилѣтніе крѣпкіе люди. Вотъ онъ — моръ въ деревнѣ. Страшно ли? И да, и нѣтъ, вѣрнѣе — тяжело. Чувство непоправимости. Иногда ужасъ: гибнемъ, всѣ гибнемъ. Вообще дѣйствительная опасность не то, что воображаемая. Общественная, длительная — не то, что личная и кратковременная. Воображеніе притупляется. Открываются новые родники силъ. Смерть не такъ страшна, приходитъ покорность. Все равно, не уйдешь, все равно принесешь вшей отъ сосѣдей, самъ не принесешь — привезутъ докторъ или сестра милосердія отъ больныхъ.

Обезхозянныя семьи быстро приспособляются къ новому положенію. Подростки преждевременно зрѣютъ. Хозяйства падаютъ. Значительнѣе, чѣмъ раньше, роль женщины въ семье и въ работѣ. Связи между людьми, дары памяти, горя и сочувствія — бѣднѣе и бѣднѣе. Кромѣ отдѣльныхъ чудесныхъ вспышекъ. Общий уровень ниже — героевъ больше, и они выше.

Случайно дошли до насъ газеты. Въ городахъ голодъ. Заводы стоятъ. И тамъ гибнетъ народъ отъ тифа, холеры и оспы. Моръ, отъ котораго, какъ старики говорятъ, — когда-

то вольнѣе становилось жить на землѣ, переставали люди тѣсниться.

Кто радуется смерти, кто станет звать ее? Никто. Но странная и жуткая томитъ мысль. Вымираютъ старики и сорока, сорокапятилѣтніе люди, — вымираютъ традиціи старой, деревенской Россіи. Сыпной тифъ на службѣ у революції? Расчищаетъ дорогу тѣмъ, кто не отравленъ войною, кто былъ ребенкомъ въ царскіе времена и не привыкъ гнуть спину, кому поневолѣ пришлось въ шестнадцать-восемнадцать лѣтъ стать хозяиномъ въ домѣ и гражданиномъ.

Вымираютъ еще и слабые.

Въ Сибири, на югѣ, на западѣ ушло много тѣхъ, что подняли руку на народъ, но и тѣхъ, что съ народомъ, — какъ сравнить и взвѣсить потери? Глухо таетъ чиновничья, приказная, лѣнивая, безпомощная, неповоротливая, балованная Русь. «Толстозадая», сказалъ Блокъ. Умираетъ; цѣляется за жизнь; перестаетъ рождать. А рядомъ... Хищникъ; самородокъ-рабочій, крестьянинъ или солдатъ; поэтъ; святой; атаманъ, садистъ, убийца; человѣкъ безъ страха; разнужданный негодяй; преодолѣвающій себя отщепенецъ; человѣкъ изъ стали; простецъ, по-простецки полагающій жизнь за други своя; дѣлецъ, которому вездѣ тѣсно и всего мало; фантастъ; воръ и каторжникъ, въ которомъ огня, воли и душевныхъ сложностей станетъ на десять мирныхъ реформаторовъ; теоретикъ съ волею полководца — и всѣ безъ сѣдинъ, безъ оглядки на прошлое, безъ горба, безъ знанія о тщетѣ дѣлъ человѣческихъ — всѣ находятъ почву, тепло, гной, влагу, и буйно, полно и требовательно тянутся вверхъ, какъ хмель, и новая надъ Россіей раскидывается сѣнь, иное дерево, иной листъ и цвѣтъ...

И еще: сколько чужихъ народовъ топтали Россію! Не только топтали. Былъ отдыхъ у чужого очага, раздумье, тоска, нѣжность къ чужой женщинѣ, закипаніе страстей — въ мечтахъ о родномъ. И сколько дѣтей дали они Россіи, эти венгры, турки, латыші, чехи, нѣмцы, французы, итальянцы,

китайцы? Кто учитеть? Ихъ вѣдь — не тысячи, не десятки даже тысячъ: что это?

И еще. Разрушены богатства. Снята кора покоя съ тысячами тысячъ сытыхъ душъ. Сброшены цѣпи и опять надѣты — другія цѣпи — своееволеніе и хлыстъ, высокія слова, высокія дѣла и низости, въ такомъ огнѣ, въ такой тревогѣ — кто и хѣ учитеть?

Съ корою за одно подчасъ снимаютъ шкуру, — что же, и сыпной тифъ не нарочно, и не людьми придуманъ, и эти десятки тысячъ дѣтей отъ иноземныхъ отцовъ — тоже...

Октябрь. Хуторъ.

Крестьянинъ цѣнитъ силу и удачливость. Широта крестьянской морали прикрыта лицемѣріемъ. Она блюдетъ формы, не заботясь о сущности. Нигдѣ не живутъ люди такъ корыстно, какъ въ деревнѣ...

Сосѣдніе врачи берутъ съ крестьянъ за поѣздку къ больному отъ трехсотъ до пятисотъ царскихъ рублей. Знахари — и того дороже. Знахаря надо привезти на крытой ковромъ телѣгѣ, напоить водкой, угостить изысканнымъ обѣдомъ — уѣзжая же отъ больного, котораго погубятъ знахарскіе рецепты, онъ увозитъ съ собою два-три пуда ржи въ зернѣ, полъ пуда пшеницы, сало, сметану, домашнюю птицу. Нашъ докторъ не спрашиваетъ вовсе денегъ за визитъ, либо спрашиваетъ десять-двадцать рублей. Эта умѣренность роняетъ его въ глазахъ крестьянъ. Они больше вѣрятъ дорогому. И только удачливость лѣченія подымаетъ шансы не желающаго быть корыстнымъ врача.

Знахари лѣчать сыпнякъ — талымъ снѣгомъ. Обкладываютъ больного снѣгомъ и кладутъ у жарко натопленной

лечи. Снѣгъ таетъ, мокрое тряпье часами лежитъ на большомъ.

Противъ оспы — керосинъ и коровій пометъ.

Земельный вопросъ петлюровское земство рѣшаеть быстро и практически. Немедленная разверстка, помѣщикамъ — по пятнадцати десятинъ на семью, крестьянамъ — прирѣзки. Общее правило при всѣхъ разверсткахъ: землю захватывають богатые крестьяне. У нихъ лошади, навозъ, плуги, рабочія руки.

Мы открываемъ школу въ старомъ домѣ. Родительское собраніе. Вопросъ, на какомъ языкѣ преподавать? Рѣшаютъ — и на русскомъ, и на украинскомъ. Требуютъ преподаванія нѣмецкаго языка. Пятнадцатилѣтніе подростки — за преподаваніе физики, механики и началь электро-техники. На уроки обѣ электричествѣ собирается почти вся школа. Изъ семи старшихъ учениковъ пятеро мечтаютъ поѣхать въ Киевъ, въ техникумъ.

Развѣдка отъ красной арміи. Крестьяне не вѣрять въ прочность петлюровщины. Почему? Нѣть отвѣта, краткое: — Скоро окончится.

Въ школѣ ежедневно выбываетъ по двое — по троє больныхъ сыпнякомъ. Заболѣлъ учитель, одинъ изъ трехъ. Учимъ, стоя — чтобы не садиться за грязныя парты.

Въ сумерки, почти крадучись, пришелъ Денисъ.

— Если не уничтожили совѣтскіе документы, уничтожьте поскорѣе, или заройте въ землю; петлюровцы собрались уходить. Придутъ поляки.

Земля — вмѣсто банка. Хранить деньги, часы, серебро, мандаты. Для зерна въ одномъ изъ угловъ хаты — двойная стѣна. Заботливо выращенный табакъ размѣщенъ въ наиболѣе пыльныхъ углахъ чердака. Запасная одежда и рукописи сданы на храненіе крестьянамъ. И не мы одни такъ по звѣриному живемъ. Медъ крестьяне зарываютъ въ землю. Откормленныхъ кабановъ прячутъ въ тайники подъ амбарами. Оружіе отчасти хранится подъ церковнымъ поломъ. Полушубки и праздничная одежда — въ домѣ священника.

Ноябрь. Хуторъ.

Нашъ уѣздъ занять польскими войсками. Для нась это произошло безболѣзненно — село наше не по тракту. Въ уѣздномъ городѣ были, говорятъ, разстрѣлы, и тюрьма переполнена арестованными. Три мѣсяца тому назадъ, внезапно, никого не предупредивъ, исчезли уѣздныя совѣтскія власти. Теперь не стало петлюровскихъ. Крестьяне украинской оріентаціи сидѣть по хатамъ, даже на сходы не показываются. За то подняли голову мѣстные крестьяне-католики. И своеобразно: грозятся сегодня тѣмъ же, чѣмъ ихъ паны грозились двѣсти лѣтъ тому назадъ:

— Прогонимъ попа. Запечатаемъ церковь. Закроемъ русскія школы. Панскую землю разберутъ католики, православнымъ земли — ни одной морги.

Опять изъ Проскурова идутъ слухи о приближеніи деникинской арміи и о соглашеніи Деникина съ поляками. Слухамъ этимъ столько недѣль, что мы перестали вѣрить въ Деникина. Нашъ освѣдомитель, украинскій земецъ Пантелеймонъ, скрылся отъ поляковъ. Одно ясно — у Деникина удача. И можетъ-быть, пока мы сидимъ въ невѣдѣніи на самомъ днѣ волынской трясины — для республики насталъ послѣдній часъ.

Крестьяне снова зачастили къ намъ — совѣтоваться. Если они колебались въ выборѣ между большевиками и петлюровцами, то теперь мѣста колебаніемъ нѣтъ. Деникинъ ли, поляки ли — все равно. Паны вернутся въ имѣнія, надо ждать расправы, и конецъ свободы. А въ деревнѣ словомъ свободо да стали обозначать новую общественную эру:

- Когда свобода пришла . . .
- Это случилось — еще свободы не было . . .

Денисъ пришелъ рано утромъ съ обычнымъ крестьянскимъ вступленіемъ:

- Говорятъ, возлѣ Николаева (село) соль подешевѣла.
- Деникинцы навезли?
- Да, деникинцы. Поѣздами возятъ.
- Молчаніе.
- Говорятъ, бываютъ. Особенно тѣхъ изъ крестьянъ, что побѣднѣе. И комитетчиковъ.
- Уходить придется?
- Торопиться нечего. Ужо, подожду.
- А за солью поѣдете? Вотъ бы и для нась . . .
- Надо будетъ . . . Еще говорятъ, въ Тарнополѣ мануфактура и нитки совсѣмъ за безцѣнокъ.
- Поляки навезли?
- Да, поляки, — Денисъ оживляется. Магазины полны. Чего не попросишь, все есть. Надо бы съѣздить. Въ Бродахъ поляки обѣщаютъ лошадиную ярмарку устроить.

Опять молчаніе. Затѣмъ не мѣняя интонацій, очень дѣловито Денисъ говоритъ:

- Говорятъ, и поляки бываютъ.
- Тоже тѣхъ, что побѣднѣе?
- Нѣтъ, они — и богатыхъ и бѣдныхъ. Особенно комитетчиковъ. Просто, звѣри. Шкуру спускаютъ.
- Уходить придется . . .
- И т. д.

Такова симпатія бесѣдъ, навѣянныхъ близостью поляковъ и деникинцевъ. Соль, мануфактура, битье и отчаянный страхъ передъ польской и деникинской мобилизацией — не даетъ спать крестьянамъ, до поздней ночи виденъ мнѣ со школьной горки свѣтъ въ трехъ или четырехъ избахъ, гдѣ охотнѣе всего собираются на посидѣлки. При совѣтской власти и при директоріи была гражданская жизнь. Сходы, раздѣль земли, учеты, комитеты, переписи, съѣзды, газеты, воззванія — все это измотало и осточертѣло, но когда поляки отняли эту жизнь, вспомнилось довоенное рабство и робкій начался протестъ. Но въ долговѣчность «польской влады» никто не вѣрилъ. Мнѣ и не снилось такое презрѣніе народа къ народу, какое поднялось надъ деревней при видѣ первыхъ польскихъ жандармовъ съ желтыми кантами и лампасами — «канарки», зовутъ ихъ поляки же. Собаки, ляхи, паны — ихъ не называли иначе по хатамъ, но передъ ними гнулись лѣстиво и по рабыи, ибо польская нагайка рѣзвѣ и безпощаднѣе казацкой и служитъ не столько государственной необходимости, сколько развлеченію.

Другое дѣло — Деникинъ. Это — призракъ старой Россіи и, если онъ воплотится, то надолго. О дѣлахъ деникинской арміи доходили до насъ отъ очевидцевъ страшные разсказы. Это — даже не классовая армія, а лава дворянъ-мѣстителей, дворянъ-вѣшателей и дворянъ-садистовъ. Забиться бы поглубже въ солому и переждать, авось пронесеть. Да вотъ, пока соль дешева, соли прикупить бы. Битый не битый, а безъ соли не пообѣдать. Но — только бы не мобилизациія. По совѣсти не можетъ и страшится крестьянинъ приложить руку къ арміи старой Россіи. Даже священники мѣстные — кромѣ одного — съ отвращеніемъ говорили о его приходѣ. Хлопцы собирались въ бѣга и мечтали объ атаманахъ и бандахъ.

Собрать банду, врѣзаться между бѣлыми и красными, разграбить обозъ, пострѣлять въ спину отступающимъ, рявкнуть «долой коммуну» или «долой Петлюру, с...с...» — это

можно, не грѣхъ, а порою бываетъ и польза. Въ Полтавщинѣ и Киевщинѣ широко возродилось старое казацкое кондотьерство. Темная Черниговщина отдала бандамъ самые каторжные свои элементы. Черниговцы рѣзали помѣщиковъ, прикидываясь красными, уничтожали сельскихъ учителей и евреевъ, служа Петлюрѣ, и легко отрывались отъ всякихъ болѣе серьезныхъ образованій, чтобы отбить обозы красивыхъ, увести лучшихъ лошадей съ села и обобрать зажиточныхъ крестьянъ. — Но проклять тотъ, кто пойдетъ подъ знамена генеральской Россіи. Никто не вѣритъ ея лозунгамъ. Учредительное собраніе? Что оно такое?.. Обманутъ. Земля народу? Обманутъ. Порядокъ? Обманутъ. Эти лозунги даже не обсуждаются деревней, какъ въ царскія времена не обсуждались манифесты. «Классовая точка зрењія», во всякомъ случаѣ «классовая подозрительность» — глубоко музыцикская мысль. Прежде чѣмъ воспринять лозунгъ, онъ окинетъ окомъ штаны, сапоги, руки и лицо глашатая — и не ошибется. Вильсонъ или Пилсудскій, самоопредѣленіе или освобожденіе, все равно, онъ вздохнетъ, какъ бывало, въ церкви при чтеніи манифеста и поторопится урвать отъ лозунга какую-нибудь «маленьку пользу». У Деникина — соль, у Пилсудскаго — газъ (керосинъ) и мануфактуру, у Вильсона — обувь, присланную для разоренныхъ евреевъ, и одеженку для дѣтей. О лозунгѣ же стоитъ толковать, если онъ отъ своихъ, отъ себя, тутъ вотъ изъ нѣдра родныхъ вышелъ, и не гантированно рукою поданъ. За время войны и революціи крестьянинъ понялъ, что политика — это хозяйство, и съ нехозяйственнымъ носителемъ лозунговъ онъ станетъ говорить лишь въ минуту досуга, какъ съ проходящимъ прохвостомъ...

Оттого крестьянинъ при всей жаждѣ порядка бѣль добровольцевъ, ибо хозяйственно добровольческая армія была не порядкомъ, а возвратомъ къ безпорядку. Оттого на Украинѣ онъ готовъ былъ годами стоять подъ ружьемъ противъ сельской «коммуны» и противъ пана гетмана,

не будучи въ то же время ярымъ сепаратистомъ. Оттого, во-преки послѣднимъ интеллигентскимъ схемамъ, онъ готовъ и сейчасъ говорить объ извѣстныхъ формахъ соціализаціи земли, ибо соціализація гарантируетъ на годы и десятилѣтія непродажность и недѣлимость его мельчающаго хозяйства. Оттого и по сейчасъ, послѣ всѣхъ встрясокъ и испытаній, крестьянинъ, копящій деньги, скотъ и вещи, какъ жадный мѣщанинъ, — не по мѣщански широкъ въ своемъ чутьѣ къ земельно-общественному строительству. И я знаю, что близокъ день, когда разбѣжавшіеся, истасканные, растерявшіе свой идеиній багажъ вчерашиіе учителя крестьянства именно здѣсь, въ деревнѣ, будуть уже не учить, а учиться —стойкости коллектива, медленно копящаго свой опытъ и медленно, какъ и подобаетъ большому кораблю, отваливающаго отъ старыхъ пристаней... И нужно сказать правду: «разочарованія» соціалистической интеллигенціи оттого такъ остры, что она шла въ деревню поучать, а не учиться, что она организки не умѣла учиться, и фланнировала по трясинамъ деревенскихъ улицъ большою частью именно въ качествѣ бродячаго прохвоста, носителя возвышенныхъ лозунговъ. Персонажъ — подходящій для бесѣды на бревнѣ или на лужку передъ шкальней...

Сосѣди рассказываютъ о какомъ-то «тайномъ съѣздѣ» въ Староконстантиновѣ. Я ищу участниковъ съѣзда, но они неуловимы. Собесѣдники же этихъ участниковъ, которыхъ что-то слишкомъ много, и которые что-то слишкомъ рѣчисты, не внушаютъ довѣрія. И какъ всегда въ деревнѣ, духъ событія схваченъ вѣрно, а ликъ его деревня творить, непосредственно и радостно.

Приходятъ Денисъ, Иванъ, комитетчикъ и скорѣе мастеровой, чѣмъ крестьянинъ, Василь, бывшій атаманъ, и кое-кто изъ красныхъ.

— Былъ съездъ?

— Былъ.

— Кѣмъ созванъ?

— Директоріей.

— Кто ъздила?

— Да неизвѣстно. Говорятъ, тотъ да этотъ. А того, кто былъ, и не поймаешь.

— Но навѣрное былъ?

— Былъ, былъ, какъ можно.

— А говорилось?

— О самостійной Українѣ.

— Границы? Время? Условія?

— Нѣтъ, ничего объ этомъ, только — что самостійная когда-нибудь да будетъ. Со временемъ. А пока Петлюра спрашивалъ...

— Самъ Петлюра былъ на съездѣ?

— Нѣтъ, не Петлюра... Изъ директоріи кто-то. Петлюра велѣлъ спросить согласны ли громадяне на мобилизацію.

— Противъ кого же мобилизація?

— Въ этомъ-то все дѣло. Про мобилизацію говорили вообще, что она нужна. А противъ кого — голосовали. Голосовали про всѣхъ. Противъ поляковъ — всѣ до одного подняли руки, всѣ пойдутъ. Противъ Деникина — половина. Боятся. Шутить не станетъ. Слышали мы, какъ онъ станицы на Кубани жегъ. Противъ большевиковъ — не пойдемъ. Есть охотники, пусть идутъ. А обществомъ не пойдемъ...

Было ли въ Староконстантиновѣ такого рода голосованіе — вопросъ сомнительный. Но духъ волынской деревни схваченъ вѣрно. Крестьянство преклоняется передъ силою и презираетъ неустойчивость, одинаково — личную и государственную. И пытается создать равнодѣйствующую между наиболѣе надежной изъ борющихся силъ, своимъ хозяйственнымъ консерватизмомъ и своими запросами — земли, самоуправлія и какихъ-то темныхъ, новыхъ, хозяйственныхъ нормъ, которыхъ такъ нужны, которыми манять возвышенные лозун-

ги, но которыхъ все нѣтъ да нѣтъ въ этой мучительной обыденности.

Поляки, галлеровцы, стоять въ сосѣднемъ селѣ, въ полутора верстахъ отъ насъ. Въ десяти верстахъ — еще отрядъ. Въ двадцати — крупныя части пѣхоты и кавалеріи. По дорогамъ гарцууютъ разъѣзы. Помѣщики и ихъ управляющіе потянулись въ полуразрушенныя усадьбы. Показались евреи-торговцы, давно не виданныя коляски — вообще ландшафтъ сталъ прежній, «дореволюціонный».

Вмѣсто старшины у насъ — войтъ, въ уѣздѣ — панъ староста, въ губерніи — панъ воевода. Земство распущено, служащіе уволены, языкъ канцелярій — польскій. Почты закрыты. Суды бездѣйствуютъ. Говорять о закрытіи школъ. Администрація вербуется «изъ пановъ, панковъ и пидпанковъ», какъ острять крестьяне — изъ мѣстныхъ помѣщииковъ, изъ шляхты, изъ служащихъ въ огромныхъ имѣніяхъ кн. Сангушка. Распоряженія новой власти? Ничего положительного. Пока только разрушеніе. Тифъ разливается — велять ставить вѣшки передъ зараженными хатами. Ни врачей, ни денегъ, ни медикаментовъ. Началась оспа. Растетъ возвратный. Подъ Ковелемъ и по направленію къ Луцку — гдѣ поля сплошь изрыты окопами, а населеніе сплошь ушло во время войны на востокъ — голодъ, но помощи нѣтъ. За то вѣльно поставить столбы съ надписями на перекресткахъ дорогъ. Украсить номерами и названіями улицъ хаты. За то растутъ реквизиціи хлѣба и скота. Гдѣ-же «освобождаемая» Украина? — Уѣздный староста, начальникъ района, проѣзжій офицеръ, курьеръ въ армію, реквизиторъ, чиновникъ весело улыбаются и машутъ рукою:

— Объ Украинѣ только говорится.

И подмигаютъ, точно вы ихъ вѣрнѣйший союзникъ, точно вамъ ужасно по душѣ эта милая политическая шутка.

— Но союзъ, Киевъ, границы?

Шутка зашла слишкомъ далеко. Улыбки и подмигиванія уже нѣтъ. Передъ вами — подобранное лицо римлянина, идущаго за Рейнъ покорять варваровъ:

— Границы 72-го года. А объ остальному поговоримъ въ Киевъ или Одессѣ.

Сколько этихъ римлянъ прошло мимо насъ, и сколько рѣчей о культурѣ польского Рима слышали стѣны нашей школы. И каждый разъ хотѣлось легонько тронуть рукою доспѣхи воиновъ — не изъ картона ли они? Не гrimъ ли эти брови и румянецъ? Въ какой школѣ изученъ пафосъ, этотъ холодный, бездушный, нечестный пафосъ, пережитокъмагнатской Польши, съ ея арміями лакеевъ и прихлѣбателей, столь чуждый тихому польскому крестьянину, но полонившій польскую литературу, печать, политику? Одно было не театрально у этихъ римлянъ славянства: ихъ шомполы и нагайки, которыми они помахивали передъ физіоніями «хлоповъ». И много рубчатыхъ записей оставили они послѣ себя на спинахъ этихъ хлоповъ.

Декабрь. Хуторъ.

Галлеровцы пробуютъ разоружить деревню. Отданъ приказъ снести оружіе въ трехдневный срокъ.

Оружія въ деревнѣ, конечно, много. Запрятано оно такъ, что чужому не найти. Подъ соломою, подъ навозомъ, въ соломенныхъ кровляхъ, подъ печками, въ подпольяхъ. Въ одномъ изъ сосѣднихъ сель есть пулеметы и ленты къ нимъ. Въ сель К. петлюровская армія уходя бросила три здоровыхъ пушки со снарядами. Крестьяне дорожатъ оружіемъ, хотятъ его имѣть и ни за что не разстанутся съ нимъ.

Прелюдія къ конфискаціи оружія — свирѣпая солдатская брань, пальба въ воздухъ въ разныхъ концахъ села и свистъ нагаекъ. У старика Пантелея подбили глазъ. Степанъ по зорно бѣжалъ съ десяткомъ синяковъ на мельницу. Семенъ возмутился щелканьемъ нагаекъ, оттолкнулъ обидчика и крикнулъ:

— Что мы — скотъ, что ли?

— А скотъ, — спокойно подтвердилъ полякъ. Семенъ былъ арестованъ, приведенъ въ господскій домъ и избитъ до полусмерти. Затѣмъ его кинули въ снѣгъ, дали очнуться, и, не тревожа избитыхъ реберъ, груди и спины, надавали ему пощечинъ до того, что глаза запухли.

— Теперь ступай и помни, что ты быдло есть, быдломъ и помрешь.

Трусливые снесли десятка полтора винтовокъ. Съ десятокъ ихъ нашлось по доносамъ разсорившихся сосѣдей. И только. Солдаты озлоблены тщетою поисковъ. Въ отместку крестьянамъ офицеры отдали приказъ отбирать «казенные вещи». Это сигналъ къ грабежу — правда, поверхностному. Ибо грабятъ только худшіе элементы солдатчины.

Какъ известно, сельской Россіи не во что одѣться. Единственное, что у нея есть, для буденъ и праздника, — это солдатское, принесенное съ фронта бѣлье и солдатская одежда. Женщины сшили себѣ платья изъ солдатскихъ мѣшковъ. И это отбираютъ. На выборъ, что получше. У учителя берутъ дѣтскіе штаны и офицерскій поясъ. У меня — театральный бинокль и шерстяные вещи. Мы споримъ. Намъ грозятъ прикладами. Изъ села доносится чей-то звонкій вопль. Кого-то пугаютъ выстрѣлами въ воздухъ. У Ксенофонта отобрали брошенную ему красными, взамѣнъ взятой подъ обозъ, лошадь. Но отдаютъ за выкупъ — едва ли не въ третій разъ приходится ему откупаться. Слова «двадцать пять» — предполагается: ударовъ шомполомъ — висятъ въ воздухѣ.

Вечеромъ встрѣчаемся съ сосѣдями и пріятелями. Общее чувство безправія и брошенности.

— По дѣломъ вамъ: не поддержали Петлюру, — говорятъ одни.

— Что, Петлюра, — возражаютъ другіе. — Петлюра то нась и продалъ. Нужно было за большевиками итти.

— А коммуна?

— Что коммуна! Песь съ нею. На то мы и крестьяне, чтобы землю по своему дѣлить. Или паны тебѣ землю дадутъ? Большевикамъ все равно, такъ ли, этакъ ли землю

устраивать — они городские. Сегодня говорят коммуна, а завтра перестанутъ. И то — какая тамъ коммуна! Такъ — болтовня одна. Бернадекъ изъ Одессы пріѣхалъ — нигдѣ никакой коммуны не видалъ. Докторка въ Москвѣ была — говорить и тамъ про коммуну не слышно. Одно есть: пановъ выгнали, инженеры съ заводовъ ушли, — это правда.

— Подождемъ, вотъ Деникинъ пріѣдетъ, еще хуже будетъ, — поощрительно соображаетъ третій.

Молчать.

Пріѣхалъ къ себѣ въ усадьбу сосѣдъ-помѣщикъ, отставной генераль П. Пошептался съ начальникомъ отряда, оставилъ какие-то списки и уѣхалъ. На слѣдующій день былъ отданъ приказъ по селу сносить въ общественный амбаръ разобранныя во время свободъ помѣщичьи вещи. Несутъ книги, посуду, бѣлье, мѣшки съ зерномъ. Получаютъ расписки отъ начальника отряда и уплачиваются штрафы, кто зерномъ, кто полушибуками, кто деньгами.

Мебелью солдаты топили печи въ помѣщичьемъ домѣ. Хлѣбъ продали скупщикамъ. Книги частью раздали крестьянамъ же, частью сожгли. А черезъ мѣсяцъ тотъ же помѣщикъ взыскивалъ съ крестьянъ двойные штрафы за уже возвращенные вещи.

Черезъ село проходятъ карательные отряды. Во главѣ нѣкоторыхъ — мѣстные поляки — помѣщики. И тѣ же катарели скапаютъ хлѣбъ для польской арміи, и сбываютъ свой, взыскивая его съ крестьянъ. По всей округѣ расправы съ членами земельныхъ и сельскихъ комитетовъ. Въ селѣ М. — пятьдесятъ ударовъ. Въ Вол. — двадцать пять. Въ другихъ мѣстахъ безъ счету, пока не назоветъ имена не-

благонадежныхъ. Хорошо, что хоть не убиваютъ. Есть свѣдѣнія о казняхъ въ раionѣ Шепетовка и Проскурова.

Передъ рождественскими праздниками офицеры галлеровскаго отряда собирались на охоту. Старостѣ отданъ приказъ: прислать для охоты полдюжины мальчиковъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

— У насъ собакъ («хартовъ») нѣтъ съ собою, — сказалъ офицеръ — пусть побѣгаютъ холопскія дѣти.

Глубокое впечатленіе у крестьянъ: тяжеле побоевъ и реквизицій.

Соблазняютъ дѣвушекъ — пробуютъ купить вещами, отобранными у сосѣдей. Въ С. — два случая насилия. Изнасилованная молодая женщина плонула въ лицо обидчику. Онъ подозрѣвалъ товарища, ее положили на скамью, обнажили и исполосовали нагайками.

У сосѣда Саввы солдаты уничтожили сложенные въ тепломъ сараѣ ульи съ пчелами.

Берутъ скотъ, хлѣбъ, молоко, яйца, масло. Либо совсѣмъ не платятъ, либо платятъ гроши. Бабы и дѣвки ходятъ къ нимъ на поденную работу — мыть бѣлье, варить обѣдъ, прислуживать.

— Погодите, будѣтъ хуже, — говорятъ крестьянамъ солдаты въ отвѣтъ на жалобы. — Что можетъ быть хуже? — гадаютъ крестьяне. Развѣ панщина? И родится увѣренность, что польская власть принесетъ съ собою возстановленіе крѣпостного права.

Крестьяне рассказываютъ, что въ Антонинахъ, имѣніи гр. Потоцкаго, при встрѣчѣ съ помѣщикомъ приходится становиться на колѣни и цѣловать руку. Съ другой стороны, кн. Сангушка за безцѣнокъ распродаетъ свои лѣса — значитъ, не вѣрить въ прочность польской власти. И день и ночь тянутся мимо насы нагруженныя стройными соснами сани, и ихъ теплые красноватые тона такъ радуютъ глазъ въ осенѣженнѣй степи.

Галлеровцы ушли. Имъ на смѣну пришелъ отрядъ другой арміи. Мы съ инспекторомъ вели занятія въ школѣ, когда въ домъ ввалилась толпа хмурыхъ обмерзшихъ солдатъ. Ихъ привель староста (прислуживается ко всѣмъ, гонитъ водку, доносчикъ; школа у него, какъ бѣльмо на глазу).

— Намъ нужно помѣщеніе.

— Здѣсь школа. Вы можете силою занять ее. Но тогда гдѣ мы станемъ учить дѣтей?

Потолкались, поворчали и ушли. Это — люди отъ сохи, солдаты поневолѣ. Они тоже реквизируютъ, избиваютъ и грабятъ, но иначе. Даже въ этомъ случаѣ — тонъ дѣлаетъ музыку. И крестьяне иначе принимаютъ обиды отъ нихъ.

— Война, распустились люди, — вздыхаютъ они, подсчитывая убытки.

1 9 2 0

Январь. Хуторъ.

Затишие... Конечно, если это можно назвать затишиемъ.

Въ безвѣтренno-морозные дни доносятся изъдалекаго
далека глухіе, точно подземные удары орудій. Иногда ка-
жется, будто они приближаются. Тогда мы идемъ въ бѣлую
степь на пригорокъ, ширша обмерзшими стеблями перекати-
поля, и слушаемъ, слушаемъ. И для нась и для крестьянъ
эти подземные удары — освобожденье отъ замкнувшаго нась
мертвенного и безправнаго затишия...

Сыпной тифъ коситъ нальво и направо. У нась еще
тише, но подъ Ковелемъ есть села, гдѣ заколочена половина
хатъ: хозяева вымерли. У нась боленъ третій учитель, боль-
на сестра милосердія. Докторъ и священникъ держатся ка-
кимъ то чудомъ. Хорошо хоть, что оспа медленно распол-
зается, и не тяжела.

Наша школа закрыта, какъ и всѣ высшія начальныя учи-
лища въ губерніи. Для открытия ихъ нужно столько удосто-
вѣреній и обязательствъ со стороны сельскихъ обществъ, что
цѣль этихъ формальностей ясна всякому. Низшія школы
переданы учителямъ — полякамъ — хотя[%] польского
населенія колеблется между 0 и 8 — полубезграмотнымъ,
темнымъ людямъ, бывшимъ сидѣльцамъ винныхъ лавокъ или

безработнымъ шляхтичамъ, и они не учатъ, а что-то непрерывно демонстрируютъ передъ дѣтьми — что, ихъ скретъ и забота.

Съ помощью уѣздныхъ и районныхъ властей помѣщики возстановливаютъ полностью свои имѣнія — несмотря на то, что здѣсь — «Украина», несмотря на принятый польскимъ сеймомъ либеральный аграрный законъ. Отираютъ у крестьянъ зерно, скотъ, мертвый инвентарь, мебель. «Закона» у насъ нѣтъ никакого, нѣтъ конституцій, нѣтъ права, нѣтъ суда. Это не администрація, а дружеское самоуправліе польско-помѣщичьей Волыни. Въ г. Изяславлѣ собрался съѣздъ землевладѣльцевъ. Какъ водится, съѣздъ просилъ о казенныхъ субсидіяхъ и, какъ не водится, — о принудительной обработкѣ крестьянами помѣщичьихъ земель. Опытные люди говорятъ, что вообще такая обработка въ Рѣчи Посполитой невозможна, но въ частности слѣдуетъ увеличить свекло-сахарная плантаціи, и что здѣсь нужно подумать...

Передо мною лежитъ объемистая связка съ приказами военныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ властей почти за полгода. Но тщетно ишу я въ нихъ либо указаній свыше, изъ центра, либо какой-нибудь послѣдовательности, либо заботы о населеніи. Здѣсь есть приказы о починкѣ дорогъ, о номе-рахъ на хатахъ, о злыхъ собакахъ, которыхъ слѣдуетъ сажать на цѣпь, о винокурахъ, которые дѣлятся прибылью съ администрацией. Есть — о принудительномъ курсѣ марки, которая должна ходить наравнѣ съ рублемъ, хотя цѣна ей не выше сорока копеекъ, о поддержаніи общественного спокойствія, о карахъ за пропаганду, о реквизиціяхъ, о смертной казни за дискредитированіе той же марки. И это все. А почты по прежнему нѣтъ и ея не будетъ. По прежнему считаетъ министръ финансовъ Рѣчи Посполитой, что про-кормленіе армії ничего государству не стоитъ, ибо она корчится отъ населенія. По прежнему голодаютъ судьи, почтовые чиновники и желѣзнодорожники. Войты не связаны съ

населеніемъ и боятся его. Начальники районовъ и уѣздные старости, какъ патріархи, единолично рѣшаютъ дѣла отъ семейныхъ, гражданскихъ до уголовныхъ включительно. Система выкуповъ взамѣнъ кары примѣняется широко и стройно, ибо помѣщичи панки и панычи продажны по самой натурѣ своей. Тихимъ вѣяніемъ проходятъ политическіе аресты, заключенія въ концентраціонные лагери, искорененіе московофильтра и украинофильтра и затѣмъ — искорененіе всякой вообще земщины. И на каждомъ шагу крестьянинъ, врачъ, фельдшеръ, учитель, священникъ слышать:

— Мы — покорители, вы — покоренные, горе вамъ, — слышать, правда, не въ столь поэтической, но за то въ болѣе конкретной формѣ, напоминаніе о Кузькиной матери, которая можетъ быть показана по поводу чего-нибудь и даже вовсе безъ повода.

Затишье — и подземные толчки далекихъ орудій. Спящія въ снѣгахъ степи и розовыя сосны княжескихъ имѣній, влекомыя мохнатыми, исхудавшими лошаденками. Колѣнно-преклонные смерды графскихъ имѣній — и непреклонная жажда уже не самостійности, но самости въ душахъ этихъ смердовъ. Да, видимо, бываютъ такія затишья, передъ которыми отступаютъ и самые послѣдовательные и героическіе пацифисты. Нашъ убѣжденный пацифистъ, одинъ изъ умнѣйшихъ крестьянъ села, Илько, прослужившій жандармомъ больше шести лѣтъ въ Польшѣ, въ концѣ концовъ отрекся отъ своихъ «идей».

— Нѣть, этакъ даже мы себя не вели, помилуйте, — убѣдительно пѣль онъ высокимъ теноркомъ, всплескивая руками. — Развѣ мы не по писанному закону, или хотя бы не по правилу управляли? При нашемъ режимѣ чиновнику, обычателью или земледѣльцу жилось куда какъ просторно. Они же нась приравняли къ скотинѣ...

— Вы бывали, Илько, въ Польшѣ въ дни, когда ее наша власть усмиряла?

— Нѣтъ, не приходилось.

— Такъ вотъ то-то же. Теперь же время, когда имъ приходится нась усмирять. Они — побѣдители, мы — побѣжденные. Только и всего.

Тогда Илько разгорался отъ негодованія и его быстрые зеленые глаза темнѣли.

— Мы еще посмотримъ, кто кого...

Но я долженъ прибавить, что въ негодованіи отставного жандарма была лишь примѣсь оскорблennаго національнаго самолюбія. За слуга польской администрації въ томъ, что она энергично воспитывала и будила элементарно-человѣческое самолюбіе и то, что марксисты называютъ классо-вымъ самосознаніемъ. Она создавала вокругъ освобожденныхъ такую густую атмосферу отчаянія, въ которой самое жестокое убийство казалось оправданнымъ, въ которой зарождалось и росло погромное настроеніе противъ поляковъ односельчанъ, съ которыми люди прожили бокъ о бокъ десятки лѣтъ, не думая о томъ, что они — поляки.

Февраль. Хуторъ.

Разъ въ двѣ недѣли, а то и чаще, пріѣзжаютъ польскіе офицеры реквизировать хлѣбъ. У насъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, разговоръ короткій. Селу приказъ: снести въ обще-ственный амбаръ столько-то сотень пудовъ хлѣба, пригнать столько-то свиней, телокъ и пр. Но каждый разъ — надежда узнать что-нибудь о фронтѣ, Россіи, Европѣ. И разочарованіе: офицеры говорятъ только о себѣ. Одинъ хвалился тѣмъ, что работалъ какъ свой, въ большевистскомъ и петлюровскомъ штабахъ, провоцировалъ еврейскіе погромы, и еще кое-что. Кое-что сказано многозначительно. Другой занять исключительно наживой на поставкахъ и фальшивыми расписками. Третій любить почетъ. Четвертый ищетъ произвести впечатлѣніе рассказами о расправахъ съ врагами, нѣтъ числа потопленнымъ, зарѣзаннымъ и разстрѣяннымъ его отрядомъ. Пятый ласково допытывается, кто изъ сосѣдей неблагонадеженъ, у кого оружіе...

Всльдъ за реквизиторами идутъ обнищавшіе крестьяне, прошаки, изъ-подъ Ковеля, Славуты, Новгородъ-Волынска и Луцка: старики и дѣти, цынготныя женщины и сифилитики, сироты и отцы семейства, легкіе духомъ и удрученные, подростки юноши и дѣвушки, съ лихорадочнымъ румянцемъ

на худыхъ мученически-прекрасныхъ лицахъ, старыя евреи и еврейчата, уцѣлѣвшіе послѣ безпощадныхъ погромовъ. И надо сказать правду, крестьянинъ не дѣлаетъ разницы. Напротивъ: тѣ самые, кто грабилъ еврейскіе дома въ Теофилополь, подаютъ и жалѣютъ — ибо до сихъ поръ никогда евреи не ходили по деревнямъ за милостынью.

Ахъ, какую яркую, ясную и нестерпимую красоту даетъ лицамъ лихорадка, истощеніе и бездомность! Нищета — тонкій рѣзчикъ по живому тѣлу и несравненный стилистъ. Она куетъ простую человѣческую рѣчь, дѣля ее острой и окрыленной, какъ афоризмъ Ницше, какъ заключительная строка Монтэневскаго эссея. Послѣ, къ сожалѣнію, никѣмъ не подслушанныхъ мыслей замерзающаго на полѣ или истекающаго кровью солдата, кованная рѣчь погибающихъ отъ голода нищихъ — вѣроятно, самый нѣжный цвѣтокъ нашей культуры, съ ея благородной склонностью къ трагическому.

Вотъ гдѣ, въ Полѣсьѣ, Витебщинѣ и Волыни, среди разрытыхъ снарядами полей и заколоченныхъ хатъ, а не въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ могутъ поучиться стилю проповѣдники войны.

.

Польскія войска ушли впередъ. На фронтѣ не ладно. И это не ладно все тѣснѣе сближаетъ насъ, отрѣзанныхъ, съ Россіей и слаживаетъ всѣ различія. Быть — нашихъ. Паны отираютъ свободу. Такъ просто, такъ просто... Обѣ этомъ говорятъ по хатамъ; молятся въ церкви; плачутся бабы и уже не мечтаютъ о царскихъ цѣнахъ на ситецъ. Нужно что-то другое. Парни говорятъ:

— Придетъ лѣто, подрастетъ рожь, уйдемъ...

Надо ждать ржи, ибо степь — безлѣсная.

На смѣну войскамъ пришла полевая жандармерія. Нежданно нагрянула, нагло и вмѣстѣ опасливо. Кордоны по

двѣнадцать — семнадцать человѣкъ въ шести-восьми верстахъ одинъ отъ другого.

Школа занята. Толстый вахмистръ съ бранью и угро-зами отбираетъ у насъ кухонную плиту. Насъ съ инспекто-ромъ оттѣснили въ заднія комнаты, отобрали — съ привѣт-ливой улыбкой — мебель, лампы, карандаши, чернила, брит-венный приборъ, чай... На завтра вереницы дивчатъ тянутся съ утра съ молокомъ, яйцами, масломъ, пѣтухами; хозяйки несутъ подушки, одѣяла, перины, домотканые ковры. Ве-дуть кабана на веревкѣ, и точать широкій ножъ. Что-то уже зарѣзано, ибо кухня завалена мясомъ, противный паръ подымается надъ котлами, сладко и тошно пахнетъ кровью, свѣжимъ саломъ и только что отошедшою жизнью. Домъ наполняется прислугой — дѣвушками по наряду. Нарядъ, саней въ пятнадцать, выѣзжаетъ въ лѣсъ за дровами. Нарядъ бородатыхъ крестьянъ съ пилами и топорами ждетъ этихъ дровъ. Все подтянуто. Все молчитъ, скавъ зубы. Несутъ водку. Готовится пиръ. Спрашиваются о женщи-нахъ. И, конечно, находятъ ихъ. Угодливые изъ крестьянъ скалять зубы навстрѣчу панамъ и удивляются ихъ остроу-мію, одеждѣ и оружію — и ловкимъ ударомъ по братскимъ физіономіямъ.

Кордоны эти покрываютъ густой сѣтью Волынь и Подолію. Они творятъ судъ и расправу, вмѣшиваются въ семей-ныя дѣла, наслѣдственныя тяжбы, личныя ссоры — и всюду берутъ выкупъ.

Они пьютъ, Ѣдятъ, развращаютъ деревню, озлобляютъ ее, копятъ деньгу, отсылаютъ на родину награбленныя вещи, ло-вятъ своихъ же дезертировъ-армейцевъ, которые ихъ нена-видятъ, какъ всегда армія ненавидитъ жандармовъ и бываютъ, бываютъ своего же брата хлопа, бываютъ даромъ и за плату, щедро приносимую помѣщичими руками. Лишь иногда вы видите въ глазахъ у этихъ мясниковъ пугливые волчьи огонь-ки. Въ глубинѣ души они не сомнѣваются: за такія дѣла единственная расплата — веревка.

Всѣ вокругъ знаютъ: деникинскій тылъ не лучше польской жандармеріи. Разница лишь въ томъ, что тамъ работаетъ русскій баринъ, а здѣсь преимущественно польскій смердъ. Но вѣдь верхи и тутъ и тамъ одинаково — республиканскіе. Крестьянскія головы упорно обомозговываютъ эту задачу. Лихіе учителя помогутъ — она будетъ разрѣшена...

Приказано приносить оружіе. Кто приноситъ, того бьютъ. Будутъ бить и того, кто не принесетъ. Поэтому лучше не принести и ждать. Крестьянинъ умѣеть ждать: широкое у него и крѣпкое сердце.

Бьютъ по особому. Кладутъ на стулъ серединой туловища, такъ что ноги, голова и руки свѣшиваются по обѣ стороны. И стыдно, и больно, а со стороны и смѣшно.

Нашлись доносчики. Обыскъ по доносу для жандарма развлеченье. Пьютъ водку, оскорбляютъ женщинъ, откладываютъ въ сторону, что поцѣннѣе. Хозяинъ собственоручно относитъ добычу въ школу, спускаетъ штаны и ложится. А потомъ платить — триста, четыреста рублей царскими за то, что мало били.

Еще одинъ источникъ дохода: отбираютъ лошадей брошенныхъ крестьянамъ отступавшими арміями взамѣнъ взятыхъ подъ обозъ лучшихъ. «Большевистская лошадь». Выкупъ — пять тысячъ царскими и водка. Этого крестьяне ужъ не могутъ снести, просять о заступничествѣ... Еще хуже стало отъ попытокъ усовѣстить грабителя: теперь вахмистръ не хочетъ выкупа, онъ долженъ поступать по закону.

Поляковъ-крестьянъ (вѣрнѣе, католиковъ, ибо часть изъ нихъ считаетъ себя украинцами, кромѣ фанатиковъ и мелкой шляхты) не бьютъ, не берутъ по наряду. Правда, не надолго. Съ одной стороны и у нихъ есть лакомые куски. Съ другой — они начинаютъ понимать, что будущее темно, крестьянская месть безпощадна, и просятъ возстановить равенство. Поздно. Многократная смѣны власти — сито, ко-

торое отцѣживаетъ вѣрность отъ предательства. Послѣдняго не мало. Но расплаты за него не миновать никому.

Послѣ попытки заступничества, крестьяне, боясь раздражить начальство, остерегаются насы. Если приходятъ, то по вечерамъ. И на селѣ сходки стали рѣже. Официальные сходки воспрещены. Клубъ — погостъ церковный, кухня священника, окраина поля...

Одинъ изъ красныхъ рассказывалъ, что ночью прошла огородами большевистская развѣдка изъ трехъ человѣкъ. Шли изъ-за Ковеля, изъ глубокаго тыла арміи. Говорятъ, гнѣтъ Польша. Народъ не хочетъ воевать. И правда: число дезертиrovъ растетъ. Крестьяне ихъ прячутъ и кормятъ. Доносы рѣдки. Усталые и голодные тоже ждутъ лѣта, чтобы подросла рожь.

Тогда насы уйдутъ сотни.

Завели до Днѣпра, земли не даютъ, населеніе насы избиваетъ — довольно.

— Патріотовъ въ Варшавѣ искать надо, на фронтъ ихъ нѣтъ.

Сильна тяга къ миру, но ни силы, ни воли, ни воодушевленія не видно въ этихъ людяхъ. Картофельная душа — говорятъ крестьяне. Народная Польша спитъ тяжелымъ сномъ политического безсилья.

Мартъ. Село Волица.

Недалекое село — но крестьяне рѣзко отличаются отъ нашихъ. Дальше отъ Польсья, съ его полузвѣринымъ населеніемъ и остатками родового быта, ближе къ богатой и свѣтлой Подоліи. Крестьяне здѣсь смѣлѣе и умнѣе. И — примѣта послѣднихъ лѣтъ: чѣмъ они сознательнѣе, тѣмъ больше припасли оружія.

По дорогамъ — патрули. Опрашиваютъ, просматриваютъ документы. Дознаніе непремѣнно на польскомъ языку. Иду въ обходъ, полями, но посерединѣ Волицы — кордонъ и застава. Сегодня особенно приидирчивы: въ селѣ было убийство.

Объ убийствѣ двѣ версіи. Одна, офиціальная, попроще: психически-больной крестьянинъ набросился съ коломъ на жандарма и тотъ защищаясь убилъ его. По неофиціальной дѣло гораздо колоритнѣе. Жена больного сблизилась съ однимъ изъ жандармовъ. Она часто жаловалась, что мужъ мѣшааетъ ей жить. Жандармъ ей помогъ — пулей, днемъ, середь улицы. Убитый лежитъ въ грязи, раскинувъ подъ рядномъ ноги. Люди къ нему не подходятъ — боятся, за то съ корыстнымъ любопытствомъ подбѣгаютъ собаки. На селѣ уныніе. Ждутъ слѣдственной комиссіи. Всякая комиссія —

палка о двухъ концахъ. Она можетъ въ поведеніи сумасшедшаго найти признаки бунта, и тогда расправа станетъ массовой, будетъ присланъ карательный отрядъ. Но можетъ и помиловать преступное село, въ которомъ водятся сумасшедшия мужья и влюбленныя въ жандармовъ жены.

Но въ общемъ нравы въ Волицѣ мягче, чѣмъ у нась. Меньше бываютъ и грабятъ не такъ систематично. Правда, и здѣсь привилась манера подбрасывать оружіе. Когда рѣчъ идетъ о крупной наживѣ, мягкость здѣшнихъ владыкъ отлетаетъ. Оружіе подбрасываются на дворъ, въ амбаръ или, что гораздо изысканнѣе съ точки зрењія слѣдователей, зарываютъ въ полѣ.

Такъ у богатаго крестьянина М. пришли искать складъ оружія. Когда ему объяснили причины обыска, онъ помертвѣлъ: былъ увѣренъ, что гдѣ-нибудь оружіе у него да найдется, и зналъ, что сразу платить — не водится, надо пройти весь кругъ пытокъ. Сначала пытаются, чтобы указать, гдѣ скрыто оружіе. Потомъ бываютъ — за то, что не указаль. Потомъ — чтобы указаль сообщниковъ. Потомъ — чтобы не скупился. М. долго болѣль послѣ слѣдствія. Освобожденіе обошлось ему въ нѣсколько тысячъ романовскихъ рублей. Оружіе было зарыто въ его полѣ, въ верстѣ отъ деревни.

Подобный случай былъ и у нась. Пострадаль тоже богачъ — очень порядочный крестьянинъ, за котораго порусельскій сходъ. Его стоны не дали намъ спать полночи. Раза два въ теченіе ночи я уходилъ въ поле, чтобы не слышать, но ледяной вѣтеръ гналь меня обратно. Утромъ его, почернѣвшаго отъ ударовъ прикладомъ, выкупили за три тысячи рублей.

Исподволь все образуется. Такъ и у нась и въ Волицѣ создалась шкала преступлений и выкуповъ. Колебанія вверхъ значительны, но отъ опредѣленности стало легче жить. Чтобы не били безпричинно — отъ двадцати пяти до четырехсотъ рублей. Винтовка — по-

бои, арестъ на нѣсколько часовъ, четыреста — пятьсотъ рублей. Складъ оружія — три-четыре тысячи рублей. Наличность хорошей одежды или бѣлья — обыскъ, брань, запугиванье, нѣсколько пощечинъ и конфискація. Тайное винокуреніе — половина продукта и половина доходовъ кордону. Изрѣдка — обыскъ, конфискація «самовара», побои, крупный выкупъ, трехъ-четырехъ-дневное куреніе на территории кордона и полностью въ его пользу, а тамъ опять мирный трудъ. Особожденіе вора, пойманнаго съличнымъ — три тысячи рублей. Однако, разслѣдованіе о кражѣ производится — ибо оно, кроме спортивнаго интереса, даетъ случай ущемить множество причастныхъ лицъ: пострадавшаго и его родственниковъ, свидѣтелей и ихъ родственниковъ, соучастниковъ и ихъ родственниковъ. Всѣ — въ чемъ-нибудь виновны, и всѣ откупаются.

Въ Волицѣ живетъ помѣщичья семья Р. — если ее можно назвать помѣщичьей. Окрестные паны съ каждымъ взрывомъ революціи уходили съ мѣстъ и возвращались либо при гетманщинѣ, либо при полякахъ. Даже петлюровщина казалась имъ неудобной — не было простора для сведенія счетовъ съ крестьянами. Р. все время оставались на мѣстѣ. Старуха — мать и трое дочерей, безъ наемныхъ рукъ, безъ чьей бы то ни было помощи, вели несложное хозяйство, истово работая отъ зари до зари и прославляя эти зори, землю и трудъ. Старуха сама вырастила садъ, и онъ сталъ ея жизнь. Дочерямъ всѣмъ за сорокъ — онъ высокія, сильныя, почти молодыя. Старшая В. — поэтесса, премированная Академіей, прожила странную полутрудовую, полуугарную жизнь. Теперь она — стряпуха, носить воду, дрова, кормить и бережеть птицу. Она почернѣла отъ загара, у нея сильныя руки, босыя ноги бодро мѣсять грязь и ткуаютъ

по кирпичному полу. Но по вечерамъ или въ праздничныя утра В. запирается на чердакѣ, въ свѣтломъ огороженномъ углу и пишетъ. Нѣтъ черниль, бумага — чистые листы, вырванные изъ книгъ, нѣтъ надежды увидѣть книги свои въ печати, лирическій даръ изсякъ, осталась — проза, и В. сходитъ внизъ отуманенная, со злюю горечью въ глазахъ и словахъ. Жить и писать, писать и жить, а тутъ уходятъ мѣсяцы, мѣсяцы. Но съ началомъ труда — яснѣютъ глаза, спокойнѣе ходятъ руки. Еще усиліе, поможетъ въ немъ солнце, зацвѣтающія деревья, вечерній шумъ елей и липъ — и вопреки всему приходятъ радость и миръ.

Еще больше въ трудѣ — Н. Онастройная, съ рѣдкими сѣдыми нитями въ густыхъ волосахъ, въ хитонѣ грубаго полотна. Н. — защита для крестьянъ передъ властями. Она открыла школу, устроила читальню, къ ней ходятъ за совѣтомъ и съ покаяніемъ. Она знаетъ всѣхъ и все на сель — для себя, другимъ не говоритъ, слегка надѣвъ всѣмъ иронизируетъ, слегка тоскуетъ, ибо глядитъ поверхъ жизни въ поискѣ цѣльного ея рисунка. Она съ утра до вечера въ поль, одна или съ крестьянами. Оттого отъ ея ладоней, стройныхъ ногъ и волосъ пахнетъ землею, въ рукахъ у нея, когда идетъ съ работы — вѣтка съ клейкими листочками. По вечерамъ она, несмотря на утомленіе, далеко уходитъ въ поля, и стоитъ и слушаетъ — одновременно своя и чужая здѣсь. Третья Е. — ироническая, шуткою отгоняющая трудности и уровновѣшенная. В. — огромный комъ земной плоти, съ огонькомъ поэтическаго дара и безконечною жадностью къ конкретнымъ радостямъ жизни. Н. — знаетъ страсти, но легка; любить землю, но готова покинуть ее. Такъ — въ полукрестьянскомъ домѣ, въ потѣ труда, иногда впроголодь, иногда въ жестокой апатіи — цвѣтетъ человѣческій духъ, и сила его запечатлѣвается вокругъ. Волицкія отношенія иныя, чѣмъ отношенія сосѣдей. Здѣсь — служитель духа нашелъ свое мѣсто, и мѣсто это признано за нимъ.

Хуторъ.

Въ деревнѣ Поляховой, въ двухъ верстахъ отъ насъ, послѣ массового истязанія крестьянъ, раны наиболѣе упорныхъ были присыпаны солью. Я видѣлъ жандармовъ, когда они, взволнованные своею работою, съ пѣснями, съ гикомъ, съ пьяными глазами и съ награбленною добычею, возвращались домой изъ П. Вечеромъ они хвалились тѣмъ, что въ Галиції, возлѣ Стрыя, гдѣ хлопы болѣе у парты жгли ихъ каленымъ желѣзомъ.

Напряженіе все больше. До сихъ поръ ни я, ни М., ни докторъ, ни Л., наша сестра милосердія, — никто не понималъ, что можно взять ружье въ руки, спрятаться въ кусты и бить по людямъ. А теперь всѣ мы это поняли и — допускаемъ. Я же ловлю себя въ безсонныя ночи, когда стонъ истязаемыхъ, долетающей изъ-за стѣнки, не даетъ забыться — ловлю себя на мечтаніяхъ о томъ, какъ невзначай придутъ наши, какъ кордонъ будетъ взятъ ими врасплохъ, и какъ никто не уйдетъ живымъ... Если они меня такъ воспитали, эти охранители порядка демократической республики

польской, то что дѣлается съ крестьянами? И еще на одной мечтѣ ловлю я себя. Школа — такъ школа. Нехорошо, глядѣть, какъ бываютъ другихъ. Лучше бы и самому испробовать нагайку. Я говорю себѣ:

— Ударь нагайкой, или пощечину. А тогда посмотримъ: возьмешься за ружье или все еще будешь ждать?..

Я знаю, что надо ждать, и когда приходятъ разъяренные униженьями крестьяне говорить о возможности возстанія — я же ихъ удерживаю отъ него. Но доколѣ?

Мѣстечко Теофиполь.

Здѣсь есть интеллигентія, врачи, адвокаты, отставные офицеры. Связи съ Кременцомъ, съ Луцкомъ, съ Варшавою. Уѣздный староста, баронъ Б., извѣстенъ своею «гуманностью». Уѣздъ оккупированъ раньше нашего, и безъ всякаго сопротивленія. Но картина та же. Аптекарь трепещетъ. Сапожникъ — израненъ, у него конфисковали жандармы кожу. Въ лавкахъ — приходятъ, берутъ, что заблагоразсудится, грозятъ погромомъ и уходятъ. Въ Кременцѣ — такъ называемое «информационное бюро», откуда допрашиваемыхъ выносятъ на носилкахъ. Торговля почти невозможна изъ-за поборовъ на шоссейныхъ заставахъ.

Арестуютъ украинофиловъ, московофиловъ, студентовъ-евреевъ, крестьянъ-комитетчиковъ и просто людей, слышавшихъ независимыми. Битье — холодное, размѣренное, презрительное; истязатели такъ холодны, что даже въ работе своей не находятъ удовольствія. Смѣясь национально-классовой мстительности со страстью къ наживѣ, лихорадочная поспѣшность накопленія вещей и денегъ, игра во власть — не люди, а какіе-то национально-польскіе мелкіе бѣсы, изъ которыхъ, кажется, если проткнуть, вода польется, до того они пусты, надуты, никчемны, нечеловѣчны.

Пріїзжая въ Т., я стараюсь ни съ кѣмъ не встречаться, кроме болѣзеннаго, тихого сжавшагося отъ жесткости окружающей жизни бундовца Ш. Онъ день ото дня слабѣе, кашляетъ, свинцовыя тѣни лежатъ у него на вѣкахъ, и, какъ маніакъ, грезитъ Америкой, гдѣ, конечно, есть братъ, откуда пришлии шифскарту, и онъ поѣдетъ, поправится и отдохнетъ. Я рассказываю ему о томъ, что видѣлъ на хуторѣ. Онъ — о томъ, что видѣлъ въ Кременцѣ или о чемъ читалъ въ газетахъ. Я говорю, что нельзя сидѣть сложа руки, надо бороться. Онъ — что бороться некому и не съ кѣмъ, и что не можетъ быть большаго несчастья, чѣмъ незначительное мѣстное возстаніе, которое дастъ полякамъ поводъ расправиться и съ евреями и съ крестьянами.

— Можетъ быть, поѣхать въ Варшаву?

— Не поможетъ.

— Но сеймъ, соціалисты, газеты?

— Не помогутъ. Вы думаете, что они ни о чемъ не знаютъ? Вѣдь та же безсмыслица и тѣ же преступленія — отъ Вильны и Минска до Каменца-Подольскаго. Солять? Слава Богу, что не жгутъ. Жгутъ? Слава Богу, что не зажариваются до смерти. Чего же вамъ еще? Это не предѣлъ. Но — когда дойдемъ до предѣла, тогда не нужна будетъ защиты. Каждый самъ будетъ знать, какъ помочь дѣлу — польется кровь...

Въ самомъ дѣлѣ, отчего не возстаютъ крестьяне? Оттого, что предѣлъ терпѣнія еще не перейденъ; оттого, что Волынь отравлена рабствомъ, всѣми этими Сангушками и Потоцкими, которые когда-то отрубали уши повстанцамъ, остерегаясь убивать необходимый для хозяйства двуногій скотъ; оттого, что у насъ нѣтъ лѣсовъ и бандамъ некуда прятаться; оттого, что рожь въ мартѣ едва зеленѣеть и не можетъ покрыть бѣглеца; и оттого, что расправы поляковъ съ повстанцами такъ жестоки — въ Подоліи уничтожены огнемъ или вырѣзаны цѣлья села — что нѣтъ духу безъ вѣры въ удачу подняться.

Апрѣль. Изяславль.

Бду на развѣдки, возможно ли получить заграничный паспортъ. Торговцы бѣзять въ Тарнополь и Варшаву за товаромъ, и говорять, будто нѣмецкая граница закрыта, нѣтъ изъ Польши проѣзда.

Добраться бы до Варшавы, а тамъ — два пути: либо въ Германію, либо черезъ Минскъ или Ригу въ Россію. На фронтъ надежды мало. Мы устали отъ слуховъ, а пушечная пальба давно затихла на востокъ и съверо-востокъ отъ насть.

Городъ И. — источникъ экономической политики уѣзда. Творять ее мелкіе шляхтичи, управляющіе имѣніями, скупщики хлѣба, приказные изъ мѣщанской шпаны и жандармскіе офицеры изъ разорившихся пановъ. Лозунги ея: бей жида, грабь хлопа и бойся бунта; но если бунтъ случится, рѣжь праваго и виноватаго. Я жалѣю, что человѣческое искусство не обладаетъ средствами для передачи выраженія глазъ уѣздныхъ владыкъ. Злоба, страхъ, восторгъ власти, сознаніе основного своего ничтожества, готовность бѣжать безъ оглядки, готовность вздернуть человѣка на висѣлицу, национальный паѳосъ — и чувство непобѣдимой силы этихъ ненавидимыхъ хлопства, революціи, Россіи... Становой царскихъ временъ показался мнѣ мечтой и очаровательнымъ при-

митивомъ послѣ получаса дѣловыхъ разговоровъ съ этими нервными фантастическими проходимцами въ шитыхъ золотомъ мундирахъ.

Здѣсь же въ И. продовольственное бюро, куда крестьяне свозятъ излишки. Здѣсь же гнѣздятся крупные торговцы хлѣбомъ, къ которымъ везутъ отобранную у крестьянъ добычу помѣщики. Вольная продажа хлѣба воспрещена. Нельзя, не уплативъ выкупа сторожащимъ на дорогѣ жандармамъ, провести на базарь пять-шесть пудовъ ржи, если везеть крестьянинъ. Но можно обозомъ доставить въ Шепетовку или въ Ровно десять тысячъ пудовъ ржи, если везеть помѣщикъ. Пудъ мужицкаго овса — восемь марокъ. Пудъ помѣщичьяго — судя по мѣсяцу, отъ 60 до 120 марокъ. Въ ожиданіи сеймового закона о реквизиціяхъ, помѣщики съ весны уже продаютъ на корню урожай. Груба крестьянская жизнь, — но во сколько разъ грубѣе помѣщичья. Содрать во время утѣчъ, и все. Развѣ еще увести съ собою лошадей для параднаго выѣзда... Чтобы содрать нуженъ «жидъ», «факторъ», ибо панъ раньше всего хозяйственно-бездаренъ. Поэтому «жидъ» бывать — но не до смерти. До смерти — только передъ уходомъ, когда не нужна уже его мошна. И этотъ гонимый «жидъ», факторъ, совѣтчикъ, посредникъ волею судебъ наперсникъ безмозглаго пана. Съ одной стороны ему рвутъ бороду и публично грозятъ кастраціей, въ вагонѣ, на вокзалѣ, на людной площади или въ пріемной, — съ другой, взявъ дорогой выкупъ, ему даютъ пропускъ, право проѣзда, мужицкія даровыя подводы, — все, что нужно для торговли посреднику и купцу. Въ наши дни этотъ наперсникъ поднявъ надъ степью чуткій носъ, слушаетъ: не тянетъ ли пороховою гарью большевистскихъ фузей? Не тянетъ, значитъ помощью военнаго польскаго интенданта удесятерится — или разомъ ухнетъ капиталъ. Своебразная кооперациѣ стервятниковъ, гдѣ всѣ презираютъ другъ друга, гдѣ производитель и представитель государства во власти лишенного гражданскихъ правъ посредника. Но приходитъ переворотъ,

одинъ изъ множества. Панъ бѣжитъ. Бѣжитъ интендантъ. Факторъ либо теряетъ все — почти... все, конечно — и начинаетъ сначала, либо всплываетъ еще выше въ качествѣ поставщика новой арміи. Пока гарью не пахнетъ. Варшавская же власть дала популярный отзывъ: грабь, кто можетъ и лѣзь на верхъ соціальной лѣстницы, забывая о томъ, что на этомъ верху не всегда почетъ, иногда и петля, сплетенная руками «красныхъ хамовъ».

Въ И. узнаю, что принудительные работы на помѣщичьихъ свекловичныхъ плантаціяхъ, площадь которыхъ увеличена раза въ полтора противъ довоенной нормы, будутъ продолжены вплоть до вывоза свекловицы съ полей на заводы.

— Государственная необходимость.

— Вѣдь это, вы понимаете, — сахаръ.

— Безъ кнута мужикъ не хочетъ работать.

Еще узнаю, что рѣшена реквизиція хлѣбныхъ излишковъ въ хозяйствахъ свыше десяти десятинъ. Въ сеймъ законъ въ этой редакціи не вносился. Но Галиція и Украина — внѣ закона. Ибо о какихъ излишкахъ можно говорить, когда реквизиції, возрастаю непрерывно и касаясь всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ безъ изѣятія, доросли до 2000—2500 пудовъ за разъ на село съ населеніемъ въ 1200—1400 душъ. Въ теченіе зимы каждое крестьянское хозяйство отдало въ нашихъ мѣстахъ 10—12 пудовъ разнаго хлѣба, большую частью по безсмысленно-низкимъ цѣнамъ, часть — подъ фальшивыя расписки военныхъ мародеровъ. Къ тому же въ эти данные не входятъ помѣщичьи убытки, взыскиваемые, по послѣднему слову финансовой науки, больше товаромъ, чѣмъ деньгами.

Встрѣча съ украинскимъ соціалистомъ-революціонеромъ Р. Одинъ изъ немногихъ не ушелъ изъ губерніи, а по ста-

ринкѣ, какъ въ царскія времена, переходитъ изъ села въ село, дразня жандармовъ неуловимостью. Отъ близости къ крестьянамъ растерялъ всѣ тезисы, нащупываетъ какуюто среднюю линію, на которой не сегодня-завтра свернетъ шею, какъ это уже случилось со многими. По кличкѣ — соціалистъ. По дѣламъ — давно не соціалистъ. Какъ будто — «самостійникъ». Но одновременно не прочь связаться и съ Россіей, если, конечно, и т. д.

Я говорю ему, что мнѣ, пришлому, трудно судить о глубинѣ тяги украинцевъ къ самостійности; что никто въ новой Россіи не подыметь руку на большой, упорный народъ; что подозрительна несговорчивость украинцевъ, — съ кѣмъ только они не боролись: съ нѣмцами, съ деникинцами, съ гетманомъ, съ махновцами, съ большевиками, съ поляками и, наконецъ, съ петлюровцами... Эта несговорчивость не можетъ быть національной — она классовая, въ ней — упорство не гибкаго мелкаго собственника, осознавшаго свои вольности...

Агитаторъ смѣется.

— На этотъ счетъ я знаю не больше вашего. И, конечно, наша война противъ всѣхъ — и въ союзѣ со всѣми, вѣдь какихъ, какихъ только союзниковъ у насъ не было — скорѣе крестьянская война, чѣмъ національная. Самостійность у насъ, какъ коммуна у большевиковъ, — только лозунгъ на знамени. На дѣлѣ не будетъ ни самостійности львовскихъ газетъ, ни коммуны, о которой ваши газеты разумно замолчали, за то не въ свою голову кричать проѣзжіе агитаторы и головорѣзы — начальники мелкихъ бандъ, точно нарочно, чтобы растрявить народъ и испортить краснѣмъ всѣ ихъ украинскія затѣи. Лозунги — только лозунги — въ нихъ историческій запросъ, вѣрить же въ нихъ слѣпо можно было развѣ десять лѣтъ тому назадъ. Отъ Христа съ его запросомъ къ умѣренному папѣ, отъ Толстого — къ Гусеву и Черткову. Но запрашивать надо, ибо безъ Христа не было бы и папы, а Гусевъ и Чертковъ, перенявшіе у Толстого, вмѣ-

сто духовнаго роста, — ведро, которое умный старикъ самъ таскалъ въ буряны, все-таки лучше съ этимъ ведромъ, чѣмъ безъ него... Важно кто соберется подъ знаменемъ, и что смогутъ сдѣлать... Народъ нашъ будетъ жить; и пѣть будетъ; и языкъ сохранитъ; и свитку не скоро скинетъ; и десятокъ Пимоненокъ на свѣтъ произведетъ, чтобы малевали чернобровыхъ дивчатъ въ академіи мистецтвъ; ни Деникинъ, ни поляки этого добра не осилять, а большевики его не трогаютъ и не тронутъ. Большевики покушаются на наши хозяйственныя навыки. И тутъ осѣкутся. Хороводомъ у насъ только паробки съ дивчатами ходятъ, мужики же норовятъ въ одиночку, хуторкомъ, сторонкою. Мелкобуржуазны — были и будемъ. До соціализації копей и заводовъ мало намъ дѣла. Даже отхожихъ промысловъ не знаемъ. Ибо не про мысель сбѣгать на плотахъ по Днѣпру на Херсонщину и привезти оттуда баржу кавуновъ...

— Коммуна, какъ лозунгъ, пошла у насъ на пользу реакціи, и потому вредна. Что она сдѣлала у васъ, въ сельской Россіи, не знаю. Боюсь, что и самостійность тоже служить реакціи. То ли перегостили ее, то ли вырвали изъ цѣльнаго сознанія народнаго и пустили нагишомъ по свѣту. Быль моментъ, годъ тому назадъ, когда Украина, съ умѣреннымъ аграрнымъ закономъ и духомъ соглашательства въ политикѣ была бы добрымъ килемъ въ общемъ россійскомъ плаваніи. Но моментъ быль упущенъ. Массы, идущія за самостійниками, не велики и не за ту самостійность, что на знамени сражаются. Сказать правду, мы не очень этимъ огорчены... Бѣда Украины въ томъ, что ей приходится жить компромиссомъ, всегда стараясь показать, что это вовсе не компромиссъ. Когда-то Турція, потомъ Москва, теперь Польша. Вѣдь и мы, и поляки знаемъ, что наши соглашенія — система наславающихъ обмановъ. Они мечтаютъ руками украинскаго быдла разбить большевиковъ, потомъ надѣть быдлу ярмо, продавать его хлѣбъ. Мы мечтаемъ стать держа вою, укрѣпить армію, взять Черное море, сговориться съ

Россієй и бить поляковъ. И они не скрываютъ, и мы не скрываемъ. Эта́кая грязь... Другая бѣда Украины въ томъ, что силы ея распылены. Партии? Слишкомъ ихъ много, и всѣ зачарованы какими-то несущественными мелочами: однѣ боятся безъ национализма обойтись, другія хотятъ Москву переплюнуть, хотя на дѣлѣ мечтаютъ о равнодѣйствующихъ. Мы тужимся сбросить отжившія личины, тутъ, какъ короста — правительства изъ политическихъ кустарей, изъ политиковъ по ремеслу. Въ такія времена, какъ наши, правительства должны быть построены на лозунгахъ — на историческомъ запросѣ. Запросивъ много, они должны учиться уступать — до тѣхъ поръ, пока устойчивое равновѣсіе не дастъ возможности запросить на-ново. И шагъ назадъ, отъ революціи — ремесленная, вѣпрограммная, реальная политика. Потомъ, о какой реальной политикѣ можно говорить, когда въ тылу у этихъ кустарей нѣтъ ни сильной арміи, ни сплоченной страны. Такъ вотъ, и нѣтъ у насъ другой почвы, кроме живого упорства народа нашего, который славно дерется, и выбѣается какъ изъ полосы ремесленныхъ компромиссовъ, такъ и изъ полосы революціонной лихорадки и запроса. То-есть сдѣлаетъ то, чего мы, украинскія партии, сдѣлать не сумѣли... Совѣтовъ мы не боимся. Совѣты — прекрасная школа для народа. Но боимся московского деспотизма, боимся, что совѣты у насъ будуть не свои...

Ѣдемъ изъ города съ тишайшимъ Степаномъ. Степанъ робокъ и не богатъ, въ городѣ — одинъ разъ за три года; событіе. Все есть въ городѣ, хоть строго стало, и фронтъ близко. Степанъ начиненъ, какъ вареникъ вишнями. Коммунисты начинили Ленинымъ, самостійники — Петлюрою, поляки — даже не скажешь чѣмъ, но чѣмъ-то и они начинили.

Ѣдемъ медленно на тряскомъ возу по липкой апрѣльской грязи. Мгла, за мглою солнце, теменъ очеркъ полей, не-

движны мельницы, недвижны стада, сталъ степной кругозоръ. Петлюра — игра, поляки — хлыстъ, Ленинъ — надо все изломать и всего лишиться; такъ считаетъ Степанъ.

Я говорю о своемъ, Степанъ о своемъ. Дремотно и томительно; тающій въ дремѣ мозгъ слагаетъ примиренный узоръ изъ крайностей, изъ того, чего хочется, и того, чего никогда не будетъ. Чудится отъ дремы и отъ степи, будто тихонько открывается покрывало Изиды простонародья, все видишь и разумѣешь...

Самостійность, не самостійность, какого черта! Застрявъ въ черноземной колдобинѣ, ждемъ, пока вздохнутъ мохнатыя, какъ телята, лошаденки; отъ толчка и стоянія, покрывало задернулось. Ахъ, о чёмъ тутъ гадать! Дѣло не въ Ленинѣ, не въ Петлюрѣ, а въ Степанѣ. Степанъ в се з на етъ. Правда, онъ — «мелкобуржуазенъ», не видить дальше своего плетня и, строго говоря, ужасно при своей кротости глупъ, но... толчокъ, скрипить, накренясь, возъ, трусить лошадки. Пусть грозится Ленинъ владычною своею рукою, пусть знаетъ свое и смотритъ на тысячи верстъ впередъ: Степановъ плетень на мѣстѣ, кому уступить, плетню или Ленину?

Еще колдобины, опять стоять лошади, опять чмокаетъ Степанъ, маячать хаты деревень, топорщатся черныя мельницы, бѣлѣютъ стада, стоить кругозоръ. Да, Степанъ мелкобуржуазенъ, рубить чужой лѣсъ, жжетъ чужой домъ, с во-его и пылинки не уступить. Хорошо бы распалить его, раскачать и пустить безъ путей. Куда повалить, чѣмъ станетъ? Онъ ничѣмъ еще, какъ своимъ, не пренебрегаль, ничего своего не жегъ, надъ всѣмъ дрожать. Онъ никуда еще не шелъ, и не знаетъ, что люди вообще ходятъ. Каменная скиѳская баба.

Глубоки колеи волынского шляха, не своротиши...

Хуторъ.

Все то же. Наше село обобрано, начали жандармы про-мышлять мелочами. Выбиваются у крестьянъ золотыя и серебряныя монеты. Вчера семидесятилѣтняго М., скрягу и богатъя, увезли въ больницу — не хотѣль разстаться съ хорошенькими «пецыками» (золотыя пятирублевки). Били его середь улицы, таща въ хату. Умный стариикъ кричалъ:

— Хоть убейте, въ хату не пойду. Пусть люди видятъ.

Боялся, что вплотную примутся — и выдастъ, гдѣ кладъ. У С. отобрали серебра на рубль сорокъ копѣекъ. У Т., молодоженовъ, ручники съ образа. У другого Т. — дѣтскіе штаны и бабы тряпки. Жандармъ обокраль жандарма, но обвинили полуидиота В. Грозились повѣсить. Мы послѣ тщетныхъ уговоровъ и угрозы жаловатьсяся, малодушно ушли изъ дома, чтобы не слышать криковъ. На утро перевязывали В. раны: колотыя и рваныя, не считая кровоподтековъ. Брать его внесъ у краденныя деньги.

По вечерамъ, когда стемнѣетъ, кордонъ навѣщаются окрестные помѣщики. На утро же, чуть свѣтъ, снаряжаются по ихъ указаніямъ экспедиціи. Подъ вечеръ — возы добычи, бѣлье, одежда, ковры, деньги, кабаны и телята, окровавленныя руки, злое веселье. Въ селѣ Л. до полусотни из-

битыхъ. Въ Кр. — тоже. Въ См. и С. есть раненые. Въ Н. С. пришлось такъ худо, что крестьяне — будь, что будетъ — послали ходоковъ въ уѣздный городъ. Начинаютъ грабить по дорогамъ. У проѣзжаго еврея отобрали фрукты и сушину, сахаръ, медъ, соль, табакъ. Крестьяне ѿзятъ полевыми дорогами, кружными путями.

Духовенство сначала радовалось полякамъ: будетъ порядокъ и почетъ. Теперь и оно призадумалось, каждый по разному. Одного оскорбили солдаты. Другой связанъ десятилѣтіями общей жизни съ крестьянами. Въ третьемъ ожила національная гордость: «руssкіе» мы все-таки, «украинцы» мы, «волынскіе», чего же ляхи измываются надъ нами? Въ четвертомъ — чувство справедливости. Въ пятомъ страхъ народнаго бунта и расплаты.

Въ Кр. отобрали церковь — руками жандармовъ. Иконы женщины разнесли по хатамъ. Престолъ разобрали.

Говорятъ о введеніи унії. Унія пугаетъ священниковъ меньше, чѣмъ гражданское безправіе. Духовенство пріобрѣлось, кромъ немногихъ — и какъ разъ нерелигіозно настроенныхъ священниковъ.

Примемъ унію, трогать не будутъ, говорятъ «вѣрюющіе».

Вообще говоря, священники нерелигіозные — я не говорю объ исключеніяхъ — лучше тѣхъ, кто слыветъ религіозными. Есть среди первыхъ безсребренники, граждански-мужественные и чистые люди. Сторонники унії — тѣ, кто вѣритъ въ долговѣчность польшизны и скучаетъ по твердой власти, или просто корыстные люди. Послѣднихъ — большинство.

Пусть хоть магометанство, только бы покой и порядокъ...

А церкви продолжаютъ отбирать. Въ Кр., въ Лях., въ С... И разсылаютъ опросные листы, изъ которыхъ видно, что

предполагается сокращеніе приходовъ. Крестьяне въ большинствѣ равнодушны. Религіозность есть, но она загнана внутрь и давно, вѣка, плыветъ мимо церкви и пастыря. Ея не видно. Проглянетъ гдѣ въ преступлени, гдѣ въ безпутствѣ, гдѣ въ любви, гдѣ въ строгой чистотѣ, гдѣ въ раздумьѣ, безъ формъ и молитвъ, гдѣ въ предсмертный часъ.

Принудительная обработка свекловичныхъ плантацій. Въ два часа ночи подымаютъ крестьянъ — подводъ тридцать, сорокъ на село. Съ шести они стягиваются на выгонъ. Въ девять вахмистръ, напутствующій ихъ, еще завтракаетъ съ помѣщичьимъ приказчикомъ. Въ десять трогаются. Сколько рабочихъ дней уйдетъ на полотьбу, пропашку, чистку, сборъ?

Пришелъ изъ Подольской губерніи подполковникъ П. Быль петлюровцемъ. Теперь — молчитъ. На югѣ въ районѣ Н. Ушицы и ближе къ Днѣстру, къ Студенцу — хуже, чѣмъ у насъ. Крестьяне тамъ предпріимчивѣе, есть лѣса, ближе фронтъ, чаще мелкія и крупныя возстанія, и терроръ злѣй. П. рассказывалъ о запоротыхъ крестьянахъ, о высѣченныхъ и разстрѣянныхъ священникахъ, о постоянныхъ, крѣпко сколоченныхъ висѣлицахъ, о преслѣдованіи русской и украинской интелигенціи...

Села горятъ и у насъ, и въ Подолії, и въ Кіевщинѣ. У насъ — подъ Шумскомъ, подъ Славутої, возлѣ Проскурова, жгутъ и жгутъ. И тогда слышно, какъ вооружена деревня: въ огнь рвутся ручныя гранаты и патроны. Подъ Проскуровымъ крестьяне расправились съ карательнымъ отрядомъ — нѣсколько сель сравнено съ землею. Уѣздные администраторы грозятъ крестьянамъ огнемъ, евреямъ — по-

громомъ. Но творятъ все то же. И день ото дня всѣ мы, крестьяне, богачи, бѣдняки, учителя, безработные чиновники, дѣйствительно близимся къ предѣлу; дни какъ ярмо, сонъ тяжель и коротокъ, ходишь-ходишь по межѣ, или слѣдишь изъ окна, какъ бываютъ, какъ смыются, какъ обнимютъ дѣвокъ, какъ дарятъ имъ награбленное, какъ охорашиваются въ новыхъ нарядахъ, скосивъ набекренъ конфедератки.

Проходятъ большевистскія развѣдки; говорятъ, что скоро, скоро... Проходятъ странники; говорить, на Литвѣ, въ самой Польшѣ, около Вильны и Минска, по всей Украинѣ то же, что и у насъ...

Продолжаются взысканія убытковъ.

Генералъ П., нашъ сосѣдъ, котораго крестьяне въ свое время выкупили изъ тюрьмы и спасли отъ смерти, до сего дня взыскалъ: долю урожая 1918 г.; долю урожая 1919 г., дополнительную долю урожая 1919 г. — сверхъ половины которая даже по польскимъ обычаямъ причиталась крестьянамъ, ибо земля помѣщичья была ими обработана и засѣяна; % за всѣ старые долги, о которыхъ только онъ, П., помнилъ; разницу въ цѣнѣ за дешево проданный крестьянамъ въ 1918 г. хлѣбъ сравнительно съ нынѣшнею цѣнною — при томъ нужно упомянуть, что дешевизна продажи была актомъ благодарности за выкупъ изъ тюрьмы во времена мѣстной «Шишковской республики»; стоимость пропавшихъ вещей; стоимость уведенныхъ лошадей; стоимость ремонта разоренного проходящими войсками дома. Что можно еще взыскать?

Нѣсколько дней тому назадъ П. по соглашенію съ жандармами, собралъ сходъ. Участниковъ его заперли въ школѣ. Особо указанныхъ лицъ, развели по домамъ и били безъ свидѣтелей, нѣкоторыхъ до потери сознанія. Затѣмъ предъявили требованіе объ уплатѣ опредѣленныхъ суммъ. Били

дубинками пальца въ три толщиною, вырѣзанными въ школьномъ саду. Немолодая уже М. пришла пошатываясь къ нашему доктору, и отлеживается у него въ комнатѣ. Рубцы останутся на всю жизнь. Ф. пострадалъ еще тяжелѣе. И.М. и Ф. во время аграрныхъ волненій скрывали у себя племянника генерала П. Когда кто-то изъ насъ навѣстилъ Ф., онъ, трясясь отъ тоски, безсилія и злобы, говорилъ:

— Жалѣль, пряталь щенка. Отблагодарили. Нельзя ихъ оставлять, всѣхъ начисто надо...

Люди оправились понемногу отъ бани и заходять съ рассказами. Стыдно смотрѣть имъ въ глаза. Наши спины цѣлы, и лица не тронуты. Здѣсь въ деревнѣ все кончат и зируются: политика, соглашенія, республиканская идеи, мораль. Конкретизируется и чувство круговой поруки.

Въ селѣ Кр. помѣщикъ Ю., выходецъ изъ народа, обложилъ крестьянъ данью по 600 романовскихъ рублей отъ двора. Но такъ какъ онъ уберегъ ихъ отъ карательныхъ экспедицій, то сверхъ денегъ одаренъ еще благодарственнымъ адресомъ отъ имени схода. Показываетъ его съ гордостью.

Въ селѣ С., имѣющимъ счастье граничить съ четырьмя помѣстьями, тоже выходецъ изъ народа помѣщикъ Т. обложилъ крестьянъ данью въ размѣрѣ 1.100.000 романовскихъ рублей за частные порубки въ лѣсу площадью около восьми десятинъ. Въ среднемъ на избу пришлось около 2000 рублей. Часть этой суммы онъ предложилъ начальнику мѣстной команды за труды по взысканію. Сумма была такъ несуразно велика, что ее отказались взыскать. Крестьяне пострадали тѣлесно, но не денежно, — какъ деликатно выражался С-скій лѣсникъ.

Въ селѣ Д. помѣщикъ М., родственникъ мирового судьи и виднаго уѣзднаго администратора съ юридическимъ образованіемъ, взыскалъ съ крестьянъ тройную дань: въ пользу свою, въ пользу управляющаго и арендатора. Тутъ же взять свою долю и карательный отрядъ.

И т. д. И т. д.

Всего не записать. Но «бунтъ въ К.» — незаурядное дѣло. И по колориту, и по количеству жертвъ.

Крестьянинъ Т., неуравновѣшенный полутолстовецъ, полувиціонеръ, сговорился съ крестьяниномъ изъ С., того самаго села, что обречено на сосѣдство съ четырьмя помѣщицами, разоружить и плѣнить стоявшій въ К. и не менѣе другихъ разбойничавшій кордонъ. Сговорившись, привлекли третьяго.

Вечеромъ, когда стемнѣло и жандармы притихли въ домѣ, Т., приперевъ снаружи парадную дверь костылемъ, про克ился въ домъ и повѣдалъ жандармамъ, что фронтъ прорванъ, что большевики заняли село и приближаются къ усадьбѣ.

— Придуть, сами знаете, что будетъ. Не хотите смерти, бросайте оружіе. Я васъ выведу.

Въ это самое мгновеніе подъ окнами, у параднаго крыльца, раздались громкіе голоса и возня. Одинъ голосъ командовалъ:

— Смирно. Окружай домъ. Впередъ.

Другой:

— Устанавливай пулеметъ. Наводи.

Все это, конечно, весьма не московскимъ говоромъ.

Если бы нападеніе не было такъ неожиданно, и спаситель не такъ убѣдителенъ, вѣроятно, хотя одинъ изъ жандармовъ кинулся бы къ окну, и убѣдился въ томъ, что враговъ только двое, а вмѣсто пулеметовъ стоитъ распряженный возъ. Но на дворѣ было темно, гибель казалась неизбѣжной. Побросали оружіе, погасили огни, вышли гуськомъ черезъ заднюю дверь и полями пробрались къ лѣсу графа Г. Здѣсь ихъ нагнали сообщники Т. Въ лѣсной сторожкѣ жандармовъ заперли и приставили къ нимъ стражу въ видѣ хромого, плохо вооруженнаго мятеjника.

Трудно себѣ представить, что думалъ Т. о послѣдствіяхъ своей затѣи. Онъ навѣщалъ плѣнниковъ, приносилъ имъ ѳду, плелъ что-то о большевикахъ, о мирѣ и о братской

любви. Особенно же онъ настаивалъ на томъ, чтобы они сняли съ конфедератокъ орлы и ушли добромъ въ Польшу жить, какъ Христосъ заповѣдалъ.

Т. дорого заплатилъ за свое увлеченіе христіанствомъ. Когда сосѣдніе кордоны узнали, что К-скій кордонъ исчезъ безслѣдно, они не на шутку всѣдошлись, предполагая, что отрядъ вырѣзанъ. Были вызваны войска. Войска же, какъ извѣстно, не любятъ тратить даромъ время. Т. и его сообщникъ были повѣшены. Одинъ за голову, другой за ноги. Одинъ повѣшенъ живьемъ, другого предварительно пристрѣлили. Хотѣли повѣсить въ церкви, но ограничились церковнымъ погостомъ.

Когда главныя силы мятежниковъ были уничтожены, каратели обрушились на сочувствующихъ. Распознавали ихъ по географическому и по генеологическому признаку. Больше всѣхъ должны были сочувствовать родственники и сосѣди.

Мѣсяца два послѣ К-скаго мятежа мнѣ пришлось быть въ селѣ С. Разсказы крестьянъ о пальбѣ изъ пулеметовъ поверхъ стоявшей на колѣняхъ толпы, о выгаскиваніи изъ постелей больныхъ тифомъ, о поголовномъ сѣченіи «такъ, что куски мяса отрывались», о подвѣшиваніи мужчинъ и, женщинъ на «трехъ узлахъ», (на шеѣ и на рукахъ) о томъ, что подвѣшиваемый долженъ быть самъ взлѣзть на дерево, привязаться и сброситься — не поддается передачѣ. При мнѣ еще въ этомъ селѣ лежали люди на животахъ и медленно погибали.

— «Спина и задъ гніютъ», объясняли крестьяне.

— Покроешь его тонкой холстинкой, иначе больно и горитъ тѣло, — рассказывала баба — лежитъ, бѣдака, на животѣ и молчитъ, — смерти ждетъ.

Кстати: одного изъ молчаливыхъ мятежниковъ села С. родные попытались отвезти въ больницу. Врачъ, осмотрѣвъ больного, поинтересовался причинами столь необычайныхъ поврежденій; узнавъ же о нихъ, отказалъ больному въ пріюте...

Май—июнь. Хуторъ—Варшава.

Ѣздиль въ уѣздный городъ. Обѣщано разрѣшеніе на проѣздъ въ Варшаву. Пришлось лгать — какъ бывало, на жандармскихъ допросахъ. Вижу, что не вѣрятъ, — но рады избавиться отъ лишняго свидѣтеля.

Съ утра — пулеметная стрѣльба. Жандармы обстрѣливаютъ непокорное село по сосѣдству — отказались крестьяне дань платить.

Попытка легально бороться съ жадармеріей. Данныя о звѣрствахъ переданы уѣзднымъ властямъ. Пріѣхала слѣдственная комисія — грозитъ намъ тюрьмою или концентраціоннымъ лагеремъ за опороченіе добра го имени республиканскихъ польскихъ войскъ. Показанія крестьянъ были робки, но даже ихъ робость не могла скрыть происходящаго.

Комиссія уѣхала, а ударъ пришелся по крестьянамъ. Жандармы, пройдясь по селу ураганомъ, возстановили справедливость. Арестовали откупившихся воровъ. Отобрали дорого оплаченныхъ, брошенныхъ проходившими арміями лошадей. Конфисковали «самовары» у винокуровъ. Преслѣдованія же «мирныхъ» крестьянъ удвоили.

День на день, преступленіе на преступленіе. Не передать главного: крестьянскихъ лицъ, ихъ глазъ, ихъ вопросовъ и обиды. И ихъ, въ трудныя минуты, душевной тишины.

Тяжела эта тишина. Есть въ ней скотскій сонъ, въ ней же медленно копятся силы для доброй мести. Но она не отъ сегодняшняго и не отъ вчерашняго дня. Это — память о тѣхъ вѣкахъ — да, вѣкахъ, а не годахъ — когда месть и иная вольная жизнь были за горами, не мечталось о нихъ и не шепталось, какъ шепчется нынѣ за работою, на завалинкѣ, на церковномъ погостѣ или у нась, въ школьной комнатѣ, въ трехъ шагахъ отъ нашихъ властителей, разорившихъ школу и загнавшихъ нась въ дальний уголъ. Это — память объ обреченности многихъ поколѣній. Вотъ о такой простой, будничной обреченности подъ кнутомъ и пощечиной, подъ плевкомъ и грабежомъ. И когда-то еще травили псами и рубили уши.

День на день — и намъ, отрѣзаннымъ отъ привычной жизни интеллигентамъ, приходится учиться крестьянскимъ тишинѣ и молчанію. Правда, инымъ. Тамъ больше памяти с прошлomъ, чѣмъ у нась, а здѣсь обреченные — мы сами, мы и наши полузаброшенныя, дичающія дѣти. Чѣмъ труднѣе жить, тѣмъ тѣснѣе жмемся мы къ деревнѣ, къ крестьянскому миру. Иногда онъ предаетъ нась, иногда отталкиваетъ — въ минуты, когда нужна отъ него духовная работа и слово; когда же сочувствіе, пассивная стойкость и тепло — онъ съ нами, этотъ ласковый міръ; въ дни бѣды онъ даетъ кровь, несетъ хлѣбъ, полотно одѣть дѣтей, лепешку и медъ побаловать ихъ. Но отступаетъ, если мы требуемъ отъ него — и для него, и для себя — непримиримости и сознательного выбора. Крестьянскій міръ будетъ долго скрипѣть, иногда подличать — и вдругъ вырѣжетъ непріятельскій отрядъ, сожжетъ родное село, разбредется и сгинеть. Мы едва ли станемъ рѣзать, но не будемъ и подличать. И въ этой обыденности — мы вѣрнѣе крестьянскому миру, чѣмъ онъ намъ. Но

онъ не виновать, предавая. Его бьютъ и заушаютъ каждый день, нась — развѣ посадятъ въ тюрьму. Для него это — существенно. Ибо въ этомъ различіи, въ этой привилегіи — напоминаніе о томъ, что на нась грѣхи отцовъ. Наслѣдіе нашихъ надъ нимъ насилий, прошляя наша вольная жизнь, — которой онъ никогда не зналъ, безъ ига будничности, безъ колодцевъ безправія.

Мы — деклассированы, у нась нѣтъ ни кола ни двора. Но съ точки зрѣнія крестьянскаго міра, — это добровольно, по выбору, и потому не въ счетъ, и потому мы все-таки — чужие. Жандармы, власти, польская панцизна нась ненавидитъ. Мы строго держимъ свой маленький охранительный фронтъ между крестьянствомъ и насильниками. Каждая развѣдка оттуда намъ радость и надежда. Но мы знаемъ отчетливо и твердо: когда придутъ наши — въ сумятицѣ военной это можетъ всѣмъ намъ стоить жизни. Ибо мы по рождению — паны. И этого не смыть. Это не важно въ городѣ, за рабочимъ столомъ — все равно писателя или то-каря, врача или механика. Но деревня нашей работы не знаетъ и не цѣнитъ — вотъ, развѣ только врача — деревня памятлива на грѣхи отцовъ и несправедлива — ибо вѣдь мы-то не виновны ни въ чемъ...

Мы не дѣйственны. Мы увѣренno говоримъ съ крестьянами, ибо знаемъ многое, но не потянемся къ власти, когда придутъ наши, можетъ быть именно потому, что многое знаемъ. Не поможетъ намъ то, что нашъ докторъ лежитъ въ сыпномъ тифу, послѣ двухъ зимнихъ и лѣтнихъ эпидемическихъ кампаній одинъ на одинъ съ темной окружой. Не важно и то, что мы едва отходили сестру милосердія, и что она снова днемъ и вечеромъ мѣситъ въ пудовыхъ «семейныхъ» сапогахъ полуаршинную грязь — послушать пульсъ, улыбнуться, снять густоналипшихъ вшей съ темнаго пролежня или отнести молока туда, гдѣ всѣ взрослые лежатъ въ повалку. Неважно. Надо, наконецъ, понять, что то, что дѣлается ради заслуги, уже не приносить даже и этой жалкой

заслуги. Что заслуги нѣтъ. Надо понять, что если хоть на секунду залетѣла въ сердце мысль о ней, то судьба тѣмъ громче напомнитъ — о грѣхахъ отцовъ...

У насъ обыски. Жандармы стали необычайно грубы. Искали — автомобиль въ стогу сѣна! Разрыли тесаками полъ. Подозрительный выстрѣль пробилъ дверь моей комнаты. Слѣдить за приходящими къ намъ крестьянами.

Мнѣ дали знать, что жандармы хотятъ инсценировать заговоръ. Называютъ наши имена и имена наиболѣе близкихъ намъ крестьянъ.

Мы стали добиваться вторичного слѣдствія. И добились. Результаты тѣ же. Ещѣ одинъ приступъ озвѣренія. Опять рытье половъ и безпричинная пальба пачками вокругъ дома — предостереженіе. На этотъ разъ нервы не выдержали. Я далъ себѣ слово не добиваться больше легальными путями улучшенія условій жизни. Сжегъ изъ опасенія болѣе тщательныхъ обысковъ наши московскіе документы и грамоты. И сталъ лихорадочно готовиться къ отъѣзду. Какъ въ тюрьмѣ — сны о побѣгѣ. Надо было спасаться, если не отъ жандармовъ, то отъ собственного разложенія.

Человѣку надо себя истратить, и с т р а т и т с я — скажаль кто-то изъ русскихъ писателей. Тогда отпадетъ грузъ н е с о в е р ш е н н а г о . Станеть легко творить.

Мы истрачиваемся — поляки копять — ибо ихъ скотская, разбойничья, паразитарная жизнь есть накопленіе Я. Кто кого переживетъ? И если они насъ, то можетъ ли этимъ переживаніемъ что-либо быть доказано?

Ихъ угнали. На фронтъ. Подъ Киевомъ что-то случи-
лось. Сегодня вдругъ сноша донесся до насъ глухой подзем-
ный гулъ, а иногда суще и раздѣльнѣ становились удары.

Чистимъ школу, развели костеръ на лугу. Дѣти и взрос-
лые точно опьянѣли отъ радости. Докторъ — едва живой
послѣ сыпняка — опираясь на костыль подошелъ къ костру,
взглянуль на бѣлую въ цвѣту вишневую аллейку и сладко,
слабо улыбнулся на солнце.

Паспортъ полученъ. Щду.

То же, что при выходѣ изъ тюрьмы. Жаль остающихся и
стыдно передъ ними; страшнѣ воли; нѣжность къ стѣnamъ.

Кременецъ, Львовъ, Варшава. Унизительные и трудные
хлопоты о паспортѣ. Много пришлось лгать и притворяться,
пока на глянцевитый кусокъ картона съ украинскимъ гер-
бомъ была поставлена четырехугольная печать польского ми-
нистерства иностранныхъ дѣлъ.

Докладъ въ сеймовой фракціи П. П. С. — о волынскихъ
дѣлахъ. Депутаты вздыхали — и все. Они бессильнѣе, чѣмъ
думалось. Да и кто не бессиленъ въ этой странѣ опереточ-
ныхъ кулись и опереточныхъ героевъ?

Бесѣды съ украинцами. Медлительный и разочарованный
Р. въ прессбюро — онъ во многомъ мнѣ помогъ. У министра
Левицкаго — тоже о Волыни. Не министръ — либеральный
земецъ. Знаеть, что творится, но, какъ и П. П. С., бесси-
ленъ — надъ головою проносятся событія...

Перебирая въ памяти видѣнное, я все меныше понимаю,
какъ можно идти самому или звать чужихъ противъ своего
народа и своей революції? Если же звать чужихъ, то надо

и самому итти. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы кое-кому изъ раздѣтелей народныхъ не стать во главѣ небольшого отряда солдатъ съ аксельбантами и въ ловкихъ конфедераткахъ, и не заглянуть съ «пугою» — свинчаткою въ рукахъ, откуда у мужика ноги растутъ и какого цвѣта у него, подлеца, кровь? Или отчего не выпросить у французовъ — французы дадутъ — дивизію жизнерадостныхъ сингалезовъ или кафровъ и не промчаться съ ними по взгорьямъ Крыма, по степямъ Херсонщины?...

Раздѣлила, жестоко раздѣлила русскихъ людей октябрьская революція. Да и не только русскихъ. За то, что столько фольги перегорѣло въ ея огнѣ — пусть славится въ вѣкахъ ея имя...

Сестра милосердія наша, избалованная когда-то и не знавшая, что такое трудъ, во время войны и революціи исподволь подошла къ какой-то грани. Въ деревнѣ она не то, чтобы опростилась, но сосредоточилась, и когда я примѣряль къ принятымъ схемамъ ея простыя рѣчи, выходило, что стала она аскетической христіанкой-коммунисткой, уравнительницей, скучо, всѣмъ по справедливости отмѣряющею жизнейской блага.

Болѣе года тому назадъ нѣсколько озорниковъ изъ проходившей черезъ село банды схватили сестру и ея дѣтей и поставили подъ прицѣлъ, пока другіе, не желая пачкаться женской кровью, грабили домъ и уничтожали библіотеку. Крестьяне спасли приговоренныхъ, тихонъко оттѣснили, увили задами села и посадили «въ коноплю», классическое для Волыни мѣсто пересиживанья опасности.

Моросиль дождь, жались дѣти, со стороны усадьбы слышались рѣдкіе выстрѣлы, гремѣли на шляху желѣзнымъ ходомъ телѣги.

— И вдругъ — разсказывала нерѣчистая сестра — хоть и дождь и дѣти жалкія, нашла на меня радость; — слава Богу, у насъ теперь ничего нѣтъ, мы,

какъ всѣ, можно сызнова начинать жизнь!

И я перестала бояться.

Вотъ пограничная черта. Самопреодолѣніе. Эта революція — въ духѣ народа. Кто этого не понялъ, — тотъ не увидитъ ничего, кроме хаоса и преступленій. Въ дѣлахъ ея, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, могутъ быть ошибки и ложь. Но не въ ея изначальныхъ родникахъ. Они — въ глубинахъ земныхъ, гдѣ холоднѣе надземной вода и горячѣй надземнаго огонь. Оттого такъ больно нести бремя ея требованій. Однимъ — нищета, другимъ — власть, третьимъ — смерть, четвертымъ — искушенія, пятымъ — грязь, шестымъ — работа въ потѣ лица безъ признанія, седьмымъ — разочарованія, восьмымъ — проклятие, девятymъ — мученія совѣсти, десятымъ — мелкія радости повседневности. А инымъ — мертвые заткнутыя перинами норы европейскихъ столицъ. Но не спасутся и эти.

Странное наше время, странныя дѣла его и стеченія судебъ — личныхъ и общественныхъ. Смотрѣть бы, взвѣшивать и запоминать безъ конца. И помнить объ одномъ — о самопреодолѣніи. Ибо давно вѣдь сказано о горчичномъ зернѣ, что судьба его — умереть и прорости — послѣ смерти.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:
RUSSISCHE BUCHERZENTRALE „OBRASOWANIJE“ G. M. B. H.
BERLIN, NURNBERGERSTRASSE 65.